
ПИСЬМО ВЕТЕРАНОВ
Стихи Василия Федорова
Учительница Наталья Долинина:
Помогать воспитываться
СПОРТ ОТВАЖНЫХ
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 6 (1963)

7 февраля 1965

ЖИЛИ-БЫЛИ МАЛЬЧИШКИ

Фото А. УЗЛЯНА.

Полупустая неуютная комната милиции. Жесткий, холодный стул. И вежливое обращение...

И вопросы, на которые нельзя не отвечать.

А ведь могло быть все иначе. Должно быть иначе. И есть совсем иначе. Иначе — это правило. Так — обидное исключение.

...В Ижевске парней, которым только что минуло восемнадцать, много. Не только те, о которых мы сегодня расскажем в журнале. Не так давно они бегали в школу. Теперь по утрам спешат на работу. Вечером — кинотеатр, библиотека, спортивная секция, свидание под оснеженными старинными фонарями...

Володя Косарев стал подручным у мартеновской печи. Пока четвертым подручным, но уже в обед сталевар А. И. Стерхов сказал:

...Они живут в Ижевске. И о них пойдет рассказ в фотоочерке «Жили-были мальчишки» **(см. стр. 10—11).**

ПОСТУПЬ ГИГАНТА МИРА

ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ЦИФР ИЗ СООБЩЕНИЯ ЦСУ ПО ИТОГАМ 1964 ГОДА:

229 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК—население Советского Союза

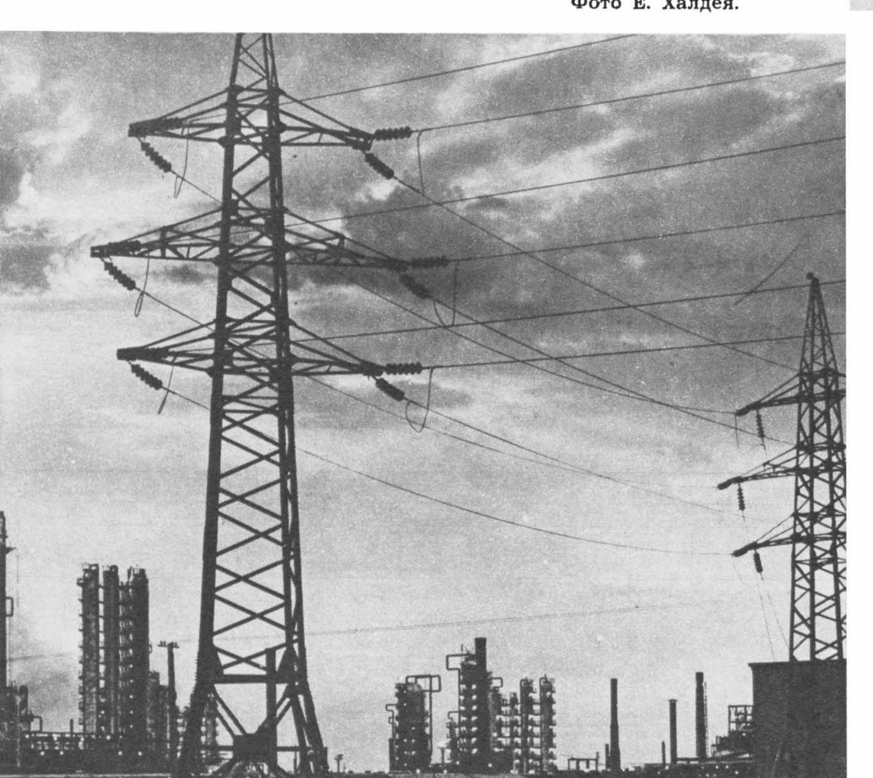
600 НОВЫХ КРУПНЫХ предприятий вступило в строй

БОЛЕЕ
600 ТЫСЯЧ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ трудится сегодня в нашей стране

БОЛЕЕ
1 МИЛЛИОНА **900** ТЫСЯЧ КВАРТИР получили новоселы

В новом детском саду Смоленска.
Фото Дм. Бальтерманца.

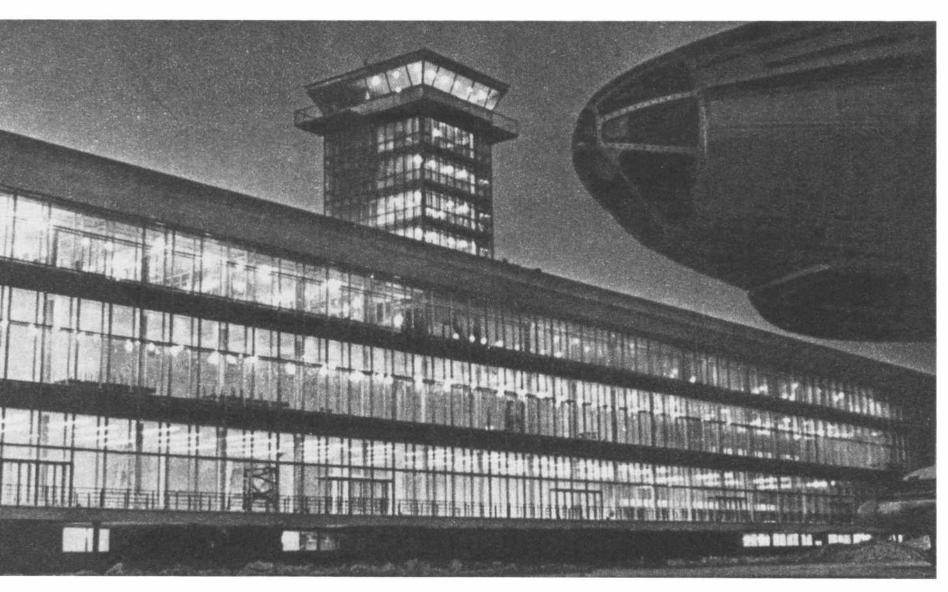
Новые производства, вступившие в строй на Ново-ярославском нефтеперерабатывающем заводе.
Фото Е. Халдея.

«НАВЕКИ ВМЕСТЕ!»

— ТАКОВ ДЕВИЗ КОНКУРСА, КОТОРЫЙ ПРОВОДИТ «ОГОНЕК» СОВМЕСТНО С ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ДРУЗЬЯМИ.

Об условиях конкурса читайте на 8-й странице.

АЭРОВОКЗАЛ ЗАЖИГ

Здание московского аэропорта Домодедово.

Фото И. Тункеля.

Автострада минует заснеженный лес. Мелькает указатель: «До московского аэропорта Домодедово 5 километров».

Слышится гул реактивных двигателей, по искристому снегу скользит тень идущего на посадку воздушного лайнера.

Главный инженер проекта аэропорта Домодедово Алексей Александрович Арнольд рассказывает нам, что это один из крупнейших аэровокзалов в Европе. Общая площадь — около 35 тысяч квадратных метров. Здание аэровокзала из стекла и бетона — легкое, изящное, просто не верится, что оно так огромно.

Начальник аэропорта Домодедово Михаил Алексеевич Мещеряков, показывая новый вокзал, ведет нас по пути будущих пассажиров, тех, которые улетают.

...Огромный зал в две тысячи квадратных метров. Здесь одна за другой выстроились 36 стоек для приема багажа. Сдавать его можно в любой из них — выбирай, где меньше народа.

— Багаж транспортеры доставят в цокольный этаж,— говорит Михаил Алексеевич,— его автоматически рассортируют по рейсам и отправят на нужный самолет. Ну, а пассажир, если располагает временем, сможет пройти в зал ожидания. Мебель удобная, красивая. Тут же отделение сберкассы, междугородный телефонный пункт, почтовое отделение, парикмахерская, многочисленные буфеты. На втором этаже, рядом с залом для транзитных пассажиров, ресторан на полтысячи мест.

— В чем вы видите основную особенность нового аэровокзала?

— Здесь пассажиры не будут выходить на перрон, чтобы сесть в самолет.— Михаил Алексеевич показывает нам две длинные, застекленные галереи, вытянувшиеся к взлетному полю.— К каждой из галерей могут одновременно подрулить по три самолета. Специальные закрытые трапы соединят кабины воздушных лайнеров с галереей, и пассажиры будут занимать свои места, не выходя на улицу.

Кроме того,— продолжает Ми-

Орденом Строителей народной Польши наградил польский народ Первого секретаря Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии товарища Владислава Гомулку. Эта высокая награда — признание исторических заслуг товарища В. Гомулки, благодарность за его долголетний труд на благо польского народа.

6 февраля товарищу Гомулке исполнилось 60 лет. В этот день видный деятель международного коммунистического движения получил поздравления от руководителей коммунистических и рабочих партий многих стран, от верных товарищей по борьбе за счастье всего человечества.

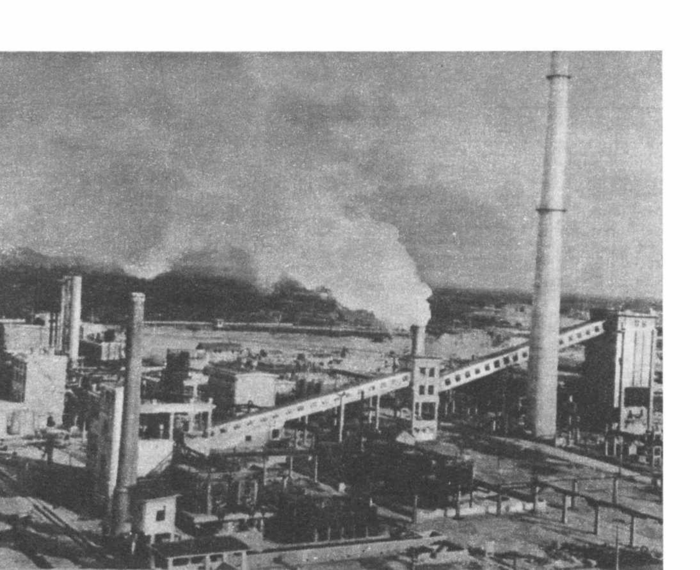
Горячие поздравления получил товарищ В. Гомулка из Советского Союза; он большой друг нашей страны. «...Мы — друзья, братья и соседи,— говорил Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка.— У наших народов общие жизненные интересы; у нас общее дело — дело социализма и мира».

Замерла жизнь на обычно шумном Восточном вокзале Парижа. Два дня во Франции не ходили поезда, не работали министерства, были закрыты школы. Забастовка работников национализированных отраслей и государственных и общественных служб показала силу рабочей солидарности, решимость французских трудящихся отстаивать свои интересы. Эту забастовку поддержали рабочие предприятий, принадлежащих частным компаниям.

Рабочим-строителям Италии угрожает безработица. В знак протеста против этой угрозы римские строители устроили забастовку и собрали огромный митинг около Колизея. На разгон демонстрации, которая состоялась после митинга, власти бросили полицию.

Крепнет экономическая база Демократической Республики Вьетнам. Успехи вьетнамских друзей в строительстве социализма отмечены созданием за десять лет 1 000 новых предприятий. У ДРВ есть своя металлургия, свое машиностроение, своя химическая промышленность. Вступают в строй новые предприятия легкой промышленности. Свободный народ демократического Вьетнама изменил облик страны. На этом снимке — металлургический комбинат Тхай Нгуен, где недавно введена в действие коксовая батарея и агломерационная фабрика.

По улицам западногерманского города Швейнфурт-на-Майне грохотали американские танки. Десять дней шли совместные боннско-американские маневры. Печать отмечала, что они проводились с учетом применения ядерного оружия. Боннские милитаристы особенно охотно принимают участие в таких маневрах.

...АЕТ ОГНИ

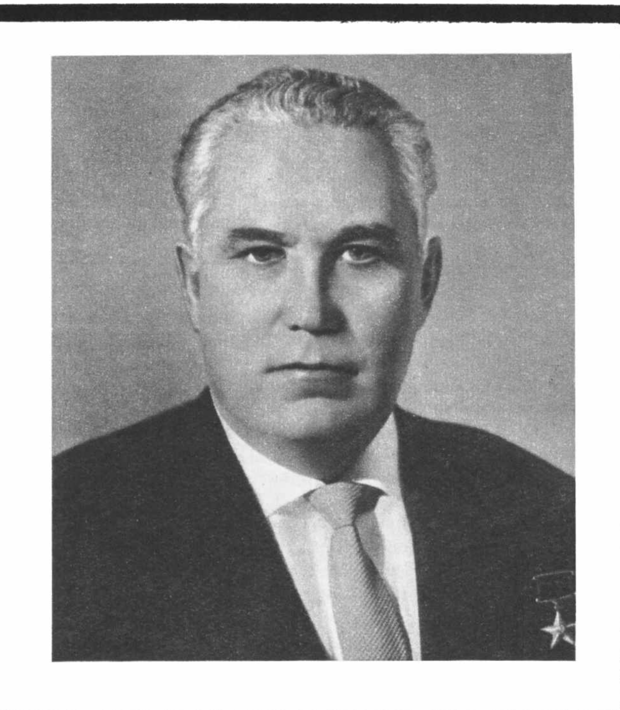
хаил Алексеевич,— здесь созданы наилучшие условия для технического обслуживания самолета, отправляющегося в рейс. Внизу галерей вмонтирована подводка сжатого воздуха, кислорода, электроэнергии, горячей воды, горючего— одним словом, всего, что необходимо для подготовки самолетов в полет. Это значительно снижает эксплуатационные расходы и облегчает труд технического персонала. Такое нововведение особенно важно при большом количестве прибывающих и улетающих самолетов. Ведь когда будет полностью закончено строительство аэропорта, мы сможем обслуживать не одну сотню рейсов в сутки. Аэровокзалу придется принимать тысячи пассажиров в час.

— А как же будет доставляться в Москву эта пассажирская лавина?

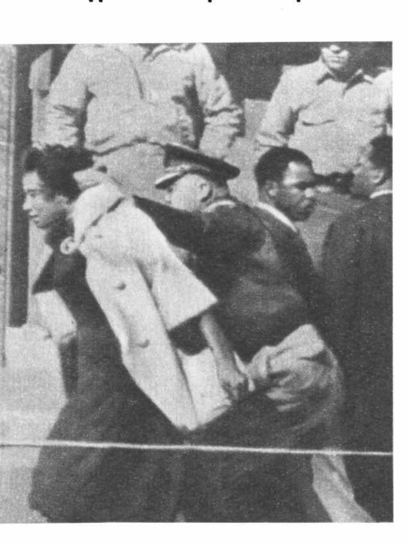
— К самому аэровокзалу подведена электрическая железная дорога, построена автострада, а потом будет и монорельсовая железная дорога.

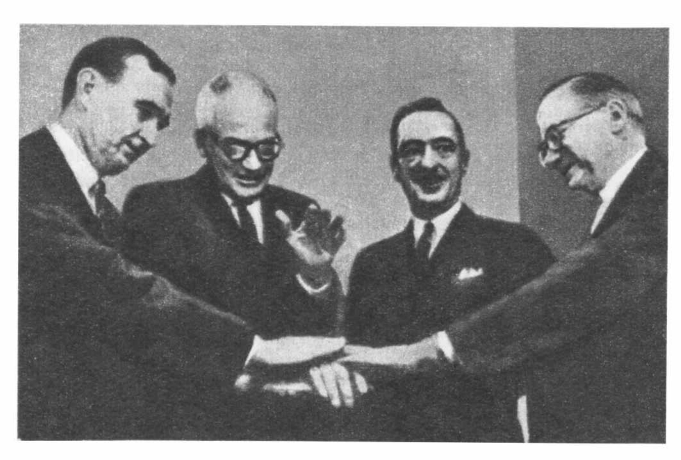
А. ГОЛИКОВ

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием известили, что 30 января 1965 года после тяжелой и продолжительной болезни на 57-м году жизни скончался Фрол Романович КОЗЛОВ, видный деятель КПСС и Советского государства, член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда.

▼ **Среди американских шерифов южных городов, которые пулями и дубинками хотят задушить движение негров за гражданские права, появилась новая фигура — Джим Кларк. В городе Селма, штат Алабама, где бесчинствует этот расист, до недавнего времени лишь один процент жителей-негров был зарегистрирован в качестве избирателей. Недавно негры Селмы начали массовую регистрацию. Ответ со стороны Джима Кларка последовал немедленно: он арестовал около 300 человек, пустив в ход дубинки и электрические пруты, которыми пользуются для загона скота. На снимке вы видите Джима Кларка за «работой».**

Перед вами прелюбопытная сценка: незадачливый кандидат в американские президенты Барри Голдуотер официально получает пинок от единомышленников. На заседании национального комитета республиканской партии в Чикаго с поста председателя партии был смещен главный адвокат Голдуотера Дин Бэрч (на снимке — слева), а вместо него назначен Рей Блисс (крайний справа). Голдуотеру (второй слева) осталось только присоединиться к всеобщей радости по этому поводу. Впрочем, он остается верным своим взглядам, которые привели его к поражению на выборах. «Если мои речи были плохими, вы можете винить меня в этом,— заявил он лидерам республиканцев.— Но мне они нравятся».

▶ **Человек в светлом плаще, изображенный на этой фотографии,— лидер английских фашистов Колин Джордан. Проникнув на одно из собраний лейбористской партии, он попытался устроить там провокацию. С фашистом не стали церемониться — его просто вышвырнули за дверь.**

Снимок нам прислало румынское агентство Аджерпресс. Объектив запечатлел строительство комбината химических удобрений в Турну Мэгуреле. Первая из его одиннадцати фабрик — фабрика серной кислоты — уже действует.

В эти дни советские люди с особым интересом следят за жизнью братской Румынии. 4 февраля исполнилось 17 лет с тех пор, как был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой. Договор проникнут духом подлинного братства, он отвечает жизненным интересам обеих стран.

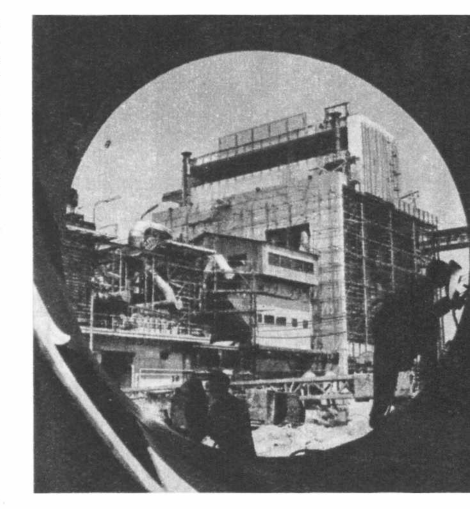

Фото ТАСС, Аджерпресс, ЮПИ, газеты «Дейли уоркер», журнала «Тайм».

30 января в Англии состоялись похороны бывшего премьер-министра, видного политического деятеля страны Уинстона Черчилля.

В издательстве «Наука» готовится к печати книга «Под знаменем Испанской республики», в которой собраны воспоминания советских людей, участников национально-революционной войны в Испании 1936—1939 годов, со вступительной статьей председателя Компартии Испании Долорес Ибаррури. Это — первое издание, наиболее полно отображающее одну из славных страниц интернационального братства советского, испанского и других народов в борьбе с темными силами фашизма.

Среди авторов воспоминаний — министр обороны Союза ССР Маршал Советского Союза Родион Яковлевич МАЛИНОВСКИЙ. Хорошо зная товарища Р. Я. Малиновского как прославленного полководца, под руководством которого воины советских фронтов одержали ряд замечательных побед в Великой Отечественной войне, наши читатели могут познакомиться еще с одним, менее известным периодом его биографии. Воспоминания о войне в Испании, несомненно, представляют собой большой исторический интерес.

Редакция «Огонька» выражает сердечную благодарность Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому и издательству «Наука», предоставившим нам право первой публикации мемуаров.

ГНЕВНЫЕ

ВИХРИ ИСПАНИИ

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза

Кто из людей моего поколения не помнит тревожных июльских дней 1936 года, когда по всей нашей стране прокатились вести о фашистском мятеже в далекой Испании! Севилья, Наварра, Мадрид, Барселона... Там, за тысячи километров от Советского Союза, под знойным небом Пиренеев, затрубили боевые трубы, и, обливаясь кровью, встала республиканская Испания навстречу темным силам фашизма. Зловещая фигура генерала Франко, будто тень Гитлера, замаячила на дальнем горизонте. Каждый здравомыслящий разглядел в этой фигуре призрак неумолимо надвигавшейся второй мировой войны.

Собственно, испанские события не были для мировой общественности громом средь ясного неба. Тучи войны уже громоздились не только над Испанией, но над многими странами Европы, и если гроза разразилась тогда именно над Пиренейским полуостровом, то только потому, что обстановка, царившая в Испании, в наибольшей степени способствовала фашистскому заговору. В сущности, это была первая проба военных сил фашизма, совершенно справедливо названная авангардной битвой, прелюдией ко второй мировой войне.

Нет смысла останавливаться на событиях, из которых слагается зловещая биография фашистского мятежа,— эти события хорошо освещены историей. Все, о чем рассказано ниже,— свидетельства очевидца некоторых этапов героической борьбы испанского народа с темными силами фашизма, свидетельства подвигов бойцов славных республиканских и интернациональных бригад, с которыми довелось встретиться на каменистых дорогах Испании в те грозные дни.

Первой реакцией каждого советского человека на весть о фашистском мятеже в Испании был гневный протест против чудовищной вылазки генерала Франко. Естественное желание советского военного человека было занять место в строю республиканцев. Целый поток рапортов с просьбой о добровольной посылке в Испанию устремился в Наркомат обороны. Мне хорошо запомнились дни томительного ожидания ответа на мой рапорт и ни с чем не сравнимая радость, когда я услышал слова:

— Ваша просьба удовлетворена.

Сборы были недолги. И вот с полупустым чемоданом, заброшенным на верхнюю полку, с тысячами мыслей в голове, я трясусь в вагоне поезда, следующего до Хельсинки, и изучаю по карте свой дальнейший маршрут: Турку, затем пароходом до Стокгольма, где предстоят некоторые формальности, поездом до порта Мальме, оттуда самолетом до Роттердама, потом Париж и франко-испанская граница... За окном проплывают аккуратные, припорошенные снежком еловые рощи, полиловевшие березки, бесчисленные озера с белыми валунами по берегам — типичный скандинавский пейзаж.

Наконец хельсинкский вокзал. Чисто, уютно, но по-холодному сановито. Билет до Турку у меня есть, но когда и с какой платформы отправляется поезд? В окошечке справочного бюро важно восседает чиновник — сухой и длинный, как жердь. Обращаюсь к нему за разъяснениями. В ответ — молчание. Повторяю вопрос по-французски:

— Когда идет поезд на Турку?

Лишь легкая гримаса пробегает по плотно сжатым бескровным губам. И вдруг лицо чиновника покрывается сеткой веселеньких морщин.

— Битте, битте...

Оборачиваюсь и вижу за собой офицера в форме германской армии. Ах, вот оно что! «К русским почтения нету»,— перефразирую про себя стихи Маяковского и в раздумье отхожу от окошка. Тут же слышу тихое:

— Товарищ...

Рядом стоит человек в серой, изрядно поношенной форменке с цифрами на фуражке. Догадываюсь, что это носильщик, а по тому, с какой осторожностью он говорит со мной, понимаю: по головке его за это не погладят. С каким презрением посматривают на носильщика прогуливающиеся рядом господа! И перед глазами встают две Финляндии: аристократическая, с откровенной неприязнью в холодных глазах, и своя, простая, рабочая, готовая подставить тебе плечо.

Носильщик взял мой чемодан и тихо произнес:

— Следуйте за мной.

С помощью этого человека отправляюсь в Турку с первым же поездом. Там на вокзале быстро нахожу справочное бюро, и повторяется старая картина. Когда пароход на Стокгольм? Где морская контора? Не слышат, не понимают. Ни по-русски, ни по-французски. Это начинает надоедать. И тогда, не стесняясь в выражениях, мешая русские слова с французскими, я просто кричу на человека, сидящего за окошком справочного бюро. Это действует моментально. Служитель, как видно, крепко уяснив, что повышает голос только власть имущий, принял и меня за такового.

Так была выбита необходимая справка. Теперь надо спешить в морскую контору за билетом. Посматриваю на свой полупустой чемодан: как бы на часок освободиться от него? Стоп, выход, кажется, найден. Еще в первую мировую войну слышал я от солдат финляндских полков об особом культе честности у финнов. Помнится, я слышал, что человеку, уличенному в воровстве, в Финляндии отрубают руку. Что ж, есть случай убедиться в достоверности рассказов своих давних друзей.

Подхожу к фонарному столбу на вокзальной площади, оставляю

возле него свои пожитки и, сопутствуемый удивленным взглядом полисмена, удаляюсь прочь. Возвращаюсь и еще издали вижу: стоит мой чемодан у столба. Когда прохожу с ним мимо полисмена, он улыбается и козыряет мне...

Правы оказались финские солдаты! Не знаю только, чему отдать предпочтение: культу честности у финнов или бдительности полисмена. На вокзале были ведь не только финны.

Из Мальме летел на стареньком немецком самолете. Поднялись и сразу же попали в полосу дождя и тумана, чувствовалась близость капризного Северного моря. Машину швыряло из стороны в сторону. Наконец идем на посадку. Самолет бежит по бетонке, и на одном из ангаров я успеваю заметить красный флаг с белым кругом и свастикой. Тут же бросилось в глаза — Гамбург. Вот-те раз! Я в Германии, в стане фашизма, против которого лечу сражаться! Первой мыслью было вспыхнувшее подозрение в провокации, но через минуту все выяснилось: из-за плохой погоды летчик сделал крюк, и требуется дозаправка бензином.

Из самолета никого не выпускают. Я сижу у окошка и вижу: на крыло взбирается рабочий в комбинезоне и выкручивает крышку бензобака. Опускает в отверстие шланг с горючим. Ладони крупные, трудовые. Они совсем рядом. Подбегая к основаниям пальцев, синеют надувшиеся вены. Но что это? На пальце большое кольцо. Интересно, золотое или медное? Скорее всего медное, с крупным черным угловатым камнем. Да ведь это свастика!

Мелкие детали моего путешествия начинают складываться в систему. Надменный, явно антисоветский холодок в Финляндии... Свастика, украшающая кольцо немецкого рабочего, одурманенного нацистским угаром. Все, о чем раньше только думалось — напряженно, тревожно,— обступает тебя воочию и осязаемо.

Да, фашизм начинает крепко въедаться в тело Европы, и еще будут, будут жесточайшие схватки с ним.

Серый, туманный Роттердам с устремленными в размытое небо треугольными и стрельчатыми крышами. Пересаживаемся на самолет французской компании — и под крылом страна, с которой связано столько дорогих сердцу воспоминаний солдатской юности. Второй пехотный полк русского экспедиционного корпуса, ранение под фортом Бримон, волнующие душу вести о свержении самодержавия в России, избрание в ротный солдатский комитет, горячие дни бунтующего Ля Куртинского лагеря и первые революционные бои с защитниками старого строя в лице реакционного русского офицерства здесь, на французской земле, а потом в составе иностранного легиона, опять сражения с кайзеровской Германией... Не скоро тогда пришлось вернуться в Россию, и обо всем этом вспомнилось в самолете, летящем над Францией. Дорога повторяется. Только тогда, в 1916 году, я прибыл сюда солдатом царской армии, а теперь, через двадцать лет, пройдя бури гражданской войны и целиком посвятив себя Красной Армии, лечу добровольцем в Испанию, чтобы помочь народу этой страны в борьбе с той силой, которую одолели мы, русские пролетарии.

И вот Париж, последний пункт перед Испанией. Явился в наше посольство. В одной из комнат группа советских работников о чем-то оживленно беседовала с сухощавым, высоколобым человеком в штатском костюме. По выправке в нем легко можно было узнать военного.

— Кто это? — спросил я у сопровождавшего меня товарища.

— Вас познакомить? Капитан Арман, только что оттуда.

Оттуда — это значило из Испании. Впрочем, я уже был наслышан об Армане, под руководством которого с исключительным героизмом действовали под Мадридом наши танкисты. Какое мужество проявил в этих боях сам Арман, я знал из корреспонденций Михаила Кольцова в «Правде», хотя в этих корреспонденциях, по вполне понятным причинам, Арман назывался просто «капитаном». Мне было известно, что он удостоен высшего боевого отличия — звания Героя Советского Союза.

Не удивительно, что через минуту мы уже крепко пожимали друг другу руки, и прославленный танкист вводил меня в курс испанских событий. Одно дело официальные источники, а другое — разговор с человеком, который все видел и пережил сам. Зримо предстали передо мной подвиги бойцов возглавляемой Клебером Первой интернациональной бригады в составе немецкого, польского и французского батальонов, мужество наших славных танкистов и летчиков, храбрость дружинников знаменитого Пятого полка — детища Коммунистической партии Испании.

Беседа с Арманом еще раз убеждала: пустым звуком осталась хвастливая фраза генерал-предателя Мола: «Четыре колонны идут со мной, а моя пятая колонна находится в Мадриде». Атаки фашистских молодчиков Мола были отбиты, а выступления «пятой колонны» подавлены рабочими отрядами. Напрасно было усердие лакеев Франко, готовивших ему белого коня для торжественного въезда в покоренный Мадрид 7 ноября 1936 года. Мадрид устоял. Он не был взят мятежниками к 7 ноября — осквернить день нашей великой революции фашистам не удалось. Он не был взят до конца почти трехлетней битвы: Мадрид как символ высокого патриотического духа республиканцев вообще не был покорен никогда. Да, никогда!

Из Парижа поезд доставил меня в Порт-Бу, прилепившийся на самом острие угла, который образуют линия юго-восточного испанского побережья и франко-испанская граница.

На станции и в городе переполох: военный корабль «неизвестной национальности» только что подверг Порт-Бу сильному артиллерийскому обстрелу. По улицам бегали люди и собирали осколки снарядов, тщательно их рассматривая: не сохранились ли клейма, которые скажут о принадлежности корабля. Святая простота! Всему миру была известна германская и итальянская принадлежность пиратствовавших у берегов Испании подводных и надводных кораблей. Но что толку! Гитлер и Муссолини давно растоптали все каноны международных отношений, а империалистические державы лишь опускают долу глаза. Помогут ли в этом случае новые доказательства варварства немецкой военщины...

В Порт-Бу впервые увидел испанских анархистов. Они были одеты в рабочие спецовки — «моно», у каждого на лацкане — черно-красный бант. Держались они развязно, самоуверенно. Позднее мне не раз приходилось встречаться с ними. В основном это были деклассированные элементы. Но некоторые отличались настоящей отвагой. А тогда, при первом знакомстве с анархистами, они чем-то здорово напомнили мне наших украинских махновцев с Гуляй Поля.

Наконец мое путешествие подошло к концу. Переезд из Порт-Бу в Барселону, а оттуда в Валенсию прошел без особых приключений, если не считать одного забавного случая. В купе я оказался вдвоем с прилично одетым гражданином, который всю дорогу мурлыкал какой-то веселый мотивчик. Перед одной из остановок он взглянул на свои запыленные ботинки и вмиг решил их освежить. Два-три быстрых движения ногами — и ботинки обтерты о плюшевую обивку дивана.

«Ловкач!» — мысленно удивился я и подумал: «Наверное, добро республики тебе не дорого».

Валенсия встретила меня пестрой толпой горожан, гостеприимно распахнутыми дверями кафе, доносящейся из них музыкой, огнями неоновых реклам... При выходе из вокзала меня уже поджидал наш русский товарищ. Он отвел меня в гостиницу и усадил в кафе.

— Когда подойдет официант, закажите ему «кафе кон лече». Это значит — кофе с молоком. А я пойду доложу о вашем прибытии.

С «кафе кон лече» и началось изучение испанского языка.

Вскоре я из полковника Малиновского стал коронелем Малино и под этим псевдонимом отправился в Мадрид. Перед отъездом долго ожидал переводчика. Потом сказали, что можно трогаться.

В малолитражном «опеле», который мне подали, сидел человек со знаками майора республиканской армии. Мы познакомились и некоторое время ехали молча. Потом я заговорил по-русски и вижу, что мой спутник ничего не понимает. Выяснилось, что он не переводчик, а офицер оперативного отдела Генерального штаба. Ему было поручено меня сопровождать и представить в Мадридском штабе. К счастью, мы оба немного владели французским, так что разговор все-таки завязался. Впоследствии мы с майором стали хорошими друзьями.

«Опель» наш был далеко не новым, и до Мадрида мы добрались лишь к рассвету. Мадридский штаб размещался в подземелье здания министерства финансов. Здесь я и был принят совсем уже усталым комбригом А. Е. Горевым, выполнявшим роль военного советника у генерала Миахи. Было видно, что любезности расточать ему некогда. В то время как раз шли бои под Лас Росасом и Махадаондой, где отбивались яростные атаки фашистов. Сухим военным языком комбриг предложил мне направиться в район Галапагар и там найти генерала Купера[1], заместителем которого я должен был стать. Еще до рассвета я покинул Мадрид, не успев рассмотреть этот легендарный город.

Во встретившейся колонне машин штаба 14-й интернациональной бригады меня ожидал сюрприз. Долго и безуспешно объяснялся я по-французски с капитаном, представившимся комендантом штаба. Вдруг слышу:

— Я вижу, вы русский, так давайте и говорить по-русски.— И протянул мне руку: — Капитан Кореневский.

Долго буду помнить я тебя, капитан Кореневский, бывший петлюровец, эмигрировавший во Францию и оказавшийся все-таки по нашу сторону баррикад.

Это был изумительно храбрый человек. Он самоотверженно дрался с фашистами — понял, видно, старую свою ошибку и старался искупить ее. А искупить ее пришлось капитану дорогой ценой. Позднее, в боях под Леридой, будучи комендантом штаба 35-й дивизии генерала Вальтера, в обстановке сложной и хаотически запутанной, он с колонной штабных машин ночью попал в пробку на дороге. Пошел вперед очистить путь. Встретил какую-то другую автоколонну и крикнул:

— Сто-ой! Очищай шоссе!

Офицер, возглавлявший колонну вражеского итальянского корпуса, узнал в нем республиканца и в упор послал ему пулю в грудь.

Между прочим, в составе 14-й французской и других интернациональных бригад служило еще немало бывших русских белогвардейцев. Дрались они прекрасно и главным образом за право получить советский паспорт — «молоткастый, серпастый», дающий возможность вернуться на родину. И они шли в бой как герои. Видно, большая правда в поговорке, которую часто повторяли люди, не сумевшие когда-то найти правильную дорогу: «Кто за границей не бывал, тот тоски по родине не знал».

Но я слишком отвлекся. Капитан Кореневский указал мне путь на командный пункт 12-й интернациональной бригады. Здесь я принял за генерала Купера начальника штаба бригады полковника Белова (Карло Луканова), который впоследствии стал министром иностранных дел Народной Республики Болгарии, а ныне является ее послом в Швейцарии. Потом мы вместе все-таки разыскали Купера, и я сразу же получил от него указание уточнить положение наших войск на фронте и характер боя. Тогда же впервые познакомился с командиром 12-й интернациональной бригады генералом Лукачем — он же Матэ Залка, венгерский революционер, писатель, публицист и наш командир Красной Армии, грудь которого украшал орден Красного Знамени.

До сих пор вспоминается мне первая встреча с этим человеком. Такой теплотой повеяло от его добрых глаз из-под темных бровей, и весь он, порывистый, улыбающийся, сразу же располагал к дружбе и привязанности. Прошло совсем немного времени, как мы обменялись рукопожатиями, а мне уже казалось, что давно и хорошо знаем друг друга. Разговор сразу зашел о деле.

— Помогайте, помогайте, полковник Малино,— говорил генерал Лукач.— Фашисты снова атакуют Мадрид, теперь здесь, на нашем направлении.

---

[1] Советский доброволец Г. И. Кулик.

Впрочем, с обстановкой я уже был знаком. Еще во второй половине ноября мятежники начали понимать, что их лобовые удары по городу с юго-запада ни к чему не приведут. Тогда они решили овладеть Мадридом с северо-запада. Подготовку к этой второй операции по овладению Мадридом мятежники вели в течение всего декабря, а 3 января бросили в северо-восточном направлении на Эль-Пардо крупные силы при значительной поддержке орудий и танков. У занимавшей этот участок фронта 11-й интернациональной бригады сдержать такой удар не хватало сил. Фронт республиканцев был прорван. Но в ходе боев фашисты понесли большие потери и вынуждены были остановиться для пополнения потрепанных частей и перегруппировки сил. И тут, допустив явный тактический просчет, они вместо того, чтобы развивать достигнутый успех глубже на север и северо-восток, круто повернули на Араваку, где наткнулись на сильное сопротивление подошедших резервов республиканцев. В трехдневном ожесточенном бою у Араваки мятежники истощили силы своих ударных частей, исчерпали резервы и вынуждены были перейти к обороне. Воспользовавшись этим, республиканское командование решило 11 января нанести ответный удар по мятежникам, сосредоточив в районе Галапагар 12-ю и 14-ю интернациональные бригады с задачей наступать в направлении Галапагар — Махадаонда. Завязались упорные бои. В разгар этих событий я и прибыл на командный пункт генерала Лукача, где познакомился еще с одним замечательным болгарским товарищем, человеком исключительной храбрости и отваги, Петровым — Фердинандом Козовским, занимающим ныне пост председателя Бюро Народного собрания Болгарии.

Я отправился выполнять задание генерала Купера. Оно было более чем своевременным. Дело в том, что испанские и интернациональные части состояли из храбрых, преданных делу свободы антифашистов, но познания их в военном деле отнюдь не соответствовали революционному энтузиазму. К тому же интернациональные батальоны состояли из бойцов различных национальностей, что затрудняло их взаимодействие. На месте нужно было организовать хорошее наблюдение за противником, обеспечить фланги и стыки частей, словом, решить ряд вопросов, без которых немыслим никакой боевой успех.

Вот так, в гражданском костюмчике, я и появился в республиканских траншеях. По пути к передовой, укрывшись от вражеского пулеметного огня под неказистым мостиком, встретился с оказавшимся тут же командиром 14-й бригады генералом Вальтером — знаменитым польским генералом К. Сверчевским, легендарно храбрым солдатом.

В последующие дни события на фронте развивались так. Контрудар республиканцев пришелся по флангу и тылу наступавшей группировки и поэтому был особенно эффективным. Бои длились до 15 января. И хоть республиканцам полностью разгромить мятежников не удалось — такая задача была просто непосильной,— однако вторая решительная операция фашистов против Мадрида была сорвана. С 15 января обе стороны закрепились на занимаемых рубежах, дальше которых фашисты не смогли продвинуться до самого конца войны. Республиканский Мадрид был еще раз спасен от смертельной угрозы. Это была подлинная победа молодых, только что реорганизованных вооруженных сил республики: не следует забывать, что самые старые бригады, сражавшиеся на этом участке фронта (3-я, 11-я и 12-я), были созданы всего два месяца тому назад, возраст остальных исчислялся лишь двумя-тремя неделями! С большой натяжкой можно было назвать их настоящей армией. Огромный революционный энтузиазм масс взывал к борьбе, и люди, многие из которых никогда не помышляли стать военными, взяли в руки оружие. Это были вчерашние рабочие, крестьяне, мастеровые, служащие. Кое-как научившись прицеливаться из винтовки, они уже шли в бой в отрядах народной милиции.

Теперь вчерашние «милисианос» вместе с «волонтерами свободы» интернациональных бригад остановили и жестоко побили регулярные, отборные части врага, натренированные в колониальной войне, вооруженные современным германским и итальянским оружием.

Величайшая заслуга испанских коммунистов, возглавляемых Хосе Диасом и Долорес Ибаррури, состояла в том, что они первыми выдвинули лозунг создания регулярной армии и настойчиво шли к этой цели, преодолевая сопротивление остальных партий республиканского лагеря. Коммунисты первыми сформировали в своем Пятом полку батальоны регулярного типа, они были инициаторами введения института военных комиссаров.

Однако успехи правительственных войск могли бы быть более значительными, если бы не досадная неразбериха в военном ведомстве. На каждом шагу приходилось сталкиваться с неувязками в работе различных звеньев военного аппарата, с пережитками обветшалых традиций. Например, оборонительными боями в районе Махадаонда, Лас Росас, Аравака с 3 по 10 января руководит штаб обороны Мадрида, то есть генерал Миаха, а контрнаступлением 11—15 января — штаб Центрального фронта, то есть генерал Посас. Но так как половина общего числа бригад, участвовавших в наступлении (3-я, 31-я и 32-я), подчинялись Миахе, который не всегда был в курсе намерений генерала Посаса, то часто лишь с помощью добрых советов наших товарищей удавалось добиться согласованных действий всех бригад. А иногда и добрые советы не помогали. Поражал разрыв между активным, боевым, революционным, патриотическим духом сражающихся войск и канцелярщиной, безразличием, отсталостью в высших инстанциях, в которых нередко тон задавали кадровые офицеры, воспитанные на рутине королевской армии и чуждые интересам народа.

Вообще говоря, чего не хватало республиканской армии Испании в первую очередь, это хорошего, до конца преданного революции высшего командования. Оно состояло в основном из генералов старой королевской армии, чья пассивность нередко граничила с предательством, а военная неподготовленность — с тактической и стратегической безграмотностью. И как часто энтузиазм массы бойцов натыкался на неповоротливость, а иной раз на умышленную бездеятельность командиров! В 1936—1939 годы, в сущности, трагически повторилось положение, которое было характерным для испанской революции 1856 года и о котором так точно писал Карл Маркс: «Здесь — хорошо оснащенная армия, послушная воле своих командующих; там — вожди, неохотно продвигающиеся вперед под напором плохо вооруженного народа».

С горечью вспоминаются сейчас эти «вожди». Во главе Центрального фронта стоял генерал Посас — воплощение военной отсталости, довольно старый человек. Поздним утром его поднимали с постели на утренний туалет. На это уходило несколько часов. Потом к нему являлся такой же старый полковник, начальник штаба. Происходил короткий обмен любезностями, и на этом аудиенция кончалась. Справедливости ради надо сказать, что Посас был предан делу республики. Но традиции военной рутины прошлого тяготели над ним.

Все управление войсками Центрального фронта, собственно, прибрал к рукам начальник оперативного отдела майор Горихо, с виду энергичный и преданный республике офицер. На самом же деле это был агент Франко, один из важных винтиков той самой «пятой колонны», на которую мятежники возлагали такие большие надежды.

В феврале 1937 года на смену Посасу пришел генерал Миаха, до этого командовавший войсками Мадридского фронта. В смысле военных знаний он мало чем отличался от своего предшественника. До фашистского мятежа генерал Миаха командовал одной из дивизий. Часть этой дивизии оказалась на стороне мятежников, а часть — на стороне республиканцев. Но штаб дивизии продолжал существовать, и Миаха в первое время по-прежнему числился командиром этого соединения. Он даже подписывал приказы о присвоении очередных званий офицерам, причем в независимости от того, на чьей стороне они находятся.

Вообще Миаха был большой оригинал. Он буквально коллекционировал членские билеты партий Народного фронта, которые ему подносились как «герою» обороны Мадрида. У него был билет социалистической партии, даже комсомола — в его-то возрасте!

Мне запомнилось, какими пышными церемониями обставлялись выезды генерала Миахи. Впереди его машины следовал обычно отряд мотоциклистов, причем первый мотоциклист — с начищенным до ослепительного блеска горном. Горнист изо всех сил трубил в свой инструмент: мол, разойдитесь, расступитесь! Все шествие замыкали бронемашины.

При виде такой картины люди действительно шарахались с дороги.

Вот таким, надменным, честолюбивым, и запомнился этот военачальник тому, кто с ним встречался. Одна видимость, а содержания ни на грош. И если возглавляемый генералом фронт все же крепко держал оборону, то Миаха был тут, как говорится, ни при чем. Фактическое руководство обороной Мадрида в течение зимы и весны 1936—1937 годов находилось в руках начальника штаба Мадридского, а затем Центрального фронта полковника Висенте Рохо, которого в мае 1937 года сменил тоже способный штабной офицер полковник Матальяна. Но решающее значение имело упорство и доблесть фронтовых частей Народной армии — испанских и интернациональных бригад.

Война рождает героев — в битвах за Мадрид выдвинулась плеяда преданных народу офицеров. Вначале они командовали ротами, батальонами, бригадами, а впоследствии дивизиями и корпусами. Назову здесь лишь тех из них, с кем мне приходилось сотрудничать в боевой обстановке: Хуан Модесто, Энрике Листер, Этельвино Вега, Педро Матеу Мерико, Гонсало Пандо, Хоакин Родригес, Мануэль Маркес, Хосе Мария Галан, Франсиско Галан, Игнасио Идальго де Сиснерос, Франсиско Сиутат. Некоторым из них не хватало систематических военных знаний и боевого опыта, методы их управления были зачастую партизанскими. К тому же в войсках отсутствовали нормальные органы управления — штабы, технические средства связи, транспорт и четкая система снабжения. Все эти важные элементы регулярной армии в начале 1937 года были еще в зародыше, их предстояло создать, строя армию под огнем противника.

Неопытность бойцов и командиров республиканской армии очень давала о себе знать. В той же Махадаондской операции мне воочию пришлось убедиться в этом. Помнится, мне поручили тогда помочь командиру 3-й смешанной бригады майору Хосе Мария Галан перебросить его часть из Лас Росаса, то есть с левого фланга республиканского фронта на правый.

Бригада была сформирована недавно, состояла в большинстве своем из крестьян, не имевших ранее никакого понятия о военном деле. Между тем марш предстоял нелегкий: нужно было скрытно, в обход позиций противника, в условиях бездорожья, выйти в точно назначенное место. Пришлось буквально на ходу принять меры к маскировке, помочь командиру бригады составить график движения и т. д.

Много поработали мы, военные специалисты, чтобы помочь республиканским командирам обучить войска действиям в ночных условиях. Дело это было сложное, и одной из первых держала экзамен на умение воевать ночью 1-я смешанная бригада Листера. Именно в ночь на 19 января ей удалось захватить командную, очень важную высоту под Мадридом — Сьерро де лос Анхелес — гору Ангелов, которую республиканцы называли Сьерро Рохо, то есть Красной, может быть, по аналогии с нашей Красной Горкой. Засевший на ней батальон фалангистов был разбит и пленен.

К сожалению, республиканцам не удалось удержать высоту. Когда фалангисты собрали несколько батальонов и стали контратаковать Сьерро Рохо, обрушив на нее сотни артиллерийских снарядов, бригаде Листера по вине генерала Миахи не была оказана артиллерийская поддержка.

Продолжение следует

Бранко Вукелич.

Награда Бранко Вукелича

Мать летела из Токио. Сын ехал из Белграда. Они встретились в Москве. Встретились, чтобы принять награду, которой был удостоен их муж и отец — Бранко Вукелич, бесстрашный разведчик, соратник легендарного Зорге.

Иосико Ямасаки, небольшого роста, тоненькая черноволосая женщина в очках, с мягкой доброжелательной улыбкой, негромко говорит:

— Бранко был честным солдатом мира. Он сражался против фашизма и пал в этой борьбе. Я верила, я всегда знала, что он не будет забыт, что ему будет оказана та честь, которую он заслужил.

После паузы она добавляет:

— Я бы хотела, чтобы он сам смог получить эту награду.

Так не случилось. Бранко Вукелич погиб двадцать лет назад в тюрьме, погиб героем, не дрогнув и сохранив веру в свои идеалы.

— Бранко был очень добросердечным человеком, всегда веселым. Я не помню, чтобы он бывал раздраженным. У него всегда находились добрые слова о других и хорошая шутка,— рассказывает Иосико Ямасаки.— Он шутил даже тогда, когда я с сыном приходила к нему на свидание в тюрьму.

Маленькому Хироси было семь месяцев, когда был арестован его отец. В тюрьме Вукелич провел несколько лет. Сын запомнил его после одного из тюремных свиданий. Детская память сохранила немногое. Теперь Хироси Ямасаки, аспирант Белградского университета, знает об отце все.

Что чувствовали жена и сын Вукелича, когда в Кремле им передавали орден Отечественной войны I степени, заслуженный героем-разведчиком? Об этом нелегко рассказать. Но вот слова, произнесенные Иосико Ямасаки, они помогут представить себе эти чувства:

— Бранко считал Советский Союз своей второй родиной. Он мечтал, что когда-нибудь мы приедем сюда, поживем здесь...

Мы спрашиваем у Иосико, знала ли она Зорге.

— Нет,— отвечает она.— Я знала, что есть человек, которого Бранко называл «хозяин». И знала его голос: он звонил нам по телефону.

И еще один вопрос задали мы жене и сыну Вукелича: как понравилось им здесь, в Советском Союзе. Традиционный вопрос, который вовсе не звучит традиционно, если задать его людям, у которых самый близкий человек погиб, служа первой стране социализма.

Иосико и Хироси Ямасаки в Москве.

— Мы очень счастливы,— сказали они.— Нам понравилось здесь. Здесь живут добрые, гостеприимные, очень симпатичные люди. Мы верим, что эти люди не забудут тех, кто, как Бранко, сражался против фашизма. Передайте наш привет советским друзьям.

А. СЕРБИН

И конец и начало

Эдуард Матусевич, рослый (190 сантиметров), крепко сложенный спортсмен, любит музыку, театр, но еще больше любит коньки. В школе Эдуард увлекался многими видами спорта, а любовь к конькам возникла случайно. По-серьезному молодой спортсмен занялся коньками, лишь когда закончил институт. И вот огромный успех. Эдуард Матусевич стал чемпионом Европы.

28 соискателей лавров из 10 стран сражались два дня на стадионе «Уллеви». Все 16 спортсменов, допущенные к заключительной дистанции — 10 000 метров, набрали в сумме многоборья менее 188 очков. Результаты высокие. И не только в многоборье. На дистанции 500 метров мало известный до этого голландец Ард Шенк повторил рекорд для европейских чемпионатов знаменитого Евгения Гришина, а ведь Шенк совсем не спринтер. В драматической борьбе на 1 500 метров два скорохода — Матусевич и норвежец Пер-Ивар Му — показывают время 2 минуты 8,5 секунды. Такой результат до сих пор был доступен не всем корифеям ледяной дорожки даже на высокогорных катках.

Борьба в Гетеборге за лавровый венок развернулась между советскими и норвежскими скороходами. Другие спортсмены, даже знаменитый швед Йонни Нильссон, оказались лишь статистами. Приятно отметить возвращение на пьедестал почета москвича Виктора Косичкина.

Чемпиону Европы 1964 года Антсу Антсону пришлось сложить с себя полномочия конькобежного короля континента. Ну что же, придется ему утешаться тем, что за последние пять лет никому не удавалось две зимы подряд сидеть на ледяном троне. Но не будем спешить «хоронить» эстонца. Вечером, после соревнований, когда участники собрались в последний раз вместе, чтобы получить призы, Антс сказал мне:

— Есть у меня одна причина, почему я сдал позицию, но это секрет...

Однако секрет таллинского студента тут же раскрыли ребята: Антс женится. Ну что же, причина действительно уважительная. Вспомните судьбу чемпионов предыдущих лет, которые потеряли сезон по тем же обстоятельствам: норвежец Кнут Юханнесен, москвич Виктор Косичкин.

Наш молодой многоборец Юрий Юмашев в Гетеборге подружился с чертовой дюжиной. Он был тринадцатым на 500, 5 000 и 10 000 метров. И под тем же роковым числом остался в итоговом списке. Для прошлогоднего обладателя серебряной медали такое выступление, конечно, не назовешь почетным.

Если говорить о темных лошадках на нынешнем чемпионате, то это голландцы. Довольно бледно начал текущий сезон Ард Шенк, рослый, немножко угловатый парень, а в Гетеборге он улучшил почти все свои личные рекорды. Ему 20 лет. Увлекся конькобежным спортом четыре года назад. Второй сезон выступает в крупных соревнованиях. Профессия? Помогает вовсю трудиться отцу на сельскохозяйственной ферме. Между прочим, ферма эта находится в 30 километрах от Амстердама, в деревне Анна Павловка (это в честь русской балерины Анны Павловой).

Закончился европейский чемпионат, впереди чемпионат мира у женщин в финском городке Оулу и мужской — в Осло. Последний представляет особый интерес: ведь те, кто проиграл в Гетеборге, постараются взять реванш, а кто завоевал лавры, будут самоотверженно отстаивать свой титул.

Н. КИСЕЛЕВ

Гетеборг.

НАШ КОНКУРС

На берегу Влтавы, в пражском районе Смихов, стоит танк с номером «23». Ранним утром 9 мая 1945 года он прогрохотал по улицам Праги. Защитники пражских баррикад обнимали черных от пыли и усталости советских парней, совершивших беспримерный бросок из поверженного Берлина, чтобы принести Праге свободу.

Это было двадцать лет назад, но те майские дни навсегда остались в памяти и сердцах чехов, словаков, советских людей.

Мы были братьями в войне против фашизма, мы стали братьями в великой трудовой семье народов, строящих социализм и коммунизм.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

По предложению наших чехословацких друзей «Огонек» объявляет конкурс, посвященный советско-чехословацкой дружбе. Девиз нашего конкурса: «Навеки вместе!».

Если ты или твой товарищ участвовал в боях за освобождение Чехословакии, сражался вместе со славными участниками словацкого восстания против эсэсовских дивизий, напиши нам.

Если ты работаешь на станке, выпущенном чехословацким заводом, напиши нам.

Если ты читаешь книги чехословацких писателей, смотришь кинофильмы, снятые в Чехословакии, напиши нам.

Если ты провел отпуск в Карловых Варах или в Высоких Татрах, познакомился с людьми Чехословакии, напиши нам.

Если ты обмениваешься почтовыми открытками или марками с другом из Чехословакии, напиши нам.

Мы опубликуем в «Огоньке» лучшие из рассказов, очерков, зарисовок, фотографий о советско-чехословацкой дружбе.

Мы приглашаем принять участие в нашем конкурсе всех желающих — рабочих и колхозников, литераторов и ученых, художников и солдат. Ждем твоих писем, дорогой читатель!

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

Мы должны получить материал не позднее 1 апреля. Он не должен превышать 4—5 страничек на машинке.

Победителей конкурса определит жюри, в состав которого войдут представители посольства Чехословакии в Москве, Союза чехословацко-советской дружбы (ЧССР), Общества советско-чехословацкой дружбы (СССР), редакции журнала «Огонек».

Для победителей конкурса установлены 25 премий.

1-я премия: мотоцикл чехословацкого производства «Ява» (250 см³).

2-я премия: двухнедельная путевка для поездки в Чехословакию.

3-я премия: фотоаппарат «Флексаретта».

В числе остальных премий — изделия чехословацкой промышленности: музыкальные инструменты, художественное стекло, фарфоровые сервизы, костюмы и платья моделей 1965 года, женские украшения. Эти премии приготовила для участников конкурса чехословацкая организация по пропаганде внешней торговли «Рапид», торговые объединения «Мотоков», «Чедок», «Лигна», международная ярмарка в Брно и другие организации.

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА В КОНКУРСЕ. ЖДЕМ ПИСЕМ!

Письма посылайте по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек», конкурс «Навеки вместе!».

ЭЛЕГАНТНО, ПРОЧНО

С ритмичным шумом работают сновальные машины. Перед ними установлены маленькие, похожие на пеналы ящички — нейтрализаторы. Они с помощью радиоактивных изотопов ионизируют воздух и снимают с нитей заряды статического электричества, которые получаются от трения. Это улучшает работу машин, увеличивает их производительность.

Так на Московском шелковом комбинате имени П. П. Щербакова работает атом для мирных целей. Комбинат — одно из передовых текстильных предприятий страны—выпускает добротную и красивую продукцию.

— В этом году,— рассказывает главный инженер комбината Владимир Иванович Торопов,— мы выпускаем новые высококачественные ткани с применением таких химических волокон, как профилированный капрон. Его грани придают окраске материалов «Концертный», «Яхонт», «Сказка», «Лолита» своеобразные светящиеся тона.

Выпускаем новые ворсовые ткани, очень элегантные, такие, например, как «Черномор», а также новый искусственный мех «Бобренок».

Комбинат имени Щербакова — один из зачинателей движения за лучшее в мире качество продукции. Уже в ближайшие годы его ткани смогут успешно конкурировать на международном рынке.

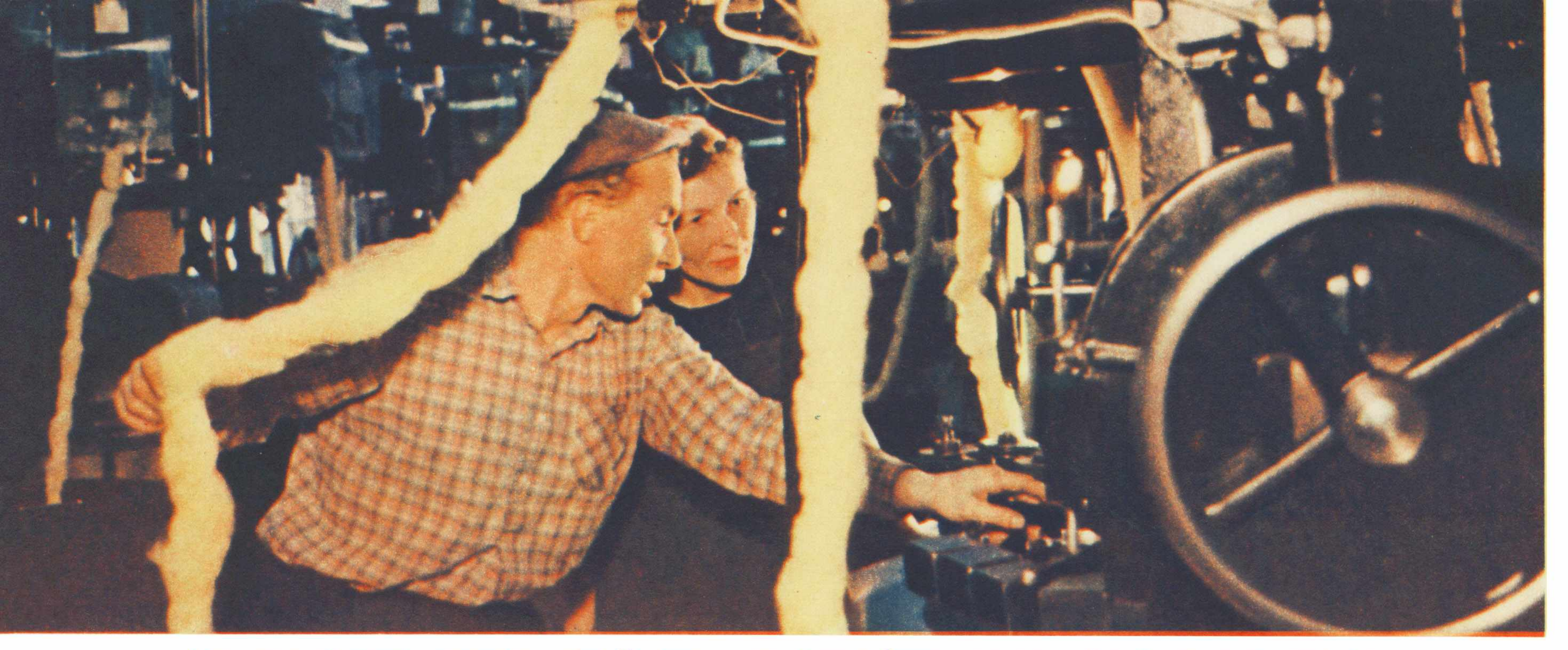
А. ЛЕШИН

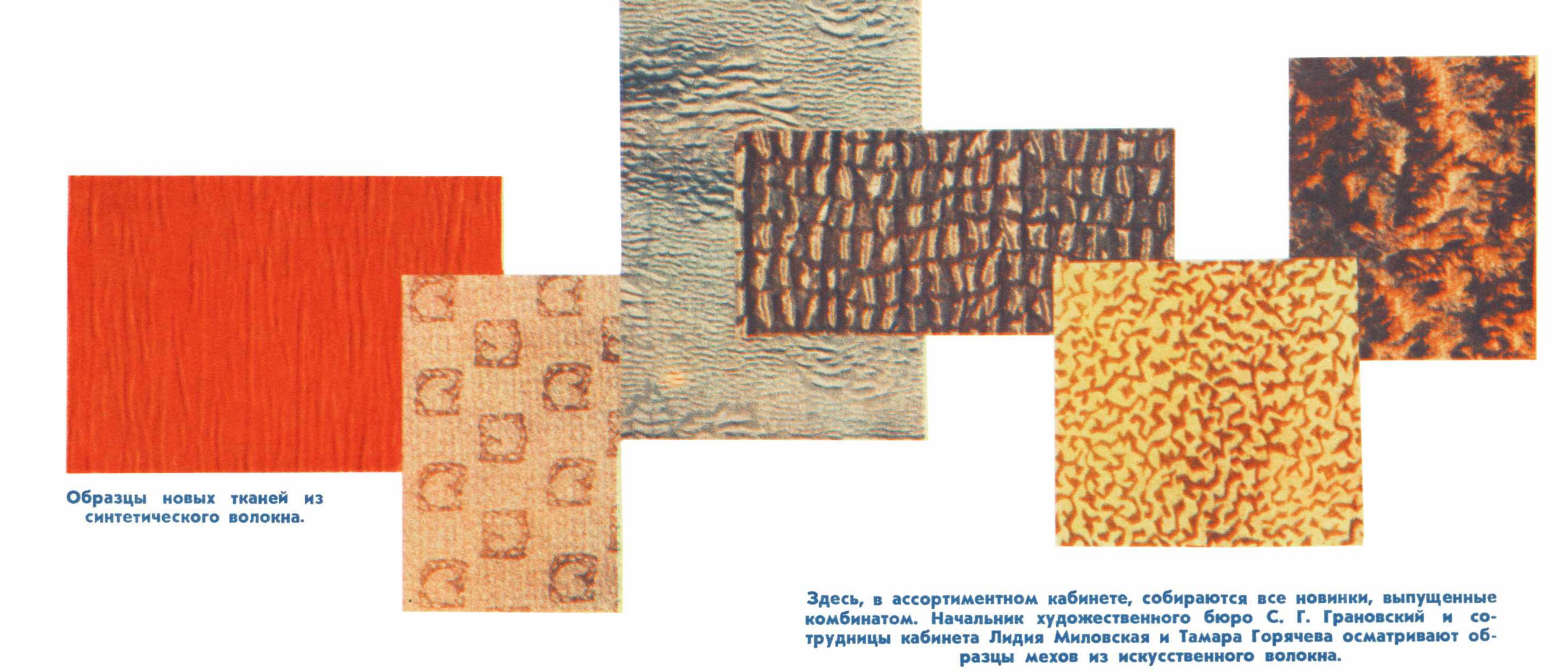
Ударница коммунистического труда Раиса Королькова.

Фото М. САВИНА.

Сновальщица Елизавета Соловьева работает в приготовительном цехе комбината.

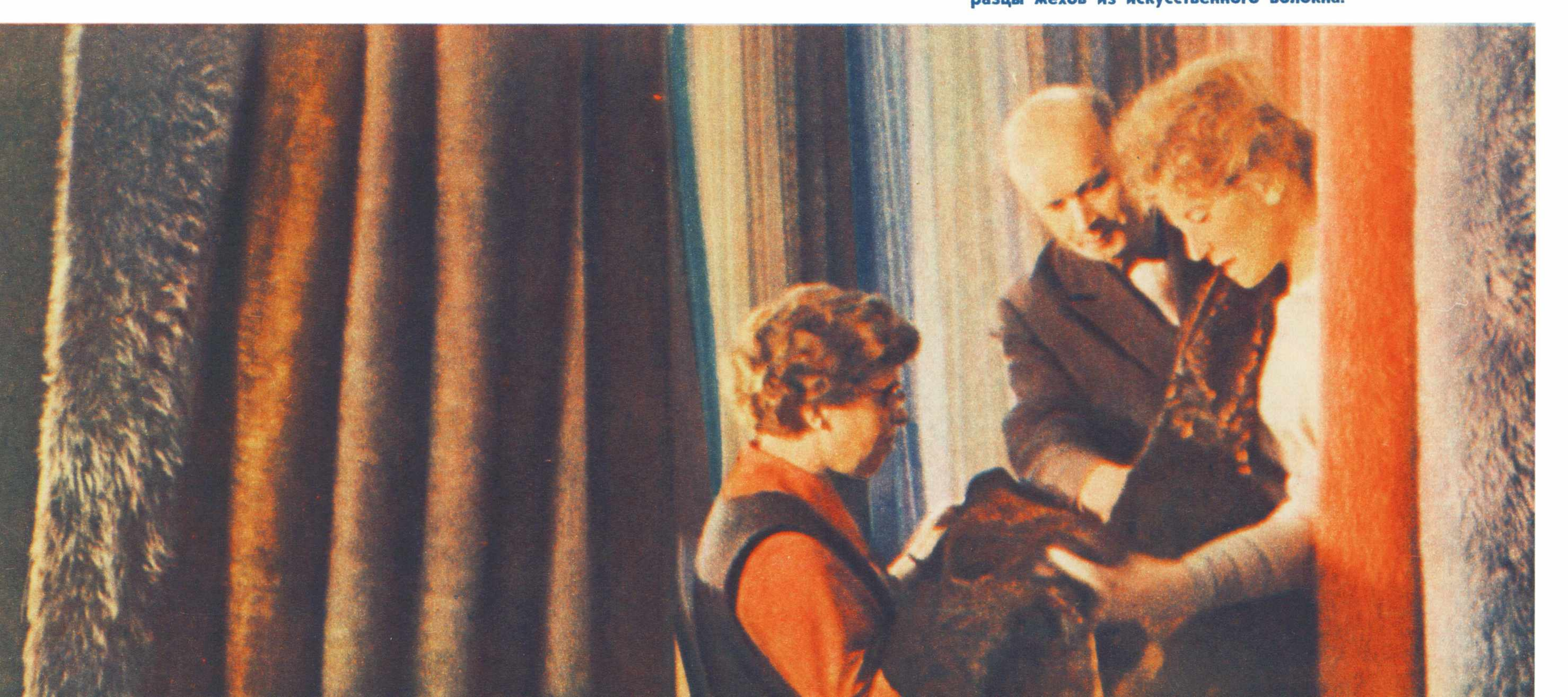

В этом цехе изготовляют искусственные меха. Помощник мастера Евгений Сергеев и вязальщица Нина Горохова за наладкой машины.

Образцы новых тканей из синтетического волокна.

Здесь, в ассортиментном кабинете, собираются все новинки, выпущенные комбинатом. Начальник художественного бюро С. Г. Грановский и сотрудницы кабинета Лидия Миловская и Тамара Горячева осматривают образцы мехов из искусственного волокна.

Мария КИСЕЛЕВА

ПЛАТЬЯ-БЛИЗНЕЦЫ, КОСТЮМЫ-УРОДЦЫ

Всесоюзное совещание по детской одежде длилось несколько дней. В клуб «Крылья Советов» приехали художники-модельеры, закройщики, текстильщики, продавцы, директора магазинов, врачи, педагоги. Шел большой разговор о проблемах детской одежды. Разговор предметный, наглядный: вот что такое хорошо и что такое плохо! А главное, каковы они, ухабы на пути хорошего.

На просмотровой дорожке появлялись мальчики и девочки, одетые во все новенькое. Глаза разбегались: один наряд лучше другого!

Но почему же так часто прекрасные модели, любовно созданные художником-модельером, дойдя до прилавка, становятся уродцами? Какие злые силы встречаются на их пути и, словно в сказке, превращают прекрасную лебедь-птицу в гадкого утенка?

ЗАБОТЫ МОДЕЛЬЕРА

О, сколько, оказывается, у них наболевших вопросов! Наша собеседница — главный художник по детской одежде Общесоюзного Дома моделей Нина Дмитриевна Немира, знающая все тонкости этого искусства, говорит горячо, заинтересованно:

— Мы хотим, чтобы все наши дети были одеты красиво. Опыт, точное знание, что нужно ребенку, чувство современности у нас есть. Есть огромное желание работать и почти никаких прав. Посудите сами... Вот сделана модель летнего костюмчика. Она получила высокую оценку художественного совета. Приглашаем швейников, представителей торговли. Модель не берут. Причины? Самые разные. Одним показалось, что костюм сложен для выполнения, на карманчике аппликация — неохота возиться. Другие испугались, что не обеспечат фабрику такой тканью. А может, ларчик открывается еще проще: недостаточно развит вкус. Так или иначе модель осталась неосуществленной. Художнику обидно. Но дело не ограничивается моральным уроном: его лишают прогрессивной оплаты.

Другая модель принята. Но на швейной фабрике платье шьют совсем из иной ткани: нужной нет на складе. Меняют отделку, не пришивают пряжку, лепят пуговицы другого цвета. Глядишь, и от чудесной модели ничего не осталось. Вся ее прелесть пропала.

В разговор вступает Марина Александровна Вышеславцева, художник-модельер Общесоюзного Дома моделей:

— Необходима координация интересов модельеров, текстильщиков, продавцов, швейников и предприятий, выпускающих фурнитуру. Сейчас мы похожи на лебедя, щуку и рака, тянущих воз в разные стороны. Текстильные фабрики почти не выпускают красивых дешевых детских тканей. Им это не выгодно. Фурнитурщикам безразлично, что швейники изнывают от недостатка различных пуговиц, пряжек, шнурков, ярких ниток, тесемок. А швейникам частенько с рук сходит, что выпускаемые ими уродцы мертвым капиталом — на многие миллионы рублей — лежат в складах магазинов... Без визы художника в торговлю не должно идти ни одно платье, ни один костюм.

ЧТО СКАЖУТ ШВЕЙНИКИ?

В дни совещания по детской одежде я беседовала со многими швейниками из разных городов. А жалоба у всех одна: цветовая гамма тканей, фурнитура.

Директор фабрики № 24 Михаил Константинович Видгоф двадцать лет занимается швейным делом. Его клиенты — миллионы детей. Он говорит:

— Спросите любого швейника, он вам ответит: режут нас ткани, нитки, вся фурнитура. Красивых дешевых детских тканей почти нет. Фурнитуры тоже... Вот и шьем из того, что дают. А что делать? Есть план — его надо выполнять. Есть рабочий коллектив, мастера, специалисты — значит, нужно заботиться о прогрессивке. Вот и обижаем своих же детей, детей своих же товарищей... Плачешь и шьешь. Ведь модель уже запущена в производство. И его не остановишь. Рабочие не могут простаивать...

Нет, не колдуны превращают прелестный костюм в урода. Это недостатки планирования, руководства, организации. Швейным предприятиям спущены сверху железные планы: по валу, себестоимости, ассортименту, поставке, реализации, по накоплению, по каждой модели и пр. и пр. Как в железных тисках держат эти планы швейников, сковывают их маневр, желание применяться к потребностям заказчика, менять ассортимент, который так часто зависит от моды, от появившейся новой ткани и от многих никак не планируемых на год вперед причин.

Как трудно остановить поток заведомо уже не пользующихся спросом костюмов и платьев! Первая партия поступила в магазины, и оттуда уже раздается «SOS»: «Прекратите выпуск этих пальто!» «Не могу!» — отвечает директор-швейник. «Изделия эти не покупают»,— убеждает магазин. «У меня план,— твердит директор.— Меня бьют за невыполнение плана».

И продолжает выпускать товары, которые заведомо будут лежать мертвым капиталом. Разве государству выгодно, чтобы фабрика выполняла ТАКОЙ план? По-другому этот план надо составлять. Специалисты утверждают: нужен план снизу, план, создаваемый на основе запросов и вкусов покупателей детской одежды.

Но это одна сторона дела. В легкой нашей промышленности, к сожалению, вообще не очень жалуют запросы ребят. Специально детских тканей (в особенности шерстяных и шелковых) текстильщики почти совсем не вырабатывают. Почему? Все тот же вал. В нашей стране еще мало специализированных фабрик детской одежды. Те, что делают так называемые взрослые ткани, не очень-то охотно переключаются на выпуск детских: опять же невыгодно, вал не вытянешь...

И еще одна беда, идущая опять же не от злой воли, а от плохой организации дела. На что чаще всего сетуют мамы и папы? Удивительно уныл по краскам и рисункам ассортимент тканей, из которых шьют детскую одежду. Виноваты, конечно, во многом наши химики: все еще не могут решить проблему красителей. Но никак не свалишь вину на химиков, скажем, за то, что в Саратове, например, почти все девочки ходят в зеленых платьях одного и того же рисунка, а в Волгограде — в красных. И тоже одного рисунка. В чем дело? Приехал, скажем, швейник из Саратова к текстильщикам за товаром. Просит ткани разных цветов и рисунков. А ему говорят: «Сейчас гоним километры синей с таким-то рисунком. Хочешь — бери, хочешь — нет. Зеленую и голубую начнем на следующий месяц выпускать. Бежевую в прошлом месяце запускали. Хранить на складе негде было. Всю забрал Воронеж». Саратовский швейник вынужден смириться: берет, что дают. Хотя и знает, до чего это обидно, когда все саратовские девочки будут ходить в платьях-близнецах.

Где же выход? Люди, причастные к детской одежде, в один голос твердят: нужны специальные, так называемые подсортировочные базы, где были бы сосредоточены детские ткани разных цветов и рисунков с маркой разных текстильных фабрик, где была бы самая разнообразная фурнитура, выпускаемая в нашей стране. Художник-модельер со швейной фабрики приходит на такую базу и выбирает все то, что требует новая модель: и ткань, и нитки, и пуговицы, и тесьму для отделки. Решение о создании подсортировочных баз было принято два года назад. Решение есть, а базы нет...

И что еще важнее — нужно всячески стимулировать выпуск детских тканей небольшими партиями разнообразных рисунков, часто меняемых. Стимулировать не административными мерами и не уговорами, а экономическими рычагами. Вот тогда, пожалуй, лебедь-птица не будет превращаться в гадкого утенка...

«ДОМ МАРКСА», ЕГО ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ

Среди зданий лондонского района Финзбери есть небольшой белый двухэтажный дом. На его фронтоне большая надпись: «Дом Маркса. Библиотека памяти Маркса».

История этого здания тесно связана с жизнью рабочего Лондона. Оно было построено в 1738—1739 годах как Уэльская благотворительная школа для детей бедняков. Предполагалось, что здесь из девочек и мальчиков выйдут «верные прислуги, трудолюбивые рабочие и полезные моряки».

Потом здесь были мелкие мастерские, лавки. В одной половине здания с 1783 по 1838 год находилась небольшая таверна. А в другой половине с 1838 года по семидесятые годы — скромная рабочая кофейня. Тогда таверны и кофейни в бедных кварталах служили чем-то вроде рабочих клубов. Клап-Грин — площадь, где стоит этот дом,— постоянно фигурировала в газетных и служебных отчетах того времени как «очаг крамолы». В апреле 1871 года около украшенного красными знаменами фонтана, который в те дни стоял как раз перед этим домом, был устроен большой митинг в честь Парижской коммуны.

В 1872 году в том же здании обосновался Лондонский патриотический клуб. Члены клуба выступали за всеобщее избирательное право, за автономию Ирландии, за национализацию земли, против английского захвата Египта и Судана. В 1888 году клуб принял участие в создании Демократической федерации, ставшей три года спустя Социал-демократической федерацией — первой в истории Англии социалистической партией.

С 1893 по 1922 год в здании находилось издательство этой партии «Типография XX века». Тут печатались еженедельная газета «Джастис», ежемесячный журнал «Социал-демократия», «Социалистический ежегодник», который редактировал мой покойный отец Ф. А. Ротштейн, масса брошюр и книг. Здесь же в 1902—1903 годах печаталась газета «Искра», сюда приходил Ленин, чтобы править ее гранки. В своем некрологе о Гарри Квелче — директоре типографии и редакторе «Джастиса» — Владимир Ильич Ленин описал небольшой кабинет Квелча, где ему самому приходилось работать. Эту комнатку мы и поныне показываем посетителям.

С 1933 года здание перешло к Библиотеке памяти Маркса. Гитлеровцы на площадях германских городов сжигали марксистские книги. Ответом на это было открытие библиотеки.

На ее полках хранятся 14 тысяч томов и комплекты многих рабочих журналов за последние 80 лет. Здесь читают курсы лекций по общественным наукам и устраиваются выставки в честь важнейших событий в истории рабочего движения.

Библиотека существует почти исключительно благодаря рабочим добровольцам: никаких субсидий она не получает, имеет очень скромный доход от взносов своих членов и от сдачи внаем части помещения. Не хватает и средств на покупку новых книг. Но члены библиотеки борются за существование исторического дома, который местный муниципальный совет намерен снести. Комиссия Лондонского университета по историческим зданиям высказалась за сохранение «Дома Маркса». Вопрос будет решать муниципалитет, который приступит к своим обязанностям в апреле этого года. Тем временем судьбой «Дома Маркса» заинтересовалась печать. Газета «Таймс» 20 октября 1964 года напечатала сочувственную статью. На ее страницах было опубликовано письмо видных деятелей науки в поддержку библиотеки. Мы надеемся и на более широкую поддержку.

Э. РОТШТЕЙН,
магистр исторических наук,
председатель Библиотеки памяти Маркса.

Лондон
(по телефону).

Рассказать людям о тепле берез!..

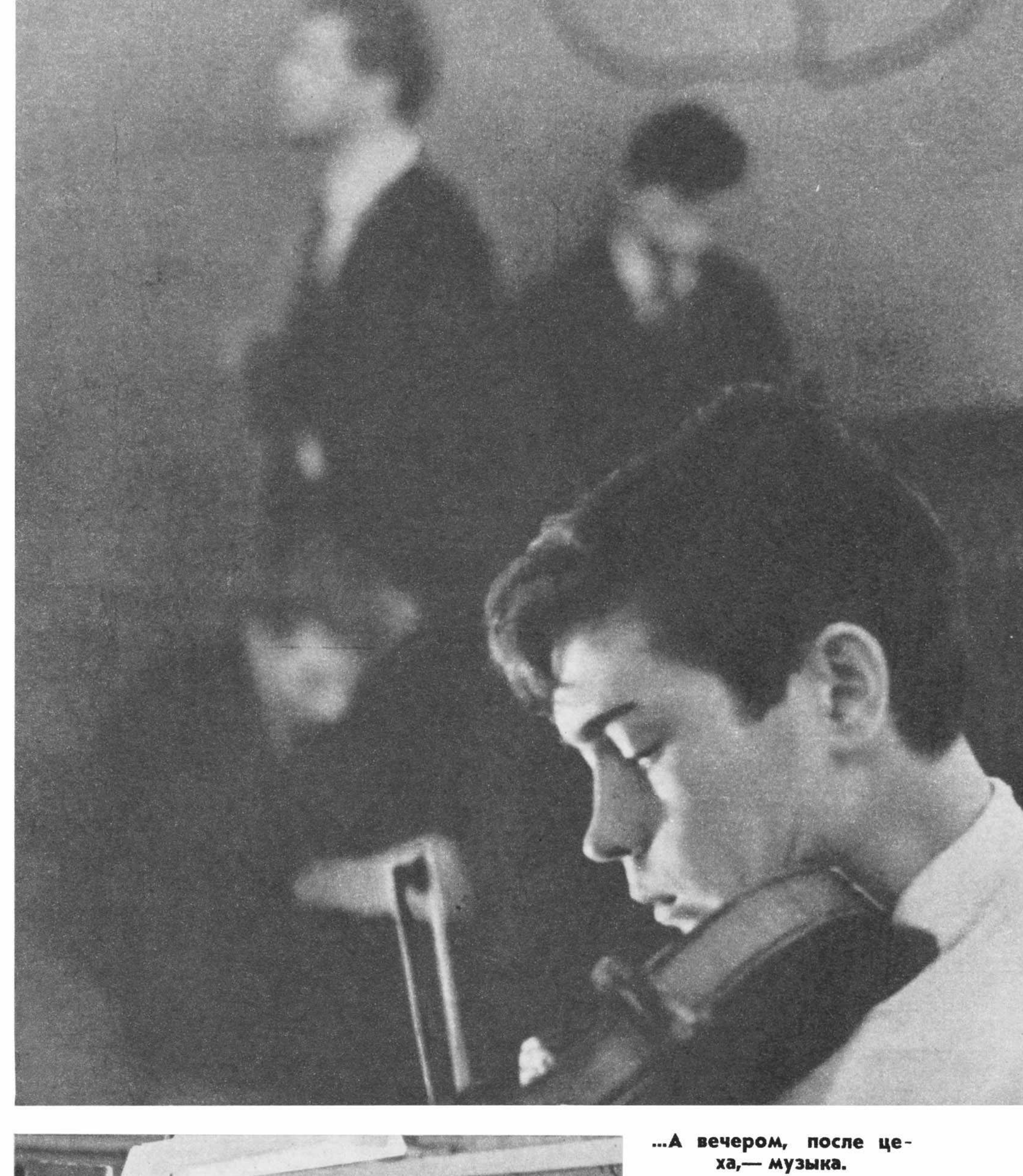
Полковник милиции Задорин: «Мы хотим видеть твое настоящее лицо»...

Володя Косарев (внизу справа) уже знает, как варят сталь.

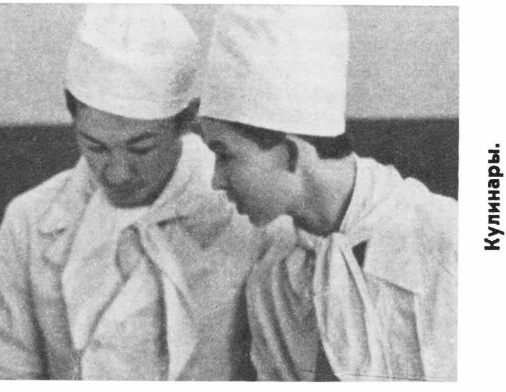

ЖИЛИ БЫЛИ МАЛЬЧИШКИ

...А вечером, после цеха,— музыка.

Кулинары.

В одном цехе работают Герасимовы: отец Алексей Васильевич, дочь Рита, сын Виктор.

Среди них — Борис Повышев.

Начало на 2-й странице обложки.

— Будешь варить! Семьдесят семь потов сойдет, а сталь варить будешь. Душа у тебя чистая, и работой не брезгуешь...

Володя пришел в цех после одиннадцатого класса. А еще он учится в аэроклубе.

...Много можно успеть сделать даже в семнадцать или в восемнадцать лет. Только нужно очень точно найти свое место. Боря Повышев знал, чего он хочет. Ижевск — город мотоциклов. И мотогонщиков. Он с детства привык к оглушительному реву этих красивых быстрых машин, мечтал, завидовал. После школы он пошел на завод и стал слесарем. Стал испытателем спортивных мотоциклов. И мотогонщиком. Техника и скорость — стихия семнадцатилетних, сбывшаяся мечта Бориса Повышева.

Поле деятельности мастера Г. И. Саковнина — кулинария, ей он отдал всю жизнь. А на снимке — его ученики: Гена Кузнецов, Володя Макшанов, Женя Афтуганов, Ильдус Гимадниев. Они тоже не ошиблись в выборе жизненной стези.

Сколько их, этих путей, светлых, увлекательных! Бежит по опушке рощи чуть приметная тропинка мимо берез, теплых, в голубом инее. Холсты расскажут людям о тепле берез. Парни с этюдниками шагают по снежной целине. Нет, они не художники — рабочие ребята. Жалеют, что пошли на завод, а не в художественную школу? Нисколько! Живопись — отдых, потребность, страсть. А для других рабочих ребят — это музыка.

Нет на свете абсолютно одинаковых людей, у каждого свои интересы, увлечения, свое лицо, как принято говорить. Не так-то легко бывает понять самого себя, найти свое место. Некоторым нужно помогать. Вот и полковник милиции Задорин занят сейчас этим.

Н. БЫКОВ

Вл. ПАВЛОВ

ОСЬ МОСТА

Третью ночь Афанасий Силаков ночует под навесом пилорамы, на куче опилок. Конечно, он мог бы остановиться у знакомых...

Правда, с тех пор как Афанасий Силаков вышел на пенсию, в мостоотряде произошло немало перемен. Появились молодые девчата в узких отглаженных брючках и в газовых косынках на высоких прическах и молодые парни в беретах и в темных очках. (Силаков сначала даже и не поверил, что все это — рабочие. Думал, инженеры.) Среди новеньких знакомые Силакова как-то растворились. И все-таки, как только он переступил порог проходной, в которой по обыкновению подремывал сторож Фотеич, почувствовал: не к чужим приехал. Его чуть не до слез растрогало и то, что Фотеич, приоткрыв один глаз, не стал слушать объяснений, а молча пожал руку и мотнул головой — проходи, мол; и то, что Шуруп, старый Фотеичев пес, инвалид труда (ему отдавило лапу мотовозом еще при Силакове), радостно завилял куцым хвостом. «Помнят, стало быть, Афанасия Силакова! — удовлетворенно подумал Силаков.— Помнят!»

По случаю приезда он взял с Фотеичем и еще с одним другом бригадиром бутылочку в столовую и там выпили, тайно разлив водку в стаканы из-под киселя, Покалякали о том о сем. Силаков как бы невзначай справился у Фотеича, нет ли свободного местечка в ПСО — в пожарно-сторожевой охране? Старик сокрушенно покачал головой.

— Нету... Объектов-то много. И сторожей нехватка. Да мест по штату нету... Разве что по нарядам проведут... Как рабочего. Но с этим чтой-то строго стало!..

— Пожду самого,— вздохнул Силаков.— Может, помогнет.

— Отчего не подождать! Ясно, помогнет,— поддакнул Фотеич, желая подбодрить Афанасия.— Наш-то Иван Львович всю жизнь на мостах, небось, понимает...

Силаков молча вздохнул.

— Знаешь что? — сказал Фотеич, положив руку на плечо Силакова.— Айда ко мне ночевать!

— И у меня можно,— подхватил бригадир.

Но как ни зазывали друзья, Силаков не пожелал никуда идти. Обосновался на пилораме, в самом дальнем углу строительной площадки...

Распрощался Силаков с мостоотрядом на Волге. Но как только строители уехали, Афанасий потерял покой. Не радовали его ни рыбалка, ни крохотный огородик на берегу, ни известие, что барак, в котором проживал он со своей женой и с двумя младшими детьми, скоро снесут и ему, Силакову, предоставят новую квартиру.

От этого самого — от тоски, накопившейся за четыре года, оттого, что нынче уже никак не наглядится, не надышится на стройку, Силаков ни на минуту не покидает площадку.

Укладываясь, он чутко прислушивается к не смолкающему ни днем, ни ночью строительному шуму. Привычно выделяет из общего гула натужный вой передвижной электростанции «жэски», отрывистый кашель дизель-молота, звонкий плеск волны у понтонов, голоса рабочих из ночной смены.

Разбуженное этим гулом прошлое властно встает перед его глазами. Немало мостовых профессий сменил Силаков с тех пор, как зеленым парнишкой в лаптях и в домотканой свите пришел впервые на стройку. Был он и нагревальщиком, и клепальщиком, и монтажником.

Но больше всего мила ему работа кессонщика. Видит он себя в брезентовой робе, в шахтерской шляпе, в высоких сапогах-бродних. Видит, как переступает порог прикамерка, задвигает за собой стальную, овальную, словно на военном корабле, дверь. Спускается вниз, в темный провал шахтной трубы, в камеру кессона, под воду и ниже ее, в самую толщу речного дна. И кайлит, кайлит плотную, упругую, что резина, глину. Кайлит и прислушивается к похлопыванию клапана (не дай бог замолкнет!), через который поступает в кессон сжатый воздух. И никто посторонний не видит его, отрезанного от всего мира, в тускло освещенной бетонной камере, с низким, увешанным каплями потолком.

А потом? Потом шагает со смены, усталый, чуть оглохший от долгого пребывания под сжатым воздухом, вымазанный ржой и черным, вонючим илом. Заигрывает на ходу с бетонщицами. И любой из них лестно, ежели Афанасий удостоит ее грубоватой шуткой или с размаху обоймет за плечи.

Вот так же, возвращаясь однажды со смены, повстречал он свою суженую, в то время боязливую и неуверенную, только что на один сезон приехавшую из деревни. Повстречал — присушила. Женился Афанасий. Детей нарожала ему жена и через него, Силакова, стала завзятой мостовичкой. Научилась и бетон класть и арматуру вязать. И даже лечить «заломай» — страшную кессонную болезнь, которая дважды брала Афанасия...

Если б не эти самые кессоны — ни за что бы не вышла Марфа за мостовика, не осталась бы на стройке, уехала бы назад в деревню. Потому, как ни говори, среди всех мостовых специальностей кессонщик был королем. Эта профессия привлекала к себе девичьи сердца, как привлекают профессии моряков и летчиков...

Силаков прислушивается к голосам механизмов, и ему становится до смерти обидно, что попридумывали инженеры разные новые способы возводить опоры мостов. Что более нет кессонов. Что куда-то запропастились, поразъехались в разные стороны знаменитые кессонщики Платовы, Шкатовы, Ляликовы, Платоновы — всё его земляки-калужане.

Вспоминает Силаков свою кочевую жизнь на колесах — от моста к мосту. Вспоминает бесшабашные гулянки в аванс да в зарплату. Вспоминает редкие, но счастливые дни, когда перерезается ленточка и на готовый мост медленно, торжественно вползает первый поезд... Все бы, кажется, отдал, чтобы вернуть назад это время! Но нет более для него, Афанасия Силакова, здесь места. Видать, навсегда сошел он с оси моста...

Едва солнце приподнимает над горизонтом свой багровый горбок и долгая тень от мачты кабель-крана ложится наискосок через реку, чернея на молочных слоях низкого утреннего туманца, Силаков отправляется к старому классному салон-вагону. Там разместилась контора строительства. Он садится на приставной деревянной лестнице и смотрит на реку, по которой плывут важные теплоходы и снуют озабоченные катеры. Иногда он останавливает кого-нибудь из рабочих:

— Эй, парень! Не приедет сегодня? Не слыхал?

— Не слыхал... Да что ты, дед, сидишь тут? Шел бы лучше в столовую, вишь, открылась!

— Не до еды мне теперь, душа у меня не сыта.

Силаков, помедлив, вынимает все же из кармана стеганки кусок хлеба, завернутое в тряпицу сало и головку чесноку. Жует медленно, с удовольствием. И смотрит, долго смотрит на реку.

* * *

...У начальника отдела кадров товарища Шарикова Павла Сергеевича ненормированный рабочий день. Об этом он не упускает случая упомянуть в разговоре. Кроме того, он член постройкома, председатель кассы взаимопомощи, редактор стенной газеты «Мостовик» и даже член БРИЗа, хотя, по совести сказать, в строительном деле понимает мало.

В своем маленьком купе с зарешеченным окном Шариков засиживается до позднего вечера. В купе всегда жарко и душно, но он никогда не снимает шапку. Все дела — и по служебной линии и по общественной — у Шарикова всегда в полном ажуре. Ведомости взносов в кассу взаимопомощи ведутся чисто, без помарок в толстой бухгалтерской книге. Рацпредложения аккуратно подшиты в скоросшиватель. А раз в месяц, утром, Павел Сергеевич торжественно выносит очередной номер «Мостовика» и прикнопливает его под трафаретом рядом с доской приказов, установленной перед салон-вагоном. Газету Шариков делает сам: вырезает картинки из иллюстрированных журналов, карикатуры из «Крокодила», добросовестно переписывает своим каллиграфическим почерком подходящую передовую из областной газеты, умело увязывая ее с «текущим моментом строительства». И даже сам сочиняет стишки про тех строителей, которых заметил под хмельком:

Выпил, едет, как герой,
И раскрыл свистало.
Это, видно, у него
Уж привычкой стало!

С пьянством Шариков ведет решительную борьбу печатным словом. Сам он пьет скрытно и нечасто: «Нельзя, понимаешь, перенапрягаться, печень у меня...»

В силу своего общественного положения товарищ Шариков считает долгом время от времени «проводить беседы конкретно с лицами». Обнимет за плечи здоровяка-монтажника и спросит ласково:

— Ну, как, товарищ Плотников? Пролеты, значит, монтируем?

— Не пролеты, а эстакаду... Только не Плотников я, а Чуркин. Плотников — это вон, в черном берете.

— Эстакаду? Это хорошо! А я вот к тебе давно приглядываюсь, товарищ Чуркин. Ты как? Учиться

не надумал? Из треста, понимаешь, разнарядка пришла, на курсы мастеров...

— А я учусь. В институте, на заочном.

— Ого! Да ты, я вижу, молодцом! Нелегкое, понимаешь, это дело, учиться-то. У тебя ведь дочь?

— Сын у меня.

— Сын? Вот это хорошо. Так ты в случае чего заглядывай! Поможем, товарищ Плотников!..

В тот день Шариков появился на стройке попозже, солнце поднялось уже высоко. Он издали заметил Силакова и поморщился. Не то чтобы Шариков не любил старого кессонщика. Просто он уже все положенное для того, чтобы с честью проводить Силакова на пенсию, давно сделал. Написал по всей форме заявление, под которым рабочему осталось только поставить корявую свою роспись. И стаж выправить помог. Даже на подарок отвалил пятнадцать рублей по профсоюзной линии. И Шариков не понимает, что человеку еще надо. Пенсию получает, работы от него никто не требует. Нет же, на тебе — явился! Теперь уж он-то знает: хлопот не оберешься с этим Силаковым!

— Ты все еще здесь, товарищ Силаков? — негромко, стараясь быть ласковым, спрашивает Павел Сергеевич.

— Думаю самого дождаться,— хмуро отзывается Силаков.

— Зря, зря, не скоро начальник вернется, дорогой. Да и зачем он тебе?

— Стало быть, требуется,—хмуро бурчит в бороду Силаков.

— Не хочешь и сказать? — Шариков с укоризной покачивает головой, потом поднимается в свой вагон с зарешеченными окнами. И Силаков сквозь тонкую стенку слышит, как тот гремит ключами у обитой железом двери.

* * *

...Начальник строительства Иван Львович Москалев прилетел из Москвы к обеду. Его худую, очень высокую фигуру Силаков замечает издалека. В волнении он вскакивает, делает шаг навстречу и останавливается: «Узнáет ли? Какникак четыре года прошло!»

Но Москалев здоровается словно ни в чем не бывало:

— Здравствуй, Афанасий! Приехал, значит? Заходи...

Силаков поднимается в салон-вагон, проходит в кабинет начальника. Обстановка тут самая немудрящая: довольно обшарпанный письменный стол да десятка два разнокалиберных стульев. На стене вычерченный на кальке общий вид будущего моста, график с красными и черными кривыми колебания уровня реки. На окнах — старые, вытертые плюшевые занавески, оставшиеся с той поры, когда в вагоне ездило большое начальство.

— Садись, Афанасий! — приглашает Иван Львович.— Ну, как живешь? Как жена? Рассказывай!

— Да ведь что говорить-то... Дочка и сын в школу ходят. А женка-то известно... По бабьему делу.

— Ну, а сам-то, как сам живешь?

— Да как сказать...— мнется Силаков.— Живу. Огородик, иной раз рыбкой разживешься...

Силаков уже много раз мысленно повторял слова, которые скажет начальнику: о том, что соскучился по отряду, что нет больше мочи жить без привычного уклада стройки и что согласен он — шут с ней, с пенсией! — на любую работу, лишь бы снова быть на месте, в мостоотряде.

Но всего этого почему-то он не говорит. Силаков беспокойно ерзает на стуле, мнет одна в другой свои огромные, шершавые ладони.

— Соскучился? — приходит ему на помощь Иван Львович.— Вернуться решил?..

Ощущения Силакова понятны Ивану Львовичу. Ему самому под шестьдесят. И хотя есть у него в Москве отдельная квартира, начальник мостоотряда не раз задумывался, сможет ли сам усидеть дома, когда придется уйти на пенсию...

Начальник поворачивается и стучит в стенку.

— Попросите товарища Шарикова! — говорит он секретарше, появившейся в дверях.

Через минуту появляется Шариков. В руке он держит коленкоровую папку «На подпись».

— Доброго здоровьица, Иван Львович! — улыбается Шариков.— С благополучным вас прибытием! Вот, пожалуйста, поднакопились документики за время вашего отсутствия...

— Подождите с бумагами,— прерывает Иван Львович.— Надо человеку помочь.

Шариков с притворным недоумением разводит руками:

— Да чем же мы еще можем помочь товарищу Силакову? Все у него в ажуре, а вообще, замечу, что он уже не член нашего коллектива!

— Так мы сделаем его членом коллектива! Пойдешь, Афанасий, сторожем?

— Согласен...— выдавливает Силаков.

— Но у нас же нет штата ПСО,— вздыхает Шариков.

— Проведем как рабочего. По нарядам будем платить!

— Напомню вам, в акте ревизии уже была запись,— произносит Шариков.

— Ладно, про акты знаю... Пишите приказ! Зачислить на временную работу... Поселим его в общежитии, а когда семью привезет, дадим квартиру.

Товарищ Шариков не спорит. Он молча пишет. Но Иван Львович прекрасно знает: копия этого приказа сегодня же заказным письмом будет отправлена в главк... Шариков регулярно пишет такие письма, дипломатично называя их «информацией».

Шариков осторожно кладет перед Иваном Львовичем коленкоровую папку и направляется к двери.

— Минуту! — останавливает его Москалев.— Передайте начальнику снабжения, пусть выдаст Силакову новый ватник и шапку... И сапоги тоже!

Шариков выходит, осторожно прикрывая за собой дверь.

— Ну вот,— говорит Москалев. Он смотрит на Силакова. И тот тоже молча смотрит на него, часто мигая своими добрыми глазами. Старый рабочий и старый инженер. Глядят друг на друга до тех пор, пока в кабинет не входит кто-то из прорабов, узнавших о приезде начальника. Постепенно кабинет наполняется брезентовыми робами, плащами, телогрейками. Ивана Львовича захватывает стремительный ритм стройки.

Вишерские алмазы. Фото А. Гостева.

БРИЛЛИАНТОВЫЙ КЛАД УРАЛА

Путешествуя в двадцатых годах прошлого века по Уралу, известный ученый А. Гумбольдт написал, что «Урал — настоящее Эльдорадо, и я твердо стою на том, что... в золотых и платиновых россыпях Урала будут открыты алмазы».

Долго предположение это не находило подтверждения. Правда, к концу столетия обнаружили несколько небольших камней. Но они были так малы, что один из исследователей заметил: «Не верю я, чтобы... эти алмазы были действительно с Урала. Не такова мощь русской природы: у нас что ни драгоценный камень, то гигант!»

Уже в наше время были найдены уральские россыпи алмазов. Однако, как замечает в своей интереснейшей, только что вышедшей книге «Алмазы» И. Шафрановский, «коренные месторождения пока еще здесь не обнаружены».

Но вот теперь я беседую с главным специалистом по алмазам Государственного производственного геологического комитета РСФСР Георгием Прохоровичем Романовым, и он взволнованно рассказывает о нескольких находках недавнего времени. Они тоже относятся к этому району. «Это близ реки Вишеры, на севере Пермской области. Здесь впервые удалось найти выход древней россыпи на поверхность. Это — знаменательное открытие. Оно дает право сделать более определенные выводы об источниках уральских россыпей. Мне не хотелось бы со всей определенностью говорить о перспективах вишерского алмазоносного района, но даже первые результаты работ обнадеживают».

Когда взяли первую же пробу грубозернистого песчаника, то в ней почти сразу ярко мелькнул крупный камень. Две первые пробы — восемь крупных, отличной формы алмазов!

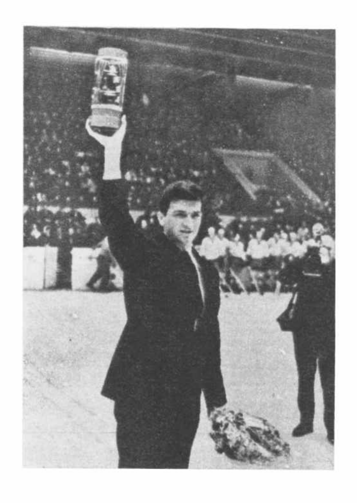
Конечно, судить по двум пробам о всем районе нельзя, но тот факт, что следующие пробы тоже не оказались пустыми, характерен. Почти все найденные на Вишере камни ювелирные — абсолютно прозрачные, особо высокоценимые камни. Среди них несколько чистой воды, самые дорогие. Найдены и превосходные дымчатые, зеленоватые и золотистые алмазы. Характерно, что почти все камни могут быть отнесены к так называемому бразильскому типу — они высокой крепости, с отличными техническими и ювелирными качествами, округлой формы, дающей прекрасные бриллианты.

...Страна получила первые крупные вишерские алмазы. Они найдены геологами, руководимыми старейшим алмазником Адрианом Дмитриевичем Ишковым. Он и его товарищи надеются, что первые пригоршни крупных алмазов — именно первые. За ними должны последовать новые находки, которые, возможно, принесут этому уральскому району всемирную славу и известность.

К. БАРЫКИН

●

КУБОК «ОГОНЬКА» У В. БАННИКОВА

В Киевском Дворце спорта перед началом хоккейного матча традиционный Кубок журнала «Огонек» вручен лучшему футбольному вратарю сезона 1964 года — Виктору Банникову.

До него почетный приз получали такие популярные вратари страны, как Лев Яшин (дважды), Владимир Маслаченко и Сергей Котрикадзе. Ныне Кубок «Огонька» прописан в Киеве. Присутствующие на хоккейном матче любители спорта горячо приветствовали Виктора Банникова — вратаря киевского «Динамо».

Фото Ю. Кривоносова.

Василий **ФЕДОРОВ**

* * *

Когда мороз
И снег идет,
Земле тепла недостает,
Но странно мне иное:
В тот самый час
Как бы назло
Уходит от Земли тепло
В пространство мировое...

Земля
Среди других планет
Добра,
Как истинный поэт.

* * *

Вождями,
Борцами,
Творцами,
Творивших
Основу основ,
Россия славна именами
Своих благородных сынов.

От самых
Далеких времен
Мы с гордостью
Их проносили.
Хоть много имен у России,
Россия
Превыше имен.

РУССКАЯ СКАЗКА

До жалости,
До огорченья
Меня волнует
С детских дней
Таинственное обращенье
Людей в животных
И зверей.

Мороз по коже,
Дыбом волосы,
Когда, уставя умный взгляд,
Они в беде заговорят
Тоскливым
Человечьим голосом.

Когда в лягушку
Камень бросят,
Она (о боль моя и грусть!)
«Не убивай меня,— попросит,—
Тебе я в жизни пригожусь...»

Но вот
Копытом конь забил,
Заговорил, измаян бегом:
«Я был когда-то человеком,
Я тоже девушку любил.
Меня оборотил Кощей...»
Что сказка?
Вымысел и шутка.
Но станет
Пасмурно и жутко
От этих колдовских речей.

А вдруг
И я уже другой,
Какой-нибудь зверино-птичий
И в этом жалостном обличье
Неузнаваемый тобой?!

Взмолюсь
И попрошу возврата
К тому, как жил,
Страдал, любил...
«Не убивай меня! Когда-то
Я тоже человеком был».

* * *

То млею,
Теплом разогретый,
То стыну от холода весь.
Почти как у нашей планеты,
У сердца
Два полюса есть.

Из поэмы

...И беда приспела.
С воровским лицом
Окаянный Никон,
Смирненький дотоле,
В ризах, будто в сбруе,
Рыжим жеребцом
Заплясал,
Затопал
На святом престоле.

Злобные,
Похожие
На срамных совят
Поналяпал в храмах
Божеские лики.
Он же лихоимец,
Никон пустосвят,
Древние, святые
Начал править книги.

Дети! Дети!
Где им
Знаменье понять,
Глупым, ад не ад им,
Пекло им не пекло.
Осерчал всевышний,
Грохнул — и опять
Над землею русской
Солнышко померкло.
Вновь пришла прокуда.
И за два перста,
Поднятых пред очи
Истинного лика,
Прямо с литургии
В пятый день поста
Взят был Аввакумка,
Бедный горемыка.
Привели к владыке.
Гневом возгоря,
Заревел владыка,
Что не даст потачки...
Встали супротивно
Два богатыря,
Вроде порешили
Драться на кулачках.
Связанные прежде
Больше, чем родством,
Нынче повстречались
Больше, чем врагами.
Никон протопопа
Норовит крестом,
Протопоп владыку
Норовит цепями...

— Отрекайся!
— Верю.
Учинили шум,
В непотребной ссоре
Святость позабыли.
— Покорись владыке!
Буйный Аввакум
Плюнул на владыку.
— Нако-сь, сын кобылий!
Налетели служки,
Как цепные псы,
С лаем рвут подрясник,
Пересилить силясь,
Бороду торгают,
Тянут за усы...
Одолели, бесы —
Видно, не постились!
Псы поразбежались,
Да не дрогнул псарь,
Как вошел в палату
С личиком уставшим,
С глазками в слезинках
Богомольный царь,
За любовь и кротость
Прозванный Тишайшим.
На багрец кафтана
Слезы полились,
Покатились долу,
Впору умывайся.
Царь глядит с мольбою.
— Протопоп, смирись...
Не велит, а молит:
— Миленький, покайся...

Протопоп взъярился:
— Худу не учи!
Бог, он правду любит.
Я ему из близких!
Засветились очи,
Будто две свечи
Загорелись в темных
Окнах монастырских.
Крепко веры слово,
Ежели в цепях
Это слово веры
Людям говорится.
— Верую до смерти,
Якоже приях!

Государь заплакал
И ушел молиться.
За спиной
Московских
Храмов перезвон,
Будто возвернуться
Аввакума кличет,
А его — к Тобольску,
А его — в изгон,
А ему телега
Жалобно курлычет.
Крестит он и крестит
Свой опальный лоб,
Гневный, шлет проклятья
Дьявольскому скопу.
В бога Саваофа
Верит протопоп,
Настя, протопопица,
Только протопопу.

Пастырь закудмийский
Крепко службу знал.
После служб истошных,
Где душа радела,
Мастерить ребяток
Втайне почитал
Тоже за святое,
Божеское дело.
Марковна грудного
Греет у грудей,
Старшенькие детки
Теплятся под боком.
Муж — пророк,
Он сильный,
А легко ли ей,
Грешной русской бабе
Наравне с пророком?

Крестная дорога
Ох как далека!
По полям да корбам,
По буграм да долам
Тарахтит телега,
Следом на века
Глубоко ложится
Колея раскола.
Мысли, что ухабы,
Пастыря трясли:
Грекам ли учить нас
Божеским наукам?
Своего-то бога
Греки не спасли,
Храмы Константина
Уступили туркам!
Гордый,
Так он думал,
В думах тоже лих,
Понося всегласно
Никона промашки,
И не знал, не ведал,
Что поссорил их
Мой однофамилец
Федоров Ивашка.
Мой однофамилец,
Может, предок мой,
Что за век до ссоры
При лучине чадной,
И не помышляя
Быть сему виной,
Дерзостно поставил
Свой станок печатный.

В городах,
В посадах,
В избах поселян
Обличал Петрович,
В службе богу верный,
Никона-собаку,
Злых никониан,
Латынян,
А с ними
Всяческую скверну...

Срамота.
Вертепище.

Но время идет.
Не согреться.
Уже — велики, велики! —
С холодного полюса сердца
Сползают на юг
Ледники.

Поверженный,
Льдами прижатый,
В снегу, что летит и летит,
Поэзии мамонт косматый
Последнюю песню
Трубит.

* * *

Мне говорят: пиши...
Твердят: пиши!..
Писать бы рад,
Но, забывая дело,
Сижу пустой.
Как будто из души
В потемках
Что-то вынуто,
Что пело.

Быть может, вовсе
Не желая зла,
Моей любви
Доверчивую пташку
Себе на память
Женщина взяла,
Когда я спал
С душою нараспашку.
А если женщина
Здесь ни при чем?
А если... Если
В небесах плутавшим
Душа убита
Атомным лучом,
Совсем случайно
На нее упавшим?
Не в том загадка,
Петь или не петь,
А жить или не жить...
Разгадка, где ты?
Ведь есть
Четыре стороны у Света,
На все четыре
Надо поглядеть.

Все оглядеть:
И Запад и Восток,
Но отыскать
Первопричину боли,
Чтобы в душе,
Как на бесплодном поле,
Высокой мысли
Выходить росток.

* * *

Мой знакомый,
Захмелевши, тужит:
Говорит, что человек
Стал хуже.

Говорит,
Что против жизни прежней,
Той, еще не брошенной в разбег,
Человек стал
Несравненно грешней,
Стал порочней
Новый человек.

Морщась,
Заключает он устало:
«Страха божьего
В душе не стало».
Страх ему?!
Да пропади он прахом!
Средь людей,
Не знающих оков,
Праведность,
Внушаемая страхом,
Во сто крат
Позорнее грехов.
Так легко
Дойти до разделенья:
Бог — одним,
Другим — товарищ Ленин.

А ведь помню,
До большой удачи
В службе,
В дружбе
И других делах,
До машины,
До богатой дачи
Был ему не нужен
Божий страх.

Видно, хочет он,
Чтоб божьи страхи
Выполняли роль
Цепной собаки.

* * *

Плачь.
Пусть слеза прольется,
А ты себе живи!
Тебе легко живется
И в жизни
И в любви.
Страдай.
Твое страданье,
Увы, невелико.
Рыдай, твое рыданье,
Как у детей,
Легко.

Но все твои печали,
Как воды по весне,
Подземными ручьями
Изроют
Душу мне.

* * *

Он был ворчун
Не больше, чем любой,
Она ж его
За это укоряла,
Она ему
Частенько повторяла:
— Что будет
В старости с тобой?

Шли годы.
Он ворчал,
Она ворчала.
Он ей упрек,
Она его в штыки:
— Что будет в старости...
И замолчала.
Они давно уж
Были старики.

* * *

Все жухнет,
А солнце все жгучей,
А воздух все знойней, хотя
Проходят над пашнями тучи,
Плывут, не давая дождя.

И горько
Усталой природе,
И жутко земле на буграх.
Вся-вся она в трещинах вроде,
Вся-вся
В перекошенных ртах.

Но тучи
Над речкой безводной
Бредут, опустив рукава.
От близости их безысходной
Давно поседела трава.

Обидно,
Да так уж ведется:
Терпи перекошенный рот,
А туча пройдет и прольется
Над гнилью
Каких-то болот.

Бабы ржут: «Гы-гу!»
Мужиком медведище
Пляшет на кругу.

Задом трясет
Да в бубен бьет.

Кулачища веские
Вскинул божий князь:
В рожи богомерзкие
Хрясь!
Хрясь!
Хрясь!

В бровь ли, в ус ли.
Смолкли гусли.

От святого духа ли,
Что пришелся впрок,
Скоморохи-ухари
Дали наутек.

Мишка топ-топ...
Попляшем, поп...

С криком:
— Семя адово! —
Развернув плечо,
Плясуна косматого
Хряпнул рогачом.
Один палкой,
Другой лапкой...
Оба — два бездомные,
Воины без лат,
Оба, оба темные,
Рядышком лежат...

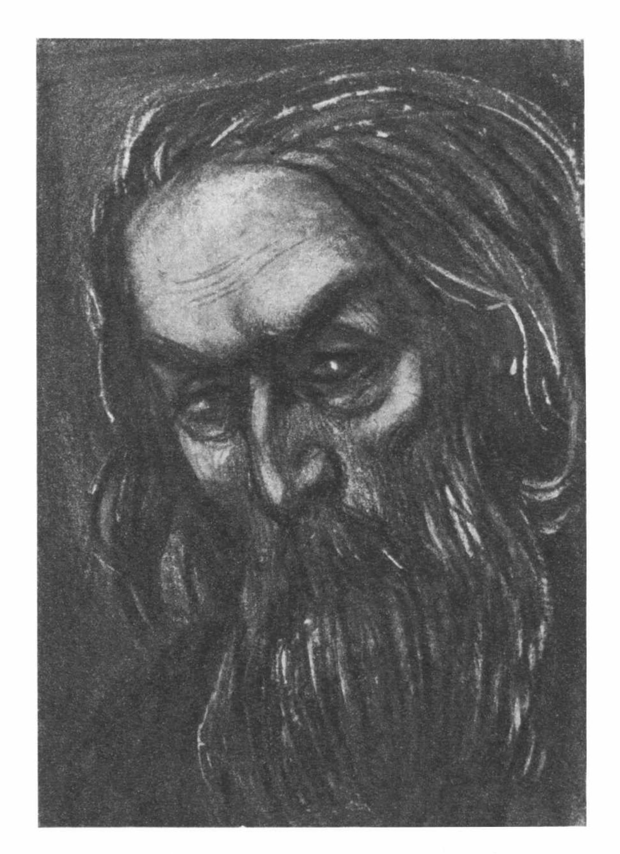
Плачет,
Торопится
Протопопица.
Плачет протопопица.
Из толпы зевак,
В хохоте да смехе
Вытоптавших поле,
Вышел на подмогу
Молодой казак,
По земле устюжской
Шедший с богомолья.
Кудри русым хмелем
Из кольца в кольцо,
На лице рябинки,
Будто в ратной злобе
С маху повстречалось
Смуглое лицо
На земле турецкой
С крупной
Турской дробью.

Как под левой бровью
Волги вольный плес,
Как под правой бровью
Дон играет в беге.
Поднял протопопа,
Взвесил
И понес
До его раскольной
Старенькой телеги.

Даже и такому
Ноша нелегка,
С виду худ, а сколько
Силы в темной вере!
— У отца святого
Сила велика.
Взять бы эту силу
На другого зверя.
Взять бы эту силу
На князей-дворян,
Да тряхнуть всей Русью,
Да избыть прокуду...
Протопоп очнулся,
Вроде был он пьян,
Протопоп воззрился.
— Ты такой откуда?

— С Дона...
По зароку,
Что отцом был дан,
В Соловки ходил я,
Где по благодати
Казаков низовых
Берегут от ран
И святой Зосима
И святой Савватий...

Говорил,
Как в струге
На волнах качал,
Отдавая весла
Синему кипенью;
Говорил смиренно,
А в больших очах
Не было
Ни бога,
Ни смиренья.
Речь боголюбива,
Верой высока,
И душой и статью,
И лицом прекрасен.
А гляди-ка, боже,
В зенках казака
Бесы рожки точут...
— Кто ты?
— Стенька Разин.
— Сатана, изыди! —
Протопоп затряс
Черною куделью,
Вскинул руки обе.—
Сатана, изыди!
В жизни
Первый раз
Сердце протопопа
Дрогнуло в ознобе.
Кто бы,

Рисунок И. ГЛАЗУНОВА.

Кто бы крикнул:
Боже, примири!
Дать стране дорогу
Только им по силе.

Стойте! Сговоритесь,
Черт вас подери,
Не играйте слепо
Судьбами России.

Но, ступив однажды
На одну версту,
Разошлись навеки
В дерзости и страхе.
Аввакум катился
К смертному костру,
Шел веселый Стенька
К своей
Смертной плахе.

ДОЛГ ЖИВЫХ ПЕРЕД МЕРТВЫМИ

ПИСЬМО ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Прошло двадцать лет с тех пор, как прогремел салют нашей Великой Победы. Он возвестил конец кровопролитнейшей войны — советские солдаты вернулись к мирным делам, к своим станкам, тракторам, книгам, аудиториям.

Путь к Победе в тысячу четыреста девятнадцать дней полит горячей кровью наших боевых товарищей. Многих мы схоронили, наскоро выкопав могилы штыками и малыми саперными лопатами. А сколько наших людей навеки исчезло за тяжелыми дверями гестапо, сколько расстреляно, повешено, изрублено, изломано, сожжено фашистскими палачами!..

И когда наконец грянул долгожданный час Победы, мы дали солдатскую клятву во что бы то ни стало узнать имена павших, имена, отчества и фамилии. Узнать, откуда они родом и кто были их отцы и матери. Мы поклялись высечь их имена золотыми буквами на мраморных мемориальных досках, вписать их подвиги в учебники истории и в летопись войны.

Сегодня, двадцать лет спустя после того, как отгремел салют Победы, мы обязаны спросить себя: как выполнена эта солдатская клятва?

Народ наш многое сделал, чтобы увековечить память павших, чтобы воспитывать молодое поколение на подвигах героев, чтобы имена неизвестных храбрецов стали известными. И все же если мы, живые, спросим себя по-солдатски прямо и честно, посмотрим в глаза друг другу и вспомним тех, кто вместе с нами ходил в атаки, но так и не дошел до Победы, то придется ответить: «Нет, еще не все сделано, чтобы была выполнена наша клятва! Еще много безымянных могил. Еще много солдат, партизан и подпольщиков числятся без вести пропавшими!..» Пусть же нынешний год, год двадцатилетия исторической победы, станет годом поиска имен неизвестных еще героев. Давайте же восстановим все подробности их подвигов.

В селах, испытавших вражеское нашествие, стоит немало фигур солдат. Это памятники павшим. Но на выбеленных дождями и солнцем табличках порой не найдешь имен тех, кого более двадцати лет назад приняла эта земля. Долг памяти велит вспомнить сегодня имя каждого павшего. Не всех сразу, не двумя словами — «герои войны»,— а каждого в отдельности. По фамилии. По имени-отчеству. Так, как это сделали, например, в тульском городе Щекино — его жители зажгли вечный огонь в нише гранитного постамента памятника павшим защитникам Тулы.

Во всех концах страны встретишь энтузиастов, которые с настойчивостью ищут и находят новые подробности далеких, но близких нам событий войны, открывают все новые и новые страницы ее истории. Надо объединить усилия одиночек: пусть их труд станет делом большой государственной важности. Пусть их труд встретит широкую поддержку партийных, советских организаций, комсомольцев, пионеров...

День Победы, Победы, благодаря которой нам удалось отстоять великие завоевания Октября, Победы, открывшей путь к социализму ряду стран Европы и Азии, такой день должен стать поистине всенародным праздником. Может, стоит подумать и о том, чтобы этот день стал днем, когда на могилы павших приходят благодарные потомки, приносят цветы, когда у монументов в честь погибших героев устраиваются факельные шествия. Многое здесь, вероятно, подскажут ветераны войны, писатели, художники, деятели искусств.

А разве не достойны павшие герои, чтобы их имена были увековечены в названиях городов, сел, улиц, где воины родились, жили, трудились.

Мы надеемся, что читатели «Огонька» откликнутся на это наше письмо, расскажут о еще неизвестных героях, внесут свои предложения, как лучше сохранить и увековечить память павших, память тех, перед которыми и мы, и наши дети, и дети наших детей, и внуки наших внуков нынче и во все грядущие времена в вечном и неоплатном долгу.

У. АБДУЛАЕВ, бывший рядовой, Герой Советского Союза; М. КАТУКОВ, маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза; А. МАРЕСЬЕВ, бывший летчик-истребитель, Герой Советского Союза; В. ПАВЛОВ, бывший подрывник, Герой Советского Союза; Ф. СОПРУНОВ, бывший узник фашистского лагеря смерти Штутгоф; А. ФЕДОРОВ, бывший командир партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза.

Поглядите на эти три картины — такие разные, такие несхожие, родившиеся далеко одна от другой.

Есть в них нечто общее, что позволяет читать их, как единый рассказ о людях, об их путях, о жизни Родины. Рассказывают о них сегодня сами авторы.

Нигмат **КУЗЫБАЕВ**

ТОЛЬКО ГОРЫ ОСТАЛИСЬ СТАРЫМИ

Стада у нас в Средней Азии громадные. Так что дела у чабанов — через край... Им некогда было любопытствовать, чем это я там занимаюсь, примостившись в стороне: они попросту не замечали меня. Зато я старался замечать все. Чуть светало, чуть разливалась утренняя прохлада, когда я раскрывал этюдник, чтобы запечатлеть величавые фигуры чабанов, их загорелые морщинистые лица.

Все вокруг было, как и века назад. Громоздились, заслоняя горизонт, вершины гор. Зеленела на пастбищах трава. Перекатывались по склонам отары: чабаны длинными шестами перегоняли овец. Даже не верилось, что добирался я сюда сначала самолетом, потом на автомобиле... И вдруг из глубин синего неба выплыл вертолет и опустился прямо возле отары. Из него вышли люди в белых халатах — врачи-ветеринары. Чабаны приняли посланцев уважительно, но с достоинством. По всему было видно: прибыли дорогие гости, товарищи по работе, советчики.

Беседа шла немногословная, серьезная, обстоятельная. Потом врачи осматривали четвероногих пациентов. А уж после гости и хозяева вместе пили чай, сваренный на костре. Слушали радио, доносившее вести со всех концов планеты.

А я думал об ошибочности моего первого впечатления... Нет, ничто, кроме древних вершин, не оставалось прежним на обновленной среднеазиатской земле.

Владимир **ХОЛУЁВ**

НЕ ДЛЯ ПАРАДА, А ДЛЯ ПОХОДА

Мы, потомки, всё или почти всё знаем о героях Революции по тем фактам и событиям, что запечатлены в истории, в книгах, кинофильмах, картинах... Еще живут среди нас ветераны — участники и свидетели того бурного, героического времени. И мы слушаем их захватывающие рассказы.

Но постепенно память о прошлом становится словно бы документом.

А мне, как, наверное, каждому, хотелось самому проникнуть в живую, напряженную жизнь славной эпохи. Увидеть людей, для которых Революция была такой же каждодневной работой, как для нас сегодня наш мирный труд.

И вот наконец я увидел их взором художника.

...Москва, май 1918 года. Советская Республика в кольце фронтов. На Красной площади, у стен Кремля, возле которых много веков вершилась история России, выстроился народ— вчерашняя «чернь». Не для парада, а для похода «за землю, за волю, за лучшую долю», за справедливость и счастье на земле собрались эти люди.

В одних рядах с безвестными солдатами Революции — Ленин, Свердлов, Дзержинский, Луначарский...

Чтобы еще раз сказать сердечное слово любви о героях моим сверстникам, я и писал эту картину.

Ирина **ШЕВАНДРОНОВА**

ЛЮБЛЮ РИСОВАТЬ ДЕТЕЙ

Я в далеком якутском селе Мытах. Присутствую на смотре школьной самодеятельности. Выступает маленькая якутская девочка лет восьми — художественное чтение. На сцене клуба крохотная фигурка в школьном платье. Якутские слова мне не понятны, но в мимике лица, в жестах и интонациях девчушки столько талантливого, истинного, что она сразу же покоряет всех, меня в том числе.

В автобусе — по дороге из села в Якутск — едут юноши и девушки на лыжные соревнования. Одна из девушек всю дорогу поет якутские и русские, знакомые мне песни, а сидящий рядом парень иногда подпевает. Я восхищаюсь про себя тонкостью музыкального слуха и чувством певцов, которые, видимо, доставляют окружающим большое удовольствие...

И так — в самых отдаленных уголках страны. Где-нибудь в рыбачьем поселке на Амуре или далеком якутском селе — всюду бьется живая струя таланта! Всюду ощущаешь тягу к искусству, знаниям. Особенно отчетлива она в подростках и детях — самых любимых моих героях. Вот почему о них большинство моих картин.

Н. Кузыбаев (Ташкент). У ЧАБАНОВ.

В. Холуев (Горький). СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ.

И. Шевандронова (Москва). В МУЗЫКАЛЬНУЮ ШКОЛУ.

«Пожалуй, самое правильное — не воспитывать человека, а помогать человеку воспитываться».

Из письма в «Огонек» читателя Дмитрия Шатрова.

Сегодня в нашем журнале по просьбе читателей открывается новый раздел — «Большим о маленьких». Это раздумья педагогов, врачей, ученых, адресованные родителям и учителям. Это добрые советы — как воспитывать детей и, в частности, так называемых трудных детей.

Первый разговор подсказан письмами читателей — откликами на статью учительницы Н. Долининой «Дети до 16 лет...» («Огонек» № 41 за 1964 год). Мы познакомили автора с этими письмами. И вот какие мысли вызвали они у ленинградской учительницы.

«ПОМОГАТЬ ВОСПИТЫВАТЬСЯ»

Н. ДОЛИНИНА,
учительница

Перед тем, кто работает с молодежью, всегда стоит множество нерешенных проблем, и бывает иной раз нелегко отделить главные, наиболее животрепещущие, волнующие сегодня многих людей вопросы от менее важных, мучительных только для тебя самого. Читательские отклики на мою статью «Дети до 16 лет...» помогли мне понять: сегодня наибольшее беспокойство вызывает воспитание нравственности (и в широком и в узком значении этого слова), воспитание культуры человеческих отношений. Письма заставили меня еще раз задуматься над тем, как мы воспитываем, кого и какими методами хотим воспитать, а главное — кто воспитывает наших детей.

Вот два письма — очень разных. Библиотекарь из Николаева Анна Алексеевна Денисенко рассказывает:

«...Я дружу с детьми давно, с детских лет, и буду дружить всегда. Хотя находятся люди, которые не понимают этого и даже иронически замечают: «Вот идут ваши друзья!» или «К вам пришла ваша подружка!» У меня много детей-друзей и во дворе, где я живу, и особенно на работе. Я с ними беседую по-гайдаровски, как со взрослыми. Они мне доверяют, а для меня это большая радость...»

В другом письме отец четверых сыновей пишет:

«Я как родитель возлагаю на педагога самую большую ответственность за своего ребенка... Я хотел бы знать, почему учительница Долинина начинает с упора на родителей...»

Вот с этой, казалось бы, много раз обсужденной проблемы, и хочется начать разговор. Кто отвечает за воспитание детей? Учителя? Родители? Пионервожатые? Библиотекари? Дворники? Милиционеры?.. Этот список можно продолжать до бесконечности.

Я ни в коем случае не хочу снять с себя, учительницы, ответственность за воспитание ста четырех моих учеников. Но я не считаю себя вправе и снимать с себя, матери, ответственность за воспитание моих двух детей. Это мои дети, и отвечаю за них я. А в школе — мои ученики, и отвечаю за них тоже я. И до тех пор, пока мы не докажем всем взрослым, что отвечаем за детей мы все — каждый, кто соприкасается с ними дома, на работе, в трамвае, в библиотеке, в театре, в поликлинике,— до тех пор, пока не перестанем переваливать эту ответственность друг на друга и чувствовать себя правыми: «Я же только отец, что смотрит учитель?» или: «Я же только учитель, что смотрят мать с отцом?» — до тех самых пор останутся у нас «трудные дети».

Другое дело — как воспитывать. Этот вопрос далеко еще не решен, о нем спорят не только родители без специального педагогического образования, но и люди с научными степенями.

На мой взгляд, дети сами подсказали нам методы воспитания, и глубоко права А. А. Денисенко: только по-гайдаровски, только «как со взрослыми» можно разговаривать с сегодняшними детьми.

Наши дети с каждым годом все больше думают. Это процесс прекрасный и необратимый. Запретить думать невозможно. Значит, надо направить мысль детей, помочь им размышлять о жизни. Как можно добиться всего этого без доверия и дружбы между младшим и старшим?

Почему эта простая истина принимается в штыки многими взрослыми, почему с таким трудом пробивает себе дорогу? Я сама слышала, как студентка désинститута, уже работавшая в школе до вуза, убеждала товарищей по группе: «Никакой ученической любви мне не надо. Главное — подчинение, порядок, дисциплина...» Никто не спорит: порядок нужен. Но что стоит порядок, основанный на страхе? Что стоит дисциплина без любви и доверия к учителю?

Мне кажется, все дело в том, что воспитывать на доверии гораздо труднее, чем на голой дисциплине. Равнодушные, душевно ленивые люди чувствуют это и цепляются за такие «методы», как окрик, приказ, запугивание. Но все больше появляется и учителей и родителей, прислушивающихся и приглядывающихся к детям, уважающих детей...

М. Г. Белевцова из Ленинградской области пишет в редакцию:

«Я считаю: больше всего надо уповать на ум растущего ребенка...»

Очень, по-моему, правильная мысль. Давайте попробуем не считать, что дети глупее нас. Да, у них нет жизненного опыта. Да, они скоры на решения, могут наделать ошибок. Но никакими запретами мы их не оградим от дурного, никакими ограничениями, никакой дисциплиной—только одним-единственным способом: той близостью с нами, при которой ребенок испытывает потребность поделиться со взрослым своими сомнениями, переживаниями, мыслями...

Больше всего споров и волнений вызвала затронутая мной проблема юношеской любви, интимных отношений. Вот что пишет молодой учитель, сейчас военнослужащий А. И. Халилов:

«Нужно заниматься половым воспитанием! Но значит ли это, что 15-летние дети могут свободно влюбляться, уединяться, писать на уроках любовные записки, назначать свидания... Чем же они заслужили любовь? Что они знают о любви? Получается слишком простая любовь. Еще не достигнув 16 лет, они начинают привыкать к легкой любви... От этой легкости любви и необдуманность браков. Прежде чем дойти до брака, любовь должна пройти тысячу испытаний и убедиться в своей стойкости. А то что это за любовь, которая не встречала никаких препятствий? Очень обидно бывает, когда старшеклассники, даже не стесняясь старших, говорят о своих любовных похождениях. Ведь они же не имеют никакого на это права! Очень обидно, когда видишь, что наряду с чистыми, хорошими чувствами в школу проникает грязь, незаметно, под прикрытием красивой формы».

В этом письме многое, на мой взгляд, справедливо. Но далеко не со всеми утверждениями А. И. Халилова я могу согласиться.

Да, конечно, «любовь должна убедиться в своей стойкости». Да, без сомнения, обидно, когда «в школу проникает грязь», и неприятно, если «старшеклассники говорят о своих любовных похождениях» (кстати, когда это делают не старшеклассники, а взрослые люди, тоже нехорошо). Но почему молодой учитель так резко, так категорически, так недоброжелательно пишет о подростках?

Во-первых, пятнадцатилетние — не дети. И с этим мы, на мой взгляд, не можем не считаться. Во-вторых, если даже мы строго-настрого запретим им влюбляться, уединяться и писать записки, да еще на уроках, они нас не послушаются. А ведь на самом деле влюбляются в пятнадцать лет очень редко. В большинстве случаев играют в любовь — тем сильнее увлекаясь этой игрой, чем активнее мы ее запрещаем.

Отвлечь от этой игры — иногда действительно опасной — могут вовсе не душеспасительные беседы, а другие интересы, воспитанные с раннего детства. В 15 лет у человека много свободного времени. Он может быть занят уроками и общественно полезным трудом, собраниями, домашними заданиями — и все-таки внутренне свободен, если нет у него настоящего интереса, занимающего и ум и душу. Вот почему так важно, мне кажется, с детских лет воспитывать в человеке увлеченность наукой, искусством, спортом, книгами, мастерством — кроме всех прочих достоинств увлеченности, она еще и лучшее лекарство от дурных поступков.

Капитан авиации в отставке Иванов прислал в редакцию большое, подробное письмо, в котором категорически протестует против «всякого рода разглагольствований с детьми в семье и в школе на темы о половой морали...» Он приводит в своем письме очень убедительные примеры: на протяжении своей долгой жизни он видел немало учителей, которым никак нельзя доверить разговора на интимные темы, так как сами они вовсе не могут быть образцами нравственного и культурного поведения. Иванов пишет:

«Весь вопрос только в том, чтобы их учителя, их родители, их старшие товарищи... были на самом деле образцами идейной чистоты, высокого нравственного долга, могли бы стоять перед подрастающими поколениями в качестве примера для подражания».

Читатель безусловно прав: главное в воспитании — облик взрослых людей, окружающих ребенка. Можно добавить к приведенным Ивановым примерам множество других: каждый из нас знает случаи грубого вторжения в детские сердца и аморального поведения самих воспитателей. Конечно, ничего хорошего не выйдет из грубых, формальных бесед об интимных вопросах, из публичных обсуждений или, наоборот, тайных дознаний и чуть ли не следствий по вопросу о записках и свиданиях. Справедливо и другое: далеко не все дети нуждаются в разговорах о любви, а тем более о половых проблемах, далеко не все взрослые умеют вести такие разговоры. Но Иванов неправ, на мой взгляд, в главном — в своем стремлении запретить, пресечь, уничтожить всякое половое воспитание. Мне вообще кажется нелепым выделять эту одну сферу из всей системы воспитания в целом. Если учитель, или мать, или отец заслужили доверие и уважение ребенка, они сумеют при надобности подойти и к любой «запретной» теме. Если нет доверия, то о чем можно разговаривать?

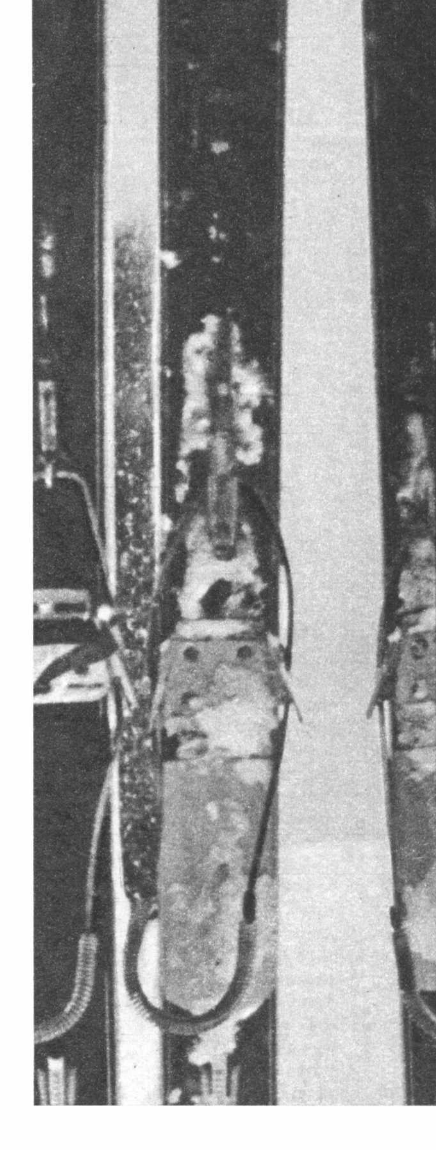
Сколько бы мне ни объясняли, что в дружбе учителя и ученика таится много опасностей, я не верю этому, и мой учительский и материнский опыт убеждает меня в обратном: нельзя воспитывать, если не дружишь с ребятами.

Поэтому так порадовало меня письмо А. А. Денисенко о ее дружбе с ребятами. Поэтому я думаю, что прав читатель «Огонька» Д. Шатров: «Не воспитывать надо, а помогать воспитываться». Это значит: верить в ум и силы ребенка, помогать ему ощутить эти силы, направлять его, убеждать, подсказывать что-то, но не ограничивать, не запрещать, не унижать недоверием.

Вот какие мысли вызывают письма читателей.

Ленинград.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. Бочинина

Взгляни, дорогой читатель, на обложку этого номера — вот он, Спорт с большой буквы, спорт высоких скоростей и высокого мужества. Но, увы, вместе с тем спорт, неизменно приносящий из года в год самые жестокие разочарования. Слалом! Какой молниеносной реакцией, какой безукоризненной техникой должен обладать спортсмен, чтобы на скорости, значительно превышающей сто километров, пронестись сквозь замысловатые фигуры, расставленные на крутом снежном склоне, потратив на решение этой головоломки как можно меньше времени.

НА ХОЛМ

Слово «головоломка» в горнолыжном спорте имеет прямое и грозное значение. В слаломе, а тем более в скоростном спуске человеку с замедленной реакцией, не умеющему с абсолютной точностью управлять своим телом, действительно не снести головы. Что же, слаломистская реакция — это природный дар? Может быть, горнолыжным спортом могут заниматься лишь особо одаренные люди? Нет, конечно, это не так. Слаломистами не рождаются. Просто горнолыжником высокого международного класса вы можете стать только в том случае, если азбуку слалома будете изучать тогда, когда и следует знакомиться с азбукой — в детском возрасте.

Читать лыжную трассу, без запинки, автоматически складывая фигуру с фигурой, как складывают букву с буквой, учиться надо в горах. Вот почему обычными претендентами на победу в международных соревнованиях, как правило, становятся уроженцы сугубо горных мест, преимущественно Альп — в Европе и Сьерры-Невады — в США.

На трех Белых олимпиадах — в Кортина д'Ампеццо, Скво Вэлли и Инсбруке — довелось мне наблюдать выступления выдающихся слаломистов, и везде сравнение их мастерства с мастерством горнолыжников СССР было не в нашу пользу. Значительно благоприятнее соотношение сил в смежных со слаломом видах спорта — прыжках на лыжах и двоеборье. Летающие лыжники и двоеборцы (прыжки и гонка) не раз за последние годы оказывались среди призеров международных соревнований. И все же это не может нас удовлетворить. Ведь и прыгунами и двоеборцами, как и слаломистами, не рождаются. Значит, при правильной подготовке наши спортсмены могут быть не только третьими и вторыми, но и первыми.

Для прыжков с трамплина надо хорошо утоптать гору приземления.

Мария Николаевна Тарасова.

●

На этих снарядах тренируются молодые прыгуны.

●

Отличный слаломист Саша Леонтьев.

●

— А какое у меня время!..

АХ КАВГОЛОВА

В этой простой истине можно убедиться, совершив не очень далекое путешествие — в заповедные лыжные места, расположенные в окрестностях Ленинграда. Там, в Кавголове, находится горнолыжная спортивная школа, из которой вышли многие отличные слаломисты, прыгуны и двоеборцы.

На Спортивной улице, в доме № 6, который стоит невдалеке от трамплина, вас встречает хозяйка учебных кавголовских склонов Мария Николаевна Тарасова. Двенадцатилетней девчушкой пришла она учиться слалому в школу на Спортивной улице, а теперь сама учит бесстрашных окрестных мальчишек. Большинство учеников этой школы живут тут же — или в самом Кавголове или в соседних поселках. С раннего детства они уже умеют стоять на лыжах, осваивают все горушки и спуски.

В учебных группах юные спортсмены постепенно изучают все более сложные трассы, учатся проходить их на полной скорости, пользуясь самой совершенной слаломной техникой, и через четыре года становятся такими классными лыжниками, как Саша Леонтьев, один из лучших учеников Марии Николаевны Тарасовой.

Но вот в чем беда: самые крутые кавголовские трассы не выдерживают никакого сравнения с современными трассами слалома. Они пригодны лишь для первых четырех лет обучения. Как же обидно, что преподаватели кавголовской школы вынуждены заниматься в местах, столь мало пригодных для воспитания высококлассных слаломистов!

В распоряжении учеников школы отличное оборудование, хорошие преподаватели, им не хватает лишь одного — склонов, на которых можно получить не только среднее, но и высшее спортивное образование. Вот почему главным направлением школы постепенно стал не слалом, а прыжки и двоеборье. В этих-то областях кавголовская школа и достигла наибольшего успеха. Недаром директор школы А. К. Григас сам в свое время был известным прыгуном.

Из окон дома на Спортивной видна гора приземления большого кавголовского трамплина, с которого можно совершать прыжки за 70 метров. И в одном строю с этим гигантом стоят еще три трамплина — Андреевский, ГТО и трамплин с искусственным покрытием, с которого можно прыгать и летом. Это целый комбинат, вырабатывающий бесстрашие.

Ученики спортивной школы начинают с прыжков в 10 метров, затем их удлиняют до 25, потом совершают полеты до 40 метров. И только потом они появляются на вершине большого трамплина. В кавголовской школе выращены такие выдающиеся молодые прыгуны, как Петр Коваленко, претендующий теперь на ведущее место в стране, Юрий Самсонов, Виктор Крюков, Анатолий Жегланов. Один из лучших двоеборцев страны, серебряный призер IX Белой олимпиады, Николай Киселев,— тоже питомец этой школы. Да разве всех перечислишь! Половина спортсменов, входящих сейчас в сборные команды страны по прыжкам и двоеборью, вышли из дома № 6 по Спортивной улице...

Двести ребят занимаются сейчас в школе слаломом, прыжками и двоеборьем. Но почему бы не увеличить это число, почему бы не создать и в Закарпатье и на Кавказе школы подобного же типа? Пока кавголовская школа имеет филиал лишь в Парголове. Почему бы не создать филиалы этой школы и в других пригородных ленинградских местах? И пора наконец-то проложить для питомцев школы настоящую, сложную слаломную трассу, на которой можно растить больших спортсменов.

П
ростите, мадемуазель.
— Нет, мсье.
— Одно лишь слово...
— Послушайте, оставьте меня в покое...
Миловидная девочка, довольно красивая, она приняла Мегрэ за... Ну, что ж, ничего не поделаешь.
— Полиция.
— Что вам от меня нужно?
— Хочу кое-что сказать вам... О вашем приятеле.
— О Жозефе? А что он такое сделал?
— Этого я не знаю, мадемуазель. Я был бы рад узнать, где он сейчас находится.
И тут он спохватился: черт возьми, оплошал... Опростоволосился, как новичок. Он ведь заметил, как беспокойно она оглядывалась. Зачем нужно было заводить с ней разговор? Проще было проследить за ней. Ведь у них свидание возле метро, и она ждет его.
— Я думаю, он на работе, как обычно.
— Нет, мадемуазель. И, вероятно, вы знаете это лучше, чем я.
— Что вы хотите этим сказать?
На Больших Бульварах был час «пик». Толпы людей направлялись к метро.
— Постоим здесь минутку,— сказал он, задерживая ее у входа.
Она заметно волновалась, вертела головой во все стороны. Это была славная восемнадцатилетняя девушка с круглой мордашкой и апломбом маленькой парижанки.
— Кто вам сказал обо мне?
— Это не имеет значения. Что вы знаете о Жозефе?
— Что вам от него нужно, хотела бы я знать?
Комиссар тоже разглядывал толпу, говоря себе, что Жозеф, увидев его с Матильдой, тут же скроется.
— Не говорил ли ваш дружок о предстоящих изменениях в его жизни? Ага, я вижу, что вы сейчас солжете.
— А зачем мне лгать? — Она закусила губку.
— Ну вот, вы задаете мне вопрос, чтобы выиграть время и придумать какую-нибудь небылицу.
Она топнула каблучком.
— А кто мне докажет, что вы действительно из полиции?
Он показал ей удостоверение.
— Признайтесь: Жозеф страдал от своей незначительности?
— Ну и что же?
— А то, что это очень мучило его, даже слишком.
— Наверно, он не хотел быть парикмахером. Разве это — преступление?
— Вы знаете, что я имею в виду другое. Ему был отвратителен дом, где он жил, и весь этот образ жизни. Он даже стыдился своей матери, не так ли?
— Мне он этого никогда не говорил.
— Но вы это чувствовали? Так вот: последнее время он, наверно, говорил вам о скорой перемене в его жизни?
— Нет, не говорил.
— Сколько времени вы знаете друг друга?
— Немного больше полугода. Мы познакомились зимой. Он пришел в магазин купить бумажник. Я поняла, что они слишком дороги для него. Но он не решился сказать мне об этом и все-таки купил бумажник. Вечером я заметила его перед входом в магазин. Он несколько дней ходил следом за мной, но не решался заговорить.
— Вы где-нибудь бывали вместе?
— Чаще всего мы встречались лишь на несколько минут после работы. Иногда он провожал меня до станции метро Шампионнэ, я там живу. Иногда, по воскресеньям, мы ходили в кино. Но это было редко, потому что мои родители...
— Вы никогда не бывали у него дома в отсутствие матери?
— Никогда. Клянусь вам. Однажды он показал мне свой дом издалека, чтобы объяснить мне...
— Что он очень несчастлив?.. Вот видите!

Окончание. См. «Огонек» № 5.

Жорж СИМЕНОН

Повесть

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

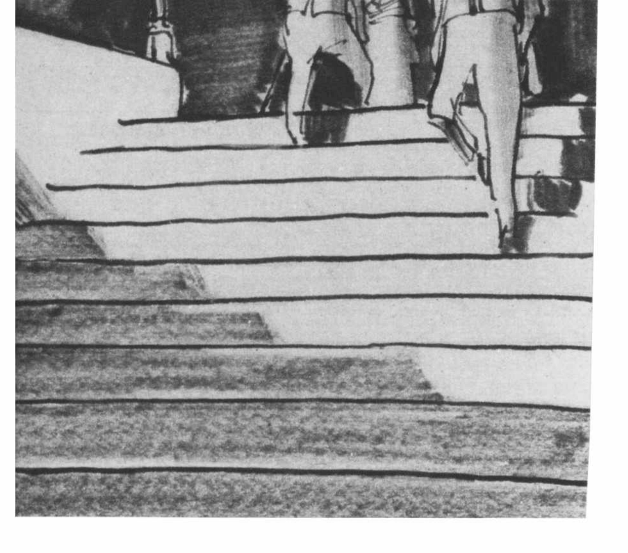
ТРУБКА

— Он сделал что-нибудь дурное?
— Да нет же, моя крошка. Он просто исчез. Надо его найти. Я рассчитываю на вашу помощь, хотя, признаться, не слишком. Бесполезно спрашивать у вас, снимал ли он где-нибудь комнату.
— Сразу видно, что вы его не знаете. У него никогда не было денег. Весь заработок он отдавал матери, а того, что она ему оставляла, едва хватало на сигареты.— Она покраснела.
— Когда мы ходили в кино, каждый из нас платил за свой билет. И однажды...
— Продолжайте...
— Боже мой, а почему бы и нет... В этом нет ничего плохого. Месяц назад мы поехали вместе за город, и у него не хватило денег расплатиться за обед.
— Куда вы ездили?
— На Марну. Мы сошли с поезда в Шелле и погуляли между Марной и каналом.
— Благодарю вас, мадемуазель.
Огорчена ли она или довольна тем, что Жозеф так и не появился в толпе? Несомненно, и то и другое.
— Почему его ищет полиция?
— Потому что к нам обратилась его мать. Не беспокойтесь, мадемуазель. И если узнаете что-нибудь о нем раньше нас, сообщите немедленно.
Обернувшись, он увидел, как она нерешительно спускается по лестнице в метро.
В кабинете на набережной Орфевр его ждало донесение.
«Некий Блюстейн Стефан, 35 лет, был убит 15 февраля в Ницце в отеле «Непреско», где он остановился за несколько дней до этого. У Блюстейна бывало много посетителей, часто поздно ночью. Он был убит выстрелом из пистолета шестимиллиметрового калибра; оружие так и не было найдено. Проведенное следствие не установило виновного. Убийца обшарил все вещи, и наутро в комнате царил неописуемый беспорядок.
Личность самого Блюстейна весьма таинственна, попытки установить, откуда он появился, ни к чему не привели. Выяснилось лишь, что в Ниццу он приехал скорым поездом из Парижа. Уголовная полиция Ниццы, несомненно, располагает более полными сведениями».
Дата убийства соответствовала исчезновению Блюстейна с набережной Берси. Мегрэ в который раз, привычно потянувшись за пропавшей трубкой, ворчал:
— Безмозглый мальчишка!..

Глава третья

ПО СЛЕДУ

Такси выехало за пределы Парижа и мчалось по шоссе, вне района действий столичной сыскной полиции. Зачем его снова понесло сюда? Ему даже не возместят проезд в такси. И все это из-за трубки!..
Гроза разразилась как раз в тот момент, когда он вышел из машины у дома на набережной Берси. Он позвонил и застал мадам Леруа на кухне за обедом, который состоял из хлеба, масла и копченой селедки. Несмотря на переживания, селедку она попыталась спрятать.
— Вы узнаете этого человека?
И она с удивлением, но не колеблясь, ответила:
— Это мой бывший жилец, мсье Блюстейн. Странно, на фото он одет, как...
— Да, как светский человек. В то время как на набережной Берси у него был вид бедняка.
— Что это значит, господин комиссар? Где этот человек? Что он сделал?
— Он убит. Скажите-ка, я вижу...
Он окинул взглядом комнату: шкафы и ящики были раскрыты.
— ...что нам с вами пришла одна и та же мысль.
Она покраснела и уже готовилась огрызнуться, но комиссар в этот день не проявлял терпения.
— Вы пересмотрели все вещи в доме. Не отрицайте. Вы хотели узнать, не прихватил ли чего с собой ваш сын, не так ли? И каковы результаты?
— Никаких, клянусь вам. Все на месте. Что вы на это скажете? Но куда же вы?

Он уже был за дверью. Сел в такси. Опять потеряно время. И опять глупо. Недавно он разговаривал с девчонкой на бульваре Бонн-Нувель и даже не подумал спросить ее адрес. А теперь она была ему очень нужна. К счастью, ее хозяин живет в том же доме, где находится его магазин. Снова такси. Крупные капли стучат по крыше. Прохожие прячутся под зонтиками. Машина то и дело задерживается у светофоров.

— Улица Шампионнэ, 67.

Он ворвался в маленькую комнату, где четверо — отец, мать, дочь и двенадцатилетний сын — ели суп за круглым столом. Матильда испуганно вскочила.

— Прошу прощения, господа. Мне нужна ваша дочь, чтобы установить личность покупателя, которого она видела в магазине. Будьте любезны, мадемуазель, следуйте за мной.

— Куда мы едем?

— В Шелл.

— Вы думаете, он там?

— Я ровным счетом ничего не знаю, мадемуазель. Шофер, остановитесь сначала на набережной Орфевр.

Здесь он посадил в такси поджидавшего его Люкаса. Сам же сел сзади вместе с Матильдой, которая испуганно жалась к нему. Прямо перед его глазами маячил огонек сигареты Люкаса.

— Вы хорошо помните Шелл, мадемуазель?

— О да!

Черт побери, разве и для Жозефа это место не самое дорогое напоминание об их любви? Один лишь раз они улизнули из Парижа, бежали вместе по высокой траве, по берегу реки...

— Вы уверены, что в темноте сможете указать нам дорогу?

— Думаю, смогу. Если только такси поедет мимо вокзала: ведь в Шелл мы приезжали на поезде.

— Вы мне говорили, что обедали там в таверне?

— Да, в таверне. Запущенной, грязной и такой мрачной, что нам даже стало жутко. Мы шли к ней по берегу Марны. И дорога иногда превращалась в тропинку. Слева мы видели заброшенную печь для обжигания извести. Затем, в полукилометре оттуда, двухэтажный домик. Мы даже удивились, когда его там обнаружили... Мы вошли. Справа — обитая цинком стойка. Беленые стены. И всего два железных стола и несколько стульев. Этот тип...

— Хозяин?

— Да. Маленький такой, черноволосый. Он был похож скорее... Я не знаю, как вам объяснить. Может, нам просто показалось... Мы спросили, можно ли здесь перекусить. И он подал нам сосиски, макароны, а затем подогрел кролика. Все было очень вкусно. Хозяин болтал с нами, рассказывал о рыболовах, которые составляли его клиентуру. Да, в углу там стояла целая куча удочек.

— Это здесь? — спросил Мегрэ, видя, что шофер остановился.

Здание станции, несколько огней в ночи...

— Направо, — сказала девушка, — а потом второй поворот, тоже направо. Там мы спросили дорогу. Но почему вы решили, что Жозеф здесь?

Просто так! Вернее, из-за трубки. Но в этом он не решился бы признаться.

— А теперь прямо, — сказала Матильда. — Дальше на реке есть мост, но по нему ехать не надо, повернете налево. Осторожно, дорога узкая!..

— Признайтесь, милая, что ваш Жозеф последнее время говорил вам о возможных и даже весьма вероятных изменениях в его жизни.

— Он очень честолюбив.

— Я говорю не о далеком будущем, а о том, что должно было произойти со дня на день.

— Он не хотел быть парикмахером.

— И он надеялся, что у него появятся деньги. Не так ли?

Как она мучается, бедняжка! Она так боится предать своего Жозефа!

Машина медленно ехала по берегу Марны. Слева виднелись низкие домишки бедняков и изредка — более комфортабельные виллы. То тут, то там мелькал свет, иногда лаяла собака. Примерно в километре от моста дорога стала ухабистой, такси остановилось, и шофер сказал:

— Дальше я проехать не смогу.

Дождь лил как из ведра. Они промокли до нитки, едва вышли из машины. Все было мокро: земля, скользящая под ногами, и кусты, цепляющиеся за одежду. Чуть дальше им пришлось идти цепочкой; шофер ворча забрался обратно в машину и, несомненно, готовился предъявить солидный счет.

— Странно. Я думала, что это ближе. Вы еще не видите дома?

Марна была совсем рядом. Шагая по лужам, они поднимали тучи брызг. Мегрэ шел впереди, раздвигая кусты. Матильда сразу вслед за ним. И Люкас замыкал шествие с невозмутимостью овчарки. Девушке становилось страшно.

— Я ведь узнала мост и печь. Мы не могли ошибиться.

— Сегодня, — проворчал Мегрэ, — время тянется медленнее, чем тогда, когда вы были здесь с Жозефом, и этому есть немало причин. Смотрите, вот и огонь слева.

— Так и есть. Это там.

— Тссс. Постарайтесь не шуметь.

— Вы предполагаете...

Мегрэ неожиданно резко прервал ее:

— Я ничего не предполагаю! Я никогда ничего не предполагаю, мадемуазель!

Когда они подошли поближе к дому, он тихо сказал Люкасу:

— Жди здесь с девчонкой. И не трогайся с места, пока не позову. Посмотрите-ка, Матильда, отсюда виден фасад. Узнаете его?

— Да. Могу поклясться.

Тут же широкая спина Мегрэ заслонила от нее свет окна. И девушка в промокшем платье, ночью, под дождем осталась на берегу реки наедине с незнакомым мужчиной, который невозмутимо курил сигарету за сигаретой.

Глава четвертая

МЕСТО ВСТРЕЧИ РЫБАКОВ

Матильда не преувеличивала, говоря, что место это тревожное, более того, зловещее. Нечто вроде заброшенного тоннеля чернело около дома с грязными окнами. Дверь была открыта, потому что начавшаяся гроза лишь чуть освежила воздух.

Желтоватый свет падал на давно не метенный пол. Мегрэ внезапно возник из темноты и в проеме двери казался выше ростом. Коснувшись пальцами края шляпы, он пробормотал, не вынимая изо рта трубки:

— Добрый вечер, господа.

За железным столом, на котором стояли бутылки молодого вина и два граненых стакана, сидели двое мужчин. Один из них, чернявый, без пиджака, неторопливо поднял голову, чуть удивленно взглянул и встал, подтягивая штаны.

— Добрый вечер...

Другой повернулся спиной к вошедшему. Наверняка не Жозеф Леруа. Человек был крепкого телосложения и одет в светло-серый костюм. Странно, однако: несмотря на то, что позднее вторжение было неожиданным, он даже не вздрогнул. Более того, он словно сжался, чтобы не вздрогнуть. Стенные часы с фаянсовым циферблатом показывали десять минут первого, но было позднее. Что-то неестественное было в том, что этот человек не полюбопытствовал узнать, кто вошел.

Мегрэ подошел к стойке. Вода стекала с него ручьями, на грязном полу появились темные лужи.

— Нет ли у вас свободной комнаты?

Хозяин, явно стараясь выиграть время, медленно прошел за стойку, на которой стояло лишь несколько бутылок с неизвестным содержимым, и спросил, в свою очередь:

— Я вам налью чего-нибудь?

— Пожалуй. Я спрашиваю: есть ли у вас комната?

— Очень сожалею. Но... Вы пешком?

Наступила очередь Мегрэ не отвечать на вопрос.

— Стакан вина.

— Мне показалось, что подъехал автомобиль.

— Весьма возможно. Так есть у вас комната или нет?

Все это время Мегрэ смотрел на спину в нескольких метрах от него, такую неподвижную, словно вырезанную из камня. Здесь не было электричества. Комнату освещала тусклая керосиновая лампа.

Если бы этот человек обернулся... Если бы его неподвижность не была столь упорной и нарочитой...

Это беспокоило Мегрэ. Он быстро прикинул: если принять во внимание размеры кафе и кухни, то на втором этаже должны быть по крайней мере три комнаты. По виду хозяина, по беспорядку и запущенности, которые царили здесь, он мог бы поклясться, что в доме нет женщины. Ему показалось, что он слышит над головой шаги. Вероятно, это имело определенное значение, поскольку хозяин поднял голову с явным неудовольствием.

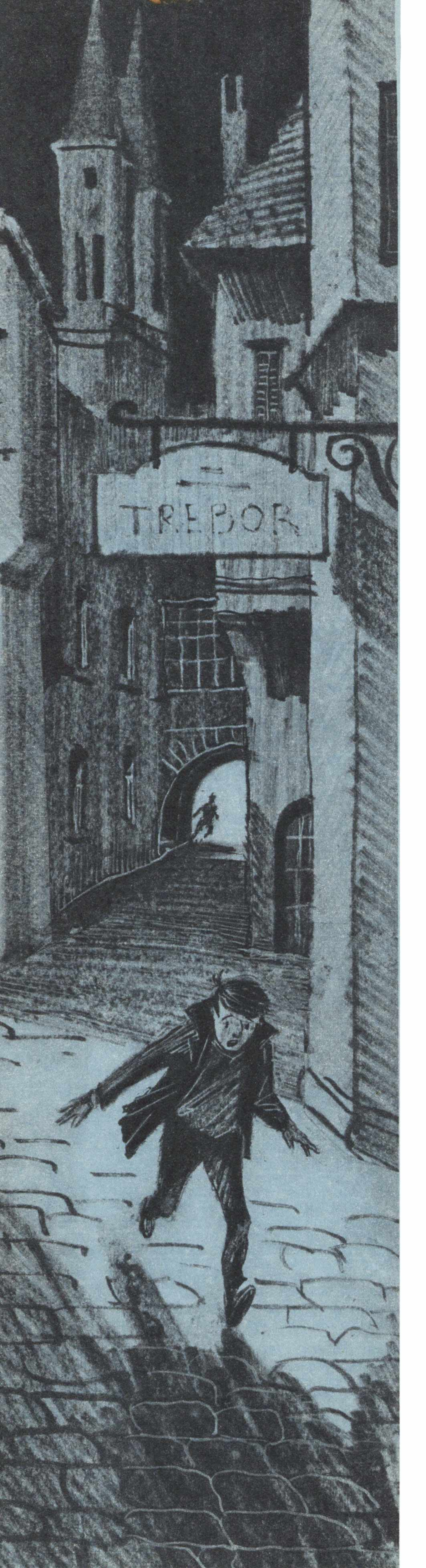
— А сейчас у вас много постояльцев?

— Никого. Разве что...

Он кивнул на человека, вернее, на его неподвижную спину. И тут Мегрэ интуитивно почувствовал серьезную опасность. Он понял, что надо действовать очень быстро и безошибочно. Он еще успел заметить, что рука человека оторвалась от стола и приближается к лампе. Мегрэ прыгнул вперед. Но было уже поздно. Лампа с шумом грохнулась об пол, зазвенели осколки, и запах керосина наполнил комнату.

— Я был уверен, что знаю тебя, негодяй!

Мегрэ удалось схватить человека за пиджак. Он вцепился крепче, но противник ударил его, пытаясь вырваться. Они боролись в полной темноте. Мегрэ не остался в долгу и бил кулаком вслепую. А как поведет себя хозяин? Поможет ли клиенту? Вдруг он почувствовал, что кто-то впился

зубами в его руку. Всей тяжестью своего тела он рухнул на противника, и они вдвоем покатились по полу, по осколкам стекла.

— Люкас! — что есть силы крикнул Мегрэ. — Люкас!

Противник был вооружен. Мегрэ прощупал тяжелый пистолет в кармане его пиджака и старался помешать руке дотянуться до кармана.

Нет, хозяин не подавал признаков жизни. Возможно, он невозмутимо ждал за своей стойкой.

— Люкас!..

— Я здесь, патрон!

Люкас бежал к дому, хлюпая по лужам и повторяя:

— Стойте на месте. Слышите? Я вам запрещаю следовать за мной!

Это относилось, конечно, к Матильде, которая, вероятно, обезумела от страха.

— Если укусишь еще раз, я раскрою тебе череп, скотина! Понял?

Мегрэ локтем придавил руку, тянущуюся за револьвером. Противник был силен так же, как и он. Возможно, комиссар допустил ошибку, схватившись с ним один на один в темноте. Они зацепили стол, и он опрокинулся на них.

— Сюда, Люкас! Посвети фонарем.

— Сейчас, патрон.

Внезапно бледный луч фонарика выхватил из темноты переплетенные тела.

— Черт возьми! Николя! Вот так встреча...

— А вы думаете, я вас не узнал? Сразу, по голосу...

— Ну-ка, Люкас, помоги. Это опасный зверь. Стукни-ка его, как следует, чтоб успокоился. Бей, не бойся! Он выдержит.

Люкас размахнулся и крепко стукнул лежащего по голове резиновой дубинкой.

— Где наручники? Давай сюда! Если б я знал, что встречу эту скотину здесь!.. Так. Теперь все в порядке. Можешь встать, Николя! Напрасно притворяешься, что ты без сознания. Твой лоб выдерживал и не такое... Хозяин!

Ему пришлось позвать вторично. И очень странно было услышать невозмутимый голос из темноты:

— Слушаю вас, господа!

— Есть у вас еще лампа или, может быть, свеча?

— Сейчас принесу свечу. Посветите мне в кухне.

Мегрэ обернул платком руку, которую прокусил бандит. Кто-то плакал у двери. Это была Матильда, которая не знала, что происходит, и, возможно, думала, что комиссар боролся с Жозефом...

— Входите, малютка. Не бойтесь. Я думаю, что сейчас все закончится. А ты, Николя, сядь здесь и не вздумай шевелиться!

Оба револьвера — свой и бандита — он положил перед собой на столе. Вернулся хозяин со свечой. Вид у него был такой спокойный, словно бы ничего и не произошло.

— А теперь, — сказал ему Мегрэ, — приведите-ка мне парнишку.

Небольшое замешательство. Неужели он станет отрицать?..

— Кому я сказал — приведите мальчишку? Живо!

Хозяин направился к двери.

— Трубка-то хотя бы у него?

* * *

Заливаясь слезами, девушка повторяла:

— Вы уверены, что он здесь и что с ним ничего не случилось?

Мегрэ не отвечал. Он прислушивался к тому, что происходило наверху. Хозяин постучал в дверь. Потом заговорил вполголоса. Затем все настойчивей. Можно было уже различить обрывки фраз:

— Это господа из Парижа. С ними девушка. Вы можете открыть. Клянусь вам, что...

Матильда говорила, всхлипывая:

— А вдруг они убили его?..

Мегрэ пожал плечами и тоже направился к лестнице.

— Смотри в оба, Люкас. Ты ведь узнал нашего старого приятеля Николя? А я-то думал, что он еще в тюрьме Фрэн!

Он медленно поднялся по лестнице, отстранил хозяина от двери.

— Это я, Жозеф, комиссар Мегрэ. Ты можешь открыть, мой мальчик.

И хозяину:

— Чего вы ждете? Ну-ка, спускайтесь. И налейте чего-нибудь девушке. Грога, что ли, пусть успокоится. Ну, Жозеф! Живее!

Наконец ключ повернулся. Мегрэ толкнул дверь.

— Почему здесь нет света?

— Подождите. Я сейчас зажгу. Тут остался еще огрызок свечи.

Руки Жозефа дрожали. И лицо его, освещенное пламенем свечи, было перекошено от страха.

— Он все еще внизу? — пролепетал он. И затем бессвязно: — Как вы меня нашли? Что они вам сказали? Кто эта девушка?

Деревенская комната. Очень высокая, разобранная кровать, комод, которым Жозеф пытался забаррикадировать дверь.

— Ну-с, куда вы запрятали вашу добычу? — спросил Мегрэ с самым невозмутимым видом. Жозеф обалдело посмотрел на него и понял: комиссар знает все. Иначе он не выглядел бы, как сам господь бог, когда вошел в эту комнату.

Торопливо порывшись в карманах брюк, юноша вытащил маленький пакетик, обернутый в газету. Волосы у него были нечесаны, одежда смята. Комиссар машинально взглянул на его ноги. Он был обут в нелепые домашние туфли.

— А моя трубка?

На этот раз Жозеф готов был расплакаться, и губы его сложились в плаксивую детскую гримасу. Мегрэ даже показалось, что он сейчас упадет на колени и попросит прощения.

— Успокойтесь, молодой человек, — посоветовал он ему. — Внизу люди.

И он с улыбкой взял трубку, которую парень протянул ему дрожащей рукой.

— Тссс. Матильда поднимается по лестнице. Она не может дождаться, когда мы спустимся. Ну-ка, причешитесь.

Он поднял графин, чтоб налить в умывальник воды, но графин был пуст.

— Нет воды? — удивился комиссар.

— Я ее выпил.

Ну да, конечно! Как он об этом не подумал? Это бледное, вытянувшееся лицо, провалившиеся глаза...

— Вы давно не ели? — И, не оборачиваясь к Матильде, присутствие которой он ощущал в темноте коридора, сказал: — Входите, моя милая! Поверьте мне, ничего не случилось. Он вас очень любит. Иначе и быть не могло, но прежде всего, думаю, ему нужно поесть.

Глава пятая

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЖОЗЕФА

Теперь было приятно слушать, как хлещет дождь по листьям, и вдыхать через широкую открытую дверь влажную ночную прохладу. Несмотря на голод, Жозеф едва мог проглотить бутерброд с паштетом, который приготовил ему хозяин: так он был потрясен; его кадык судорожно поднимался и опускался. Что же касается Мегрэ, то он пил уже второй или третий стакан вина и с наслаждением тянул свою любимую трубку.

— Видите ли, молодой человек, я говорю это отнюдь не для того, чтоб поощрять мелкое воровство, но если б вы не стащили мою трубку, я уверен — рано или поздно ваш труп обнаружили бы в камышах Марны... Трубка Мегрэ, а?

И, честное слово, Мегрэ произносил эти слова с удовлетворением: вся эта история льстила его самолюбию. У него взяли труб-

ку, как берут незаметно на память карандаш у великого писателя, кисть у великого художника, носовой платок или какую-нибудь другую мелочь у кинозвезды.

Это комиссар понял с самого начала. Молодой человек, страдающий комплексом неполноценности, стащил его трубку. И этот же молодой человек на следующую ночь исчез. А до этого молодой человек пытался уговорить свою мать не обращаться в полицию. Что это значит? А то, что он сам хотел провести следствие, черт побери! Потому что он чувствовал себя в силах сделать это! Потому что с трубкой Мегрэ во рту он был уверен...

— Когда вы поняли, что таинственные посетители ищут в вашем доме бриллианты?

Жозеф хотел было из тщеславия солгать. Но, взглянув на Матильду, передумал.

— Я не знал, бриллианты ли это. Но несомненно одно: искали что-то маленькое, ведь рылись даже в коробках из-под лекарств.

— А что ты на это скажешь, Николя? А, Николя?

Тот сидел на стуле в углу, наручники сжимали его запястья, и он тупо глядел прямо перед собой.

— Когда ты убил Блюстейна в Ницце...

Николя не отозвался, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Слушай, что я тебе говорю! Ты ведь прикончил Блюстейна в «Негреско» потому, что понял, что он тебя обманывал?.. Значит, ты не хочешь говорить? Ну, ладно, заговоришь потом. Что сказал тебе Блюстейн? Что спрятал бриллианты в доме на набережной Берси! Отлично. Ты стал сомневаться, сумеешь ли их найти, ведь эти маленькие штучки очень легко спрятать. Вероятно, он указал тебе ложный тайник?.. Ну, ладно. Я не спрашиваю тебя, откуда бриллианты. Мы узнаем это завтра, когда их осмотрят эксперты. Тебе не повезло на этот раз. Тебя сцапали за старое дело. Что ты там натворил? Кажется, ограбление на бульваре Сен-Мартен? Ну как же! Ювелирный магазин! Ведь если специализируешься на чем-то... Не так ли? Ты получил три года. И вот уже три месяца, как, выйдя из тюрьмы, ты бродишь вокруг этого дома. У тебя был ключ, который Блюстейн сделал для себя. Ну? Будешь говорить? Что ж, как хочешь.

Молодые люди с удивлением смотрели на Мегрэ и не могли понять его шутливого тона; они ведь не знали о всех треволнениях, которые он пережил за последние часы.

— Видишь ли, Жозеф... Смотри-ка, я обращаюсь к тебе уже на «ты». Все это было просто. Какой-то незнакомец проникает в дом, где уже три года не было жильцов. Я тотчас же подумал, что это какой-нибудь тип, отбывший заключение. Ведь не мог же таинственный посетитель, скажем, проболеть три года после исчезновения Блюстейна. Мне надо было бы проверить списки освобожденных из тюрьмы, и я тотчас бы наткнулся на нашего приятеля Николя. У тебя нет огонька, Люкас? Мои спички размокли... А теперь, Жозеф, расскажи нам, что произошло этой ночью.

— Я был уверен, что у нас спрятано что-то очень ценное. Возможно, целое состояние. И я решил отыскать...

— А так как твоя мамаша поведала мне об этом деле, ты решил во что бы то ни стало найти клад этой ночью.

Жозеф опустил голову.

— И чтобы тебе не помешали, ты подсыпал бог знает чего в стакан мамаши?

Он не отрицал. Только у него еще быстрее задвигался кадык.

— Мне так хотелось жить по-другому,— пролепетал он еле слышно.

— Ты спустился вниз в домашних туфлях? А почему ты был уверен, что найдешь ценности именно этой ночью?

— Потому что, кроме столовой, я обыскал уже весь дом, разделив все комнаты на секторы. И убедился, что тайник может быть только в столовой.

Несмотря на усталость и унизительность положения, в глазах его блеснула гордость.

— И я нашел.

— Где?

— Может, вы заметили в столовой старую газовую проводку с горелками и фальшивыми свечами из фарфора? Уж не знаю, как мне пришла в голову мысль отвинтить свечи. В них-то я и нашел какие-то завернутые в кусочек бумаги твердые предметы.

— Минутку! Отправляясь на поиски, ты уже знал, что будешь делать в случае удачи?

— Не знал.

— Ты не собирался бежать?

— Нет. Клянусь вам.

— Ты хотел перепрятать клад в другое место?

— Да.

— У себя в доме?

— Нет. Я ведь знал, что вы все у нас перевернете вверх дном и наверняка найдете. Я бы спрятал клад в парикмахерской. Ну, а потом...

Николя криво усмехнулся. Хозяин, облокотившись о стойку, не двигался. Его рубашка белела в полутьме.

— Итак, когда ты открыл тайну газовых горелок...

— Как раз в тот момент, когда я завинчивал последнюю свечу, мне показалось, что рядом кто-то стоит. Сначала я подумал, что это мама, и погасил электрический фонарик. Но это был мужчина, он шел прямо на меня. Тогда я бросился к двери и выскочил на улицу. Дверь с грохотом захлопнулась. Я был без ботинок, без галстука и без шапки. Я слышал за собой погоню и бежал что было сил.

— Нелегко тебе угнаться за этим быстроногим зайцем, а, Николя? — насмешливо сказал Мегрэ.

— У площади Бастилии я заметил полицейский патруль и зашагал вслед за ним, потому что был уверен, что этот человек не нападет на меня при них. Так мы дошли до Восточного вокзала. И тут у меня мелькнула мысль...

— Удрать в Шелл? Приятные воспоминания, не так ли? Ну, а потом?

— До пяти утра я проторчал в зале ожидания, где было много народу... А пока были люди...

— Ясно.

— Но я не знал, кто меня преследует, и разглядывал всех вокруг. Когда открыли кассу, я протиснулся между двумя женщинами и тихо спросил билет. В это время сразу отходило несколько составов. Я переходил из поезда в поезд, перебирался через пути на другие перроны...

— Этот парень доставил тебе хлопот еще больше, чем мне, а, Николя?

— Он ведь не знал, до какой станции я взял билет. В Шелле я подождал, пока поезд тронется, и спрыгнул.

— Что ж, неплохо. Совсем неплохо!

— Я поскорее выбежал из вокзала. На улице никого не было. Я снова побежал, и никто меня не преследовал. Я очутился здесь и сразу попросил комнату, у меня уже не было сил. Мне хотелось быстрее освободиться от...

Рассказывая, он весь дрожал.

— Мама никогда не давала мне много карманных денег и, поднявшись в комнату наверху, я обнаружил у себя всего пятнадцать франков и несколько телефонных жетонов. Мне захотелось вернуться домой, прежде чем мама...

— И тут появился Николя.

— Я увидел его в окно. Он выходил из такси примерно в полукилометре отсюда. Я сразу же понял, что он доехал до Ланьи и взял там такси. Но только в Шелле он напал на мой след. Я тут же заперся на ключ. А затем, услышав шаги на лестнице, я придвинул к двери комод. Я уже не сомневался, что он убьет меня.

— И не моргнет глазом! — пробурчал Мегрэ.— Но он не решался раскрыть себя, мешал хозяин. Так ведь, Николя? И он обосновался здесь, полагая, что рано или поздно ты выйдешь из комнаты. Ну, хотя бы поесть.

— Я ничего не ел. Я очень боялся, что ночью он возьмет лестницу и влезет ко мне через окно. Поэтому я запер ставни и старался не спать.

На улице послышались шаги. Это был шофер. Гроза окончилась, и он забеспокоился о клиентах.

Тогда Мегрэ осторожно выбил трубку о каблук, снова набил ее, поглаживая с явным удовольствием.

— Если б тебя угораздило ее сломать...— буркнул он.— И добавил уже другим тоном: — Ну, что ж, дети, в путь! Жозеф, а что ты скажешь матери?

— Не знаю. Страшно подумать.

— Не отчаивайся. Ты спустился в столовую, вообразив себя сыщиком. Тут ты увидел человека, выходящего из вашего дома. И, как настоящий сыщик, пошел за ним.

Тут Николя впервые раскрыл рот, чтобы бросить с презрением:

— Не думаете ли вы пришить мне это дело?

— А мы все выясним,— невозмутимо ответил Мегрэ.— С глазу на глаз, в моем кабинете... Эй, шофер! Нам, пожалуй, тесновато будет в вашем драндулете! Ну, что ж. Поехали?

Немного позже он шептал на ухо Жозефу, притиснутому вместе с Матильдой в самый угол сиденья:

— Я подарю тебе другую трубку, ладно? И, если хочешь, еще побольше этой.

— Да, но это будет не ваша трубка,— ответил парнишка.

Перевел с французского
О. ШИРОКОВ

90 лет со дня рождения В. И. Качалова

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР

«Счастливец! Вам дано высшее, что природа способна дать артисту: сценическое обаяние. Оно проявляется и в Вашем таланте, и в уме, и во всей Вашей личности. С этим волшебным даром Вы побеждаете людей всего мира, и в том числе меня, искренно Вас любящего друга и давнишнего сотрудника. К. Станиславский».

Русская сцена знала много больших актеров, но место, которое занимает среди них Василий Иванович Качалов, особое. «Мы глядели на него, слушали его и становились лучше». Такими признаниями полны статьи, письма и воспоминания об артисте. Духовному влиянию актера незаметно для себя подчинялись даже самые неискушенные зрители. Он был властителем дум на протяжении почти 50 лет. И каких лет! Для этого недостаточно быть «актером-поэтом», «актером-мыслителем», как называли его современники, для этого надо всегда, во всех образах нести большие, глубокие, значительные, самые передовые мысли.

Не удивительно, что, увидев Качалова в роли Барона («На дне»), Горький признался, что «это гораздо больше, чем я написал». (То же мог он сказать и о Захаре Бардине во «Врагах», которого написал гораздо мягче, терпимей, чем играл его Качалов.) Вдова Достоевского сокрушалась, что Федор Михайлович не дожил до встречи со своим Иваном Карамазовым. Да и на толстовских и чеховских героев по-новому уже смотрели после трактовки Качалова. Ну разве можно было сказать о его Тузенбахе: «Одним бароном больше, одним меньше...»! Мудр и прозорлив был Чехов в своем предсказании. Познакомившись с Василием Ивановичем во МХАТе в 1901 году, когда в репертуаре артиста была только одна, первая его роль — царя Берендея, и узнав, что исполнителю только 26 лет, Чехов участливо сказал: «Жалко, что вам сейчас не 46. Ну, да от этого недостатка вы еще исправитесь». И прибавил ласково, улыбаясь глазами: «А какой вы еще будете большой актер. Очень, очень большой..»

Предсказание Чехова сбылось еще при жизни писателя.

От недостатка же — молодости — Василий Иванович так и не избавился. Разве не молод он был, когда в пятьдесят три года горячо ратовал в театре за постановку пьесы молодого советского писателя Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» и сыграл свою первую революционную роль крестьянского вожака Никиты Вершинина так, что воспринимался как подлинный народный герой!

А с какой молодой увлеченностью читал Качалов с эстрады стихи советских поэтов!..

Забота об искусстве — его будущем — пронизывала всегда творчество народного артиста.

В нем была не только гармония превосходных внешних и внутренних черт, но — и это главное — гармония актерской и человеческой индивидуальности.

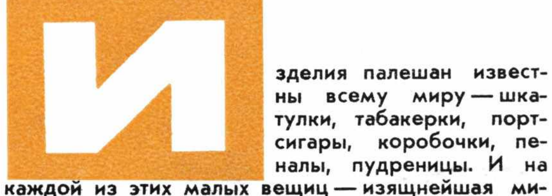
И. ВЕРШИНИНА

ПАЛЕШАНЕ

Ник. **КРУЖКОВ**

Фото Б. Кузьмина.

Изделия палешан известны всему миру — шкатулки, табакерки, портсигары, коробочки, пеналы, пудреницы. И на каждой из этих малых вещиц — изящнейшая миниатюра, полная красок, солнца, движения... Глядишь на нее, и кажется, что все вокруг поет и радуется! На ничтожной площади развернуты сюжетные композиции, в которых без труда разглядишь героев любимых с детских лет сказок, былин, песен; увидишь народные гулянки, пляски, хороводы; бурные столкновения сил тьмы и света.

Откуда же все это взялось? До революции были палешане иконописцами, «богомазами», как их именовали в народе, поставляли для бесчисленных церквей и монастырей России иконы — богородиц, святых, служили своим искусством «лепоте православия». Знали они и фресковую живопись, могли реставрировать старинные храмы, расписывать царевы дворцы, вполне владея искусством древнего письма — узорчатого, яркого, поражающего необычностью линий и буйством фантазии.

Максим Горький, сам в детстве работавший в иконописной мастерской, рассказал, в какой удручающей обстановке приходилось трудиться палешанам-иконописцам: «...какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, неспособных возбудить любовь к делу, интерес к нему. Косоглазый столяр Панфил, злой и ехидный, приносит выстроганные им и склеенные кипарисовые и липовые доски разных размеров; чахоточный парень Давидов грунтует их; его товарищ Сорокин кладет «левкас»; Миляшин сводит карандашом рисунок с подлинника; старик Гоголев золотит и чеканит по золоту узор; доличники пишут пейзаж и одеяния иконы, затем она, без лица и ручек, стоит у стены, ожидая работы личников... Когда «тельце» написано личником, икону сдают мастеру, который накладывает по узору чеканки «финифть»; надписи пишет тоже отдельный мастер, а кроет лаком сам управляющий мастерскою, Иван Ларионыч, тихий человек».

Работа, разъятая на части, лишенная какой бы то ни было творческой целостности, становилась бессмысленной, отупляющей, низведенной до степени жалкого ремесла.

Но, может быть, ремесло это хорошо кормило палешанина? Какой там! К мастерам, как пауки, присасывались купцы-толстосумы, наживавшие капиталы за счет поистине каторжного труда художников. Ныне покойный Иван Баканов рассказывал: «Я работал непрерывно сорок пять лет на одного предпринимателя и за полвека работы у купца Сафонова ничего не нажил, хотя считался, должен сказать, лучшим мастером из двухсот, работавших на него».

В горькой нужде жили «богомазы», из поколения в поколение передававшие свои навыки. Конечно, и в этом затхлом мире ремесленничества нет-нет да и появлялись истинные художники-самородки, стремившиеся вложить новое, творческое начало в свое искусство, но их стремления неизменно встречали самый решительный отпор со стороны всесильных заказчиков.

Когда грянула революция, все думали: погиб Палех. Кому теперь нужны иконы? Кто будет их покупать? Одиноким и мрачным бродил по Палеху Михаил Сафонов, «отец и благодетель», пока наконец не попал в сумасшедший дом. Мастера занялись кто чем: Александр Котухин плел лапти, Иван Голиков ездил по театрам, писал декорации, Вакуров работал чертежником, Буторин по окрестным деревням рисовал портреты за меру картошки, Балденков малярничал, Баканов, Зубков, Зиновьев пахали. Многие пошли на войну — сражались с Деникиным, Колчаком...

Но оказалось, что именно революция спасла Палех, открыла выход народным талантам. Иконопись, уходившая своими отдаленными корнями в Византию, в эллинское искусство, соединившись с исконно русским творческим началом, составила ту основу, на которой выросло искусство обновленного Палеха. Древнее гармонично слилось с новым. Мастера получили новое видение мира, их кругозор неизмеримо расширился. Единство замысла и выполнения — именно то, что было недоступно для иконописцев, каждый из которых делал лишь малую часть работы,— утвердилось в практике художников-палешан, дав им возможность полнокровного творчества.

Но не так-то все это было просто. Шкатулки и пудреницы, табакерки и портсигары делались не из кипарисовых и липовых досок, как блаженной памяти иконы, а из папье-маше — материала, ранее палешанам неизвестного. Нужно было научиться вырабатывать этот материал, изучить склейку, протирание маслом, обжиг, просушку, шпаклевку, очистку, окраску, лакировку. Косоглазый столяр Панфил здесь бы уж никак не пригодился.

И, наконец, что самое существенное, пришлось менять технику письма, применяя ее к работе на малой, ничтожной площади шкатулки или пенала.

Со всем этим палешане справились. В 1924 году в селе была организована артель художников с могучим вступительным капиталом в 100 рублей (!), и с тех пор жизнь пошла по-новому.

От старого иконописного ремесла сохранили палешане свои самобытные краски на яичных желтках и тонкие кисти из беличьего волоса.

Когда Иван Голиков, один из активнейших организаторов палехской артели древней живописи, вслух мечтал, что дело разовьется, будут приезжать иностранцы — смотреть, как рисуют,— здешние мужики, домашние ругали его:

— Ну те к черту болтать, самому жрать нечего, а он треплет.

Давно сказано: нет пророка в своем отечестве.

Палешане как будто бы делали самые практические вещи, но кому же придет в голову использовать палехские пеналы, портсигары, пудреницы, шкатулки по прямому назначению?! Форма исполнения приходит в яростное столкновение с назначением предмета. Предмет перестает быть самим собой, он становится произведением тонкого, великолепного искусства.

В чем же сила, обаяние палешан-художников? Какой-нибудь унылый скептик или просто скучный от природы человек, вглядываясь в изображенную палешанином битву, скажет:

— Таких лошадей не бывает! Ишь, как изогнулись, словно борзые! А разве копья были такими?! А щиты? Сказка все это!

И тут скептик неожиданно окажется прав. Да, все творчество палешан — волшебная сказка, уводящая нас в яркий и праздничный мир. Даже самая реальная тема в трактовке художника-палешанина принимает фантастические, необычайные очертания, как бывает во сне, в детстве, когда грезится чудесное, незнаемое, а простое, известное, окутываясь в золотую и серебряную дымку воображения, становится прекрасным.

Иван Иванович Голиков, тончайший художник, по виду невзрачный, простой мастеровой человек, писал о себе: «Я краски разбрасывал направо и налево по своим предметам. Словом, пользовался собранными цветами с лугов и исходя из них. На первый взгляд у меня получался букет цветов, а когда вглядишься, тут бой или гулянка».

Каким же надо обладать зорким, проникновенным глазом, какой буйной силой преображения, чтобы в скромной, тихой красе русского пейзажа увидеть то, что потом так поражает нас стремительным потоком красок, льющимся с миниатюры!

Давно уже нет в живых зачинателей обновленного палехского искусства, но дело их растет, развивается, продолжает радовать людей своей неизбывной красотой, как радует раздольная русская песня, звенящая в широком поле, как волнует и восхищает бабушкина сказка, рассказанная под свист серебряной зимней метели.

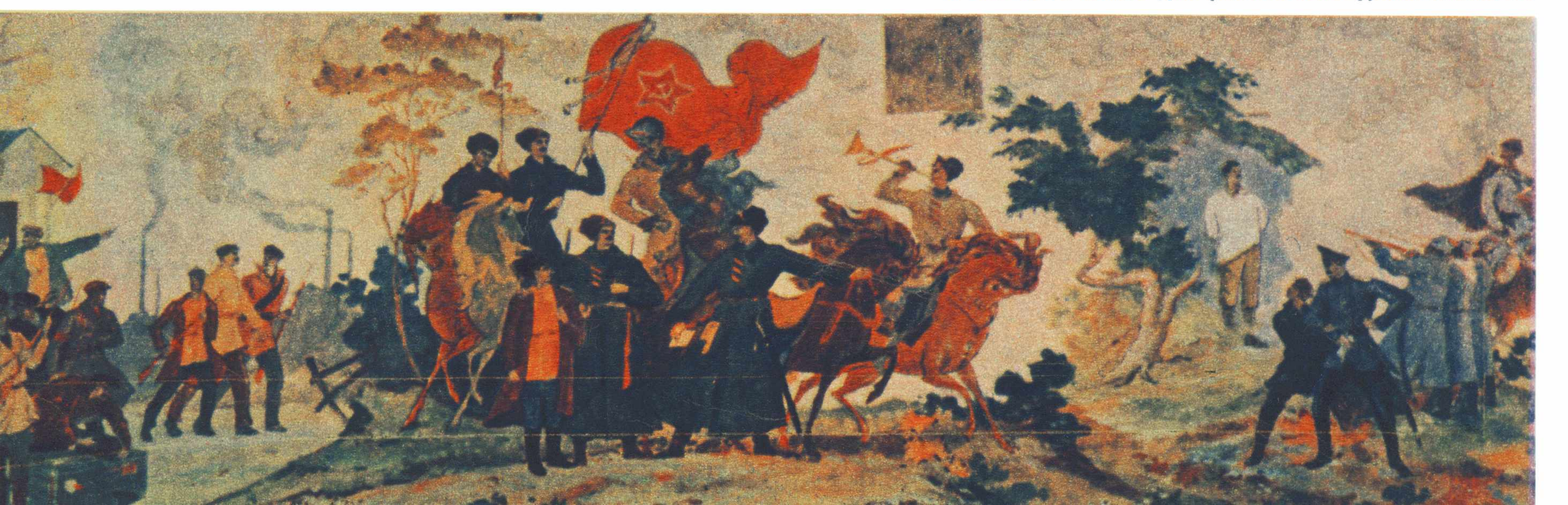
И. И. Голиков. **«БИТВА»**. (Палех).

Ювелирная работа!

Музей древней живописи в Палехе.

В. Большаков. ПАННО ДЛЯ ИВАНОВСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ.

СРЕДИ ПРАВОФЛАНГОВЫХ

Все, что вошло в новую книгу очерков Бориса Галина «Всегда за мечтой», я уже когда-то читал.

Читал «Мечту», документальную повесть о Василии Иванове, начальнике строительства тракторного завода, своеобразно скомпонованную из рассказа самого героя, свидетельств друзей и дневниковых записей автора.

Читал изумительный, на вздохе и выдохе написанный очерк «Высота — 22 тысячи метров» — об Илюше Усыскине, юном физике, одном из трех погибших в 1934 году стратонавтов, чей прах покоится в Кремлевской стене.

И огненные фронтовые корреспонденции «Прощай, Сто девятый!», «Сосед справа», «Аршинцев», «Сын Чапаева».

И еще одну документальную повесть, «В одном населенном пункте», под которой я с удивлением прочел дату «1947». Я считал, что она родилась гораздо позже — так живы еще в моей читательской памяти ее герои, события.

И небольшие, но предельно емкие, исполненные высокой публицистичности очерки о Ленине.

Недавно я побывал в Юже, маленьком текстильном городке Ивановской области. Сидел в горкоме партии, расспрашивал Марию Петровну Михайличенко, секретаря горкома, о людях, о делах. Она сказала:

— У Галина почитайте. Хорошо написал про наш город...

И протянула книжку «Строитель нового мира», очерки о Ленине, среди которых есть и такой: «Делегат из Южи». Это рассказ о том, как в голодном девятнадцатом году приезжал к Ильичу делегат от южских ткачей. Сделано здорово, погалински, в мягкой, ненавязчивой манере, с завидным умением протянуть ниточку из давних лет в наши дни. Я встретился с этим очерком, как со старым знакомым, и в новой книге писателя.

Известны мне были и его дневники путешествий по Чехословакии и ГДР.

Но, удивительное дело, когда я взял эту книгу сейчас в руки, чтобы перелистать, просмотреть, она постепенно затянула, засосала меня, заставила внимательно прочесть ее, словно впервые, страницу за страницей.

Книга Бориса Галина представляется мне как бы его творческим отчетом за тридцать лет, отчетом далеко не легким, вобравшим в себя лишь малую часть сделанного этим тружеником очеркового жанра. Но и сие малое слагается в большую волнующую картину нашего времени, нашей эпохи, которую автор в подзаголовке книги обозначил так: «Годы тридцатые — шестидесятые».

Я один из многочисленной армии очеркистов, среди правофланговых которой мы вот уже долгие годы видим Бориса Галина. И держим на него равнение.

А. СТАРКОВ

Борис Галин. Всегда за мечтой. «Советский писатель», Москва, 1964.

ИЗ БИОГРАФИИ ГРИНА

Мало кому известно о революционной деятельности А. С. Грина.

В Севастополе он занимался пропагандой среди солдат крепостной артиллерии и матросов. В ноябре 1903 года Грина арестовали и по приговору военно-морского суда осудили на 10 лет ссылки в Восточную Сибирь. Однако последовавший после революции 1905 года царский указ отменил этот приговор. 21 октября 1905 года Грина освободили из тюрьмы, и он уехал в Петербург, где вновь занялся партийной работой под именем Николая Ивановича Мальцева. Работой его руководил известный революционер Н. Быховский («Валериан»).

7 января 1906 года Грина вторично арестовали и выслали в Тобольскую губернию на четыре года. Дойдя по этапу до города Туринска, Грин 11 июля бежал и проделал многоверстный путь из Сибири до Вятки пешком.

В Вятке отец Грина работал бухгалтером городской больницы. Он выкрал для сына паспорт одного из умерших пациентов — Алексея Мальгинова. Под этим именем Грин возвратился в Петербург и занялся литературной работой. Первый напечатанный его рассказ, «В Италию», появился на страницах газеты «Биржевые ведомости» 5(18) декабря 1906 года под тем же псевдонимом.

В 1908 году вышла в свет первая книга рассказов Грина, «Шапка-невидимка», конфискованная царской цензурой.

В ночь на 20 июля 1910 года Грина арестовали в третий раз у него на квартире (6-я линия Васильевского острова, дом 1, кв. 33) и вновь сослали: на этот раз в Архангельскую губернию, в Мезень, а затем в Пинегу.

15 мая 1912 года по ходатайству жены Грина досрочно освободили.

В. СМИРЕНСКИЙ

ИСКАТЕЛИ

На южной окраине рязанской земли лежит, казалось бы, ничем не примечательное село Липяги. Рубленые избы крыты соломой. Во дворах приземистые мазанки.

Но есть в судьбе этого села и чисто свои, липяговские черточки.

Ну хотя бы эта.

После знаменательной победы на поле Куликовом князь Дмитрий Донской возвращался в Москву. Основное войско двигалось на Венев, а обоз с золотом пробирался дорогой на Липяги. Рассказывают, на обоз налетел полк литовского князя Ягелло. Обозники погибли. Но золото удалось спрятать. С тех пор и лежит оно в Денежном логу.

Многие искали тот клад.

Искал его беспокойный дед Андрей. Помолясь, он брал пешню в руки, стучал в сухую землю, воровато прислушиваясь к тревожным степным шорохам.

Искал его и молодой паренек Назарка. У него в руках была уже не пешня, а тракторная лопата.

И вот в наши дни появился в Липягах новый человек. Зовут его Лузянин. Большая жизнь за плечами этого человека. Он когда-то создавал колхозы, прошел Великую Отечественную войну (до сих пор носит осколок в спине). Лузянин оставил свою прежнюю крупную должность в областном центре и приехал в Липяги поднимать колхоз. Его заинтересовала легенда о Денежном. И когда ему сказали, что Назарка на этом месте нашел секиру, Лузянин ответил: «Значит, тут и в самом деле что-то есть!»

Ну вот, еще один искатель появился...

Да, пожалуй, все они, липяговцы, искатели кладов. Только с той разницей, что не все одинаково ищут и не к каждому приходит удача.

Кузнецу Бирдюку выпала счастливая планида. Он нашел то, что искал. Человек решительный, упорный, он добился своего. Не важно, что ему уже не так мало лет, что в прошлом у него жестокая война. Он нашел Аню — удивительно доброе существо, ласковую подругу. Нашел тяжелую, но так необходимую для людей работу сельского механизатора.

Кажется, добыла свой клад и скромная труженица Палага — мать учителя Андрея Васильевича, от имени которого ведется рассказ. Как же! Она вырастила стольких детей, поставила всех их на ноги. Умная, любящая, вся она светится добротой к людям. Хотя к ней-то люди далеко не всегда были справедливы.

Среди липяговцев были и такие, кто стоял близко к цели, а вот, поди ж ты, не дотянулся: жизни не хватило. Это и отец рассказчика Василий, колхозный бригадир, вечно склонявшийся над счетами. Это и агроном колхоза Алексей Иванович Щеглов.

О всех этих искателях с их самобытными характерами и непохожими судьбами рассказал нам писатель Сергей Крутилин в своей по-настоящему талантливой книге.

Михаил ГОДЕНКО

Сергей Крутилин. «Липяги» (из записок сельского учителя). Роман-газета № 15(315), 1964 г.

ВЕСЕЛО О СЕРЬЕЗНОМ

Что такое рыбная ловля? Промысел? Спорт? Развлечение?

Оказывается, и то, и другое, и третье, и еще повод к умному, веселому разговору с читателем. Автор книги «Год рыболова» писатель-юморист М. Семенов задался не совсем обычной целью: сочетать познавательный характер записей рыболова с остроумными отступлениями.

Уже первая фраза книги: «Тот, кто решил считать январь первым месяцем года, явно не учел интересов рыболова»,— вводит читателя в веселую тональность, свойственную всей книге. Но это и очень квалифицированный рассказ об особенностях любительского рыболовства.

Остроумная книга Семенова превосходно иллюстрирована другим Семеновым — художником Иваном Максимовичем. Однофамильцы создали интересное повествование о старинной страсти человека к самоотверженному занятию, именуемому рыбной ловлей.

Сергей ЗВАНЦЕВ

М. Семенов. Год рыболова. «Советская Россия». Москва. 1964.

В редакцию не вернулся...

Небольшая книжка в сером переплете. На обложке красная звезда и силуэт автоматической ручки с пером и штыком. Книга о погибших военных журналистах.

Перелистываю сборник, и вспоминается, как уже во время Отечественной войны, возвращаясь с фронта в редакцию «Красной звезды», в коридоре меня останавливал кто-нибудь из сотрудников и тихо говорил:

— Слышал? Погиб Миша Розенфельд.

— Знаешь, убили Петю Лидова и Сережу Струнникова.

Говорилось это просто и сурово. Да и время было суровое.

Серые от дорожной пыли гимнастерки и худые кирзовые сапоги. Бессонные ночи и полная неизвестность, где сегодня будешь спать и чем питаться. И ко всему этому вечная спешка, боязнь пропустить событие или не успеть передать материал о нем в свою редакцию.

Принято считать, что корреспондент на фронте — единица невоюющая (хотя не раз случалось, что корреспондентам приходилось самим браться за пулемет или автомат), что его дело — только писать или снимать. Поэтому в кругу военных журналистов было не принято говорить об опасности, которой они подвергались, добывая свой материал. Это считалось бахвальством. Рассказывались обычно только какие-нибудь смешные истории. Черной работы не существовало. Каждый делал все, что требовалось в данный момент газете. Крупнейшие писатели не считали для себя зазорным писать заметки в несколько строк или делать подписи под фотографиями.

Аркадий Гайдар, мой первый редактор Василий Бобрышев, Борис Лапин и Захар Хацревин, Петр Олендер, Михаил Калашников, Евгений Петров и многие другие — братья тесной семьи журналистов, участников Отечественной войны, не вернувшиеся с задания. Что заставляло их идти под огонь? Ведь можно и в тылу, со слов участников боя, написать о нем корреспонденцию в свою газету. Можно? Нет, нельзя. Передать состояние солдата в бою можно, лишь полежав рядом с ним в окопе, когда земля вокруг стонет от взрывов.

Военные газетчики летали на бомбежки, высаживались с десантом, ходили с партизанами по тылам врага. Могли они этого не делать? Нет, не могли. Иначе они бы не были советскими журналистами.

Вспоминается сотрудник «Красной звезды» Леня Вилкомир, человек добрейшей души, чрезвычайно застенчивый, писавший тайком стихи. О нем, видимо, будет написано в следующем сборнике. Вилкомир считал, что военный корреспондент должен испытать на войне все — «иначе у меня не будет морального права писать...».

Ходил с пехотой в атаку. Обманным путем устроился пулеметчиком на танк. Танк был подбит и сгорел, а Леня, весь опаленный, вытащил на себе с поля боя убитого командира. Летом 1942 года полетел со штурмовиками бомбить немецкие коммуникации. Самолет, на котором летел Леня, не вернулся.

У меня осталась его записная книжка, на первой странице которой было стихотворение, начинающееся словами:

Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле...

Это был настоящий военный газетчик.

Сборник «В редакцию не вернулся...» — своего рода памятник нашим погибшим товарищам — журналистам, о которых написали их же товарищи по оружию, фронтовые журналисты. Составители его — П. Д. Корзинкин и А. И. Лангфанг — сделали доброе дело.

О. КНОРРИНГ

«В редакцию не вернулся...» Политиздат. Москва. 1964.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ МАККАРТИЗМА

Фельетон

В. НИКОЛАЕВ

В лондонском аэропорту из могучих воздушных лайнеров бережно выгружались изящные контейнеры. На них белели надписи: «Сделано в США», «Осторожно», «Верх», «Не кантовать». Уж не елочные ли подарки прислали догадливые благодетели в самый канун рождества? Увы, нет! Это наивное предположение опровергалось уже одним серьезным видом американцев, сопровождавших ценный груз. Лежала на их челе этакая печать учености и глубокомыслия.

Прямо с аэродрома американцы направились на деловую встречу с не менее ученого вида англичанами. С пространным сообщением выступил глава особой американской миссии мистер Джеймс Эдлер, седовласый мужчина внушительных габаритов. Он сообщил собравшейся аудитории, что привез первую партию детекторов лжи для английских фирм.

Забегая вперед, скажем, что это известие отнюдь не обрадовало простых англичан. В отличие от них, неблагодарных, мы спешим выразить свою признательность мистеру Джеймсу Эдлеру. Не за то, что он одарил англичан детекторами лжи. Мы благодарим его за плодотворное соавторство, ибо далее будем в нашем фельетоне обильно цитировать его высказывания со стенографической точностью.

«О детекторах лжи,— вещал он,— в Англии неправильное представление. Они служат для того, чтобы знать, кому можно доверять».

Кто же должен доверять и кому? Кто должен проверять и кого? Без тени смущения Эдлер прямо объявляет, кому будет служить его аппаратура. Одна из основных задач детекторов лжи — «оценка служащих». Орудие власть имущих против бесправных.

«Детекторы лжи,— свидетельствует Эдлер,— широко распространены в Америке при проверке служащих в военных учреждениях, на авиалиниях, в промышленности и полиции. Применение их стало вообще обычным при оформлении служащих на работу».

Тех, кому в Англии предстоит осваивать новую аппаратуру, Эдлер предупреждает и о трудностях. С болью душевной он признается в том, что многие американцы стараются «обмануть детектор лжи». «Есть люди,— сетует Эдлер,— которые перед проверкой на детекторе лжи принимают по шесть таблеток аспирина и к тому же выпивают несколько бутылок кока-колы. В таких случаях мы никак не можем привести их в нормальное состояние и проверить их». А от этого «состояния» и зависит, по словам Эдлера, эффективность хитроумной машины, действие которой основано на регистрации частоты пульса, частоты дыхания и количества потоотделения.

Пожаловавшись на подобных ловкачей, Эдлер указывает и на другую опасность на пути внедрения и использования детекторов лжи. Это всевозможные медицинские препараты, успокаивающие нервную систему. По его словам, они «стали в США необходимы почти как хлеб насущный» (не оттого ли, что американцев затравили детекторами лжи?). Так, сам того не желая, Эдлер бросает тень на американский образ жизни, который он представляет и внедряет в Англии.

Далее мистер Эдлер проинструктировал собравшихся, посвятил их во все тонкости обхождения не только с необычной машиной, но и с испытуемым ею человеком. Главное — забота о нем, о человеке! Эдлер гордо заявляет:

«Мы действуем в тихой комнате, сажаем испытуемого в специальное кресло и добиваемся установления приятной, непринужденной атмосферы. Мы называем эту стадию проверки периодом знакомства. Оператор всегда говорит монотонно. Нейтральные вопросы (например: «Носите ли вы ботинки?») чередуются с опасными: «Есть ли у вас судимость?»

Мистер Эдлер предупреждает, что ни оператора, ни испытуемого ничто не должно отвлекать. Вот пример из американской практики: испытуемый увидел из окна полицейского участка девицу, загоравшую на крыше, и тут же детектор лжи словно взбесился. В заключение Эдлер выразил надежду, что «через несколько лет подобная техника будет так же широко распространена в Англии, как и в Соединенных Штатах». Печать сообщает, что детекторы лжи уже устанавливаются в Лондоне, Бирмингеме, Манчестере и Глазго. Мистер Эдлер пока умолчал, собирается ли он и его коллеги проверять с помощью детектора лжи англичан на лояльность по отношению к американскому образу жизни вообще и к эдлерам, в частности, к американским агрессивным планам и военным базам. Но ясно одно: в детекторе лжи, словно в троянском коне, пытается пробраться в Англию американский маккартизм.

Загадка, проблема, открытие, факт

Судно-самосвал

Можно ли за 35—40 секунд высыпать на дно водоема 500 тонн камня, не сооружая эстакады, не применяя самосвалы и т. п.?

Еще несколько лет тому назад специалисты ответили бы на этот вопрос отрицательно. Но вот на строительстве высотной Асуанской плотины в ОАР впервые были использованы в крупных масштабах саморазгружающиеся баржи грузоподъемностью в 500 тонн. Их авторы — советские инженеры Ф. А. Березюк и С. А. Подковкин. Баржи построены на Волгоградском судостроительном заводе. Основная их особенность в том, что они с помощью гидравлического устройства опрокидываются в намеченном месте, сбрасывая за один прием весь свой груз. Баржу обслуживает всего один человек, который находится на борту буксирующего катера.

У судна-самосвала есть и еще ряд ценных качеств, делающих его эксплуатацию исключительно удобной и рентабельной. Главное — неприхотливость к условиям погрузки. В баржу можно сбрасывать восьмитонные глыбы камня с высоты в 5—6 метров. Специальная водяная подушка надежно защищает дно и стенки трюма от ударов.

По производительности новая саморазгружающаяся баржа значительно превосходит показатели своих советских и зарубежных собратьев.

Е. МОЛЬКОВ, («Лицензинторг»)

Редкий снимок

Однажды поздно вечером во время большой грозы мы установили на штативе у окна фотоаппарат «Москва-3». Хотелось сфотографировать атмосферные разряды. И действительно, как раз в тот момент, когда открыли затвор, возникла вспышка, целый веер молний.

Когда проявили пленку, то увидели, что молниеводом разряда был шпиль высотного здания МГУ на Ленинских горах.

Е. ПУСТОВАЛОВ, ученый секретарь ВНИИ транспортного строительства, **Г. ПУСТОВАЛОВ,** доцент МГУ

Необычайное переливание

Томас Мак Кофри из Лондона — единственный в мире человек, которому сделано переливание крови в утробе матери.

У его матери Елены Мак Кофри сразу же после родов умерло двое детей от какой-то неизвестной болезни крови. Чтобы спасти третьего ребенка, врачи решили сделать ему переливание еще до рождения. К настоящему времени маленькому Томасу уже четыре раза переливали кровь, и он развивается как вполне нормальный ребенок.

Удобрение воздуха

Растения получают строительный материал для роста и развития не только из почвы, но и из воздуха. Может быть, стоит удобрять воздух? Такой вопрос поставили перед собой венгерские ученые.

Они искусственно увеличили содержание углекислого газа в парниках до 1% (обыкновенно в воздухе его около 0,03%). Результат был поразительный. Урожай помидоров, огурцов и раннего картофеля увеличился в среднем в два раза, редиса, моркови и салата — в шесть раз.

Сколько рыбы в море?

Как установить запас рыбы в районе промысла? Как подсчитать, сколько сельди, например, на Банке Джорджес? Это далеко не праздные вопросы. Если бы знать все это, можно было бы увеличить вылов рыбы, исключить бесполезный прогон траулеров в бесперспективные районы.

Взять хотя бы ту же Банку Джорджес, расположенную в двухстах милях от Северо-Американского побережья. В страдную пору промысла здесь работает не одна сотня траулеров из Мурманска, Риги, Таллина, Калининграда. Десятки современных быстроходных рефрижераторов доставляют сельдь на рыбоконсервные комбинаты. И вдруг рыба пропала. Одни говорят: истощились запасы, другие винят погоду, а третьи все сваливают на полнолуние. Не всегда помогает опыт и интуиция капитанов. Рыбы нет.

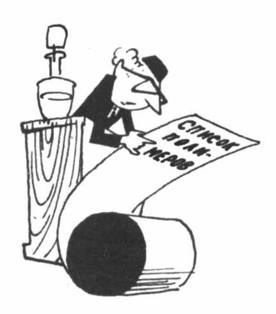
Можно ли добиться научно обоснованных прогнозов, чтобы давать промысловикам дельные советы?

Недавно из очередного научно-поискового рейса в Калининград возвратился траулер-рефрижератор «Осташков», на борту которого находилась группа сотрудников АтлантНИРО—Атлантического научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии.

Молодые ученые обнаружили на северных свалах Банки Джорджес нерестилище сельди, точно установили сроки нереста, произвели учет отложений икры, что дает возможность определить количество сельди, принимавшей участие в нересте, а также рассчитать изменение ее числа. Исследования показали, что на площади сорок квадратных километров дно на этом участке моря покрыто слоем икры толщиной до 4 сантиметров.

Даже по весьма приблизительным подсчетам, ученые на этот год обещают рыбакам на Банке Джорджес высокие уловы.

В. СОЛНЦЕВ

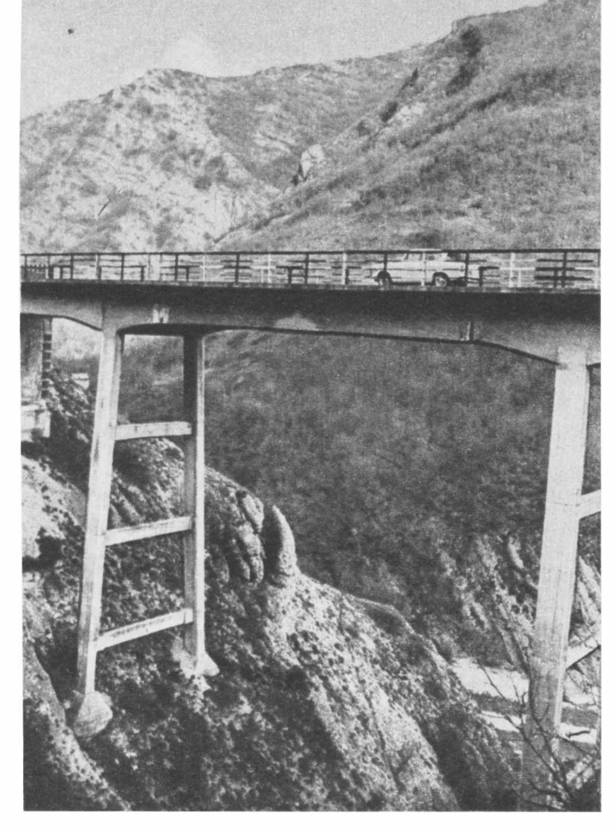
Как в небе звезд

Сколько существует полимеров на свете? Даже самый эрудированный специалист-химик вряд ли взялся бы ответить на этот вопрос. С 1833 года, когда была осуществлена первая реакция полиэтерификации, высокомолекулярных соединений расплодилось великое множество. Сейчас каждый год рождается 50 тысяч полимеров. Это значит, примерно 150 полимеров в сутки. Или еще нагляднее: каждые 10 минут появляется на свет новый полимер!

Эту любопытную арифметику огласил в начале своего доклада член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Коршак на XV конференции по высокомолекулярным соединениям. Конференция была посвящена получению химически новых полимерных веществ. Возникают они по самым разнообразным способам и методам. Чтоб только упомянуть названия важнейших из них, докладчику понадобилось довольно много времени.

Поражает география исследований по синтезу полимеров. Где только они не ведутся — в Тбилиси, и в Ереване, и Минске, Владимире и Душанбе. Полимеры получают сейчас в угольном Донецке и текстильном Иванове, в металлургическом Нижнем Тагиле и нефтяном Гурьеве и еще по крайней мере в 20 городах Советского Союза, представители которых докладывали о своих достижениях в Московском университете.

Г. ВЛАДИМИРОВА

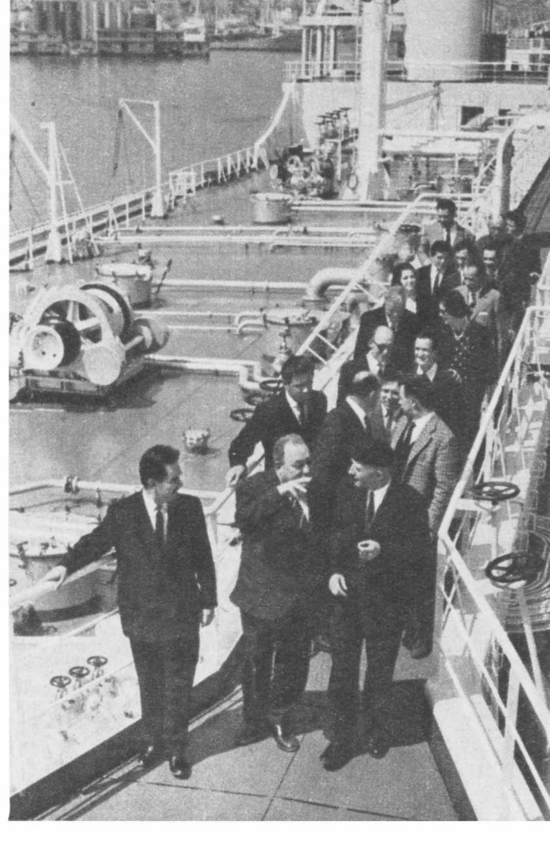

Мост в Канталупо, где сражался Федор Полетаев.

Здесь он погиб.

Имя отважного партизана носит и танкер, построенный по заказу СССР на итальянской верфи «Ансальдо». Недавно на этом танкере побывали соратники Полетаева по борьбе с фашизмом.

БЕССМЕРТНЫЙ РУССКИЙ ГЕРОЙ

М. МАРЦУЛЛО, итальянский журналист

Фото Я. Халипа.

В горах Лигурии, недалеко от Генуи, дорогу, ведущую из Канталупо в Роккетту, пересекает горный поток Борбера. Над потоком небольшой каменный мост. И хотя с той поры минуло уже двадцать лет, камни моста хранят следы пуль. Это следы боя, в который вступили партизаны-гарибальдийцы из отряда «Нино Франки» бригады «Оресте» против колонны гитлеровских войск. Быть может, это следы тех пуль, под которыми пал Федор Андрианович Полетаев, единственный иностранец, награжденный высшим орденом Италии — Золотой военной медалью.

2 февраля 1945 года, когда разыгралось сражение при Канталупо, на дорогах, как и теперь, лежал снег. Вот обрыв, с которого прыгнул Федор, чтобы вступить один на один в бой с полсотней немцев. Сегодня, верные памяти героя, об этом вспоминают партизаны Лигурии, крестьяне из Канталупо.

Здесь побывали вдова героя Мария Никаноровна и дети Валентина и Михаил.

Мэр Генуи Пертузио сопровождал их на кладбище. Там их ожидали представители движения Сопротивления. Они прошли по огромному мемориальному кладбищу к месту, где похоронены партизаны, павшие в боях около Генуи.

На могильной плите Полетаева надпись: «Федор Андрианович Полетаев»,— а чуть ниже, в скобках, только имя, которое было известно его товарищам по борьбе: «Федор». Еще чуть ниже строка, которой нет ни на одной могильной плите партизана-иностранца: «Золотая медаль». И, наконец, внизу дата смерти: «Канталупо, Лигурия, 2 февраля 1945 года».

20 лет спустя Италия свято хранит память о русском герое.

ПО ЛЮДОЕДСКИМ ЗАПОВЕДЯМ

«Наша задача в области идеологии та же, что и у министерства обороны в области вооружений: создать новую сильную армию».

«Вы говорите об искусстве,— это глупо. Нам нужна хорошо оснащенная армия».

Первое высказывание принадлежит Геббельсу, второе — нынешнему министру обороны ФРГ фон Хасселю.

Недавно немецкие журналисты Хаак и Кесслер написали книгу «Политика против культуры». В ней, в частности, дан анализ современного западногерманского киноискусства. Авторы показывают, что подавляющее большинство нынешних западногерманских фильмов служит психологической подготовке к новой войне. Это в первую очередь картины о нацистском прошлом Германии, призванные реабилитировать военщину, свалить всю вину за ее преступления на одного Гитлера. Только до конца 1963 года на экранах ФРГ демонстрировалось 737 милитаристских фильмов, которые служат «возрождению германской солдатской чести», прославляют «подвиги» вермахта во второй мировой войне. К их числу относятся такие фильмы, как «Любимец богов», «Штрафной батальон 999», «08/15» и многие другие. Типичен фильм «По обе стороны шоссе», его герои — «оппозиционно» настроенные к Гитлеру генералы. В фильме «Разорванные цепи» делается попытка показать «порядочного» нацистского офицера. Он даже помогает бежать из лагеря группе военнопленных!

Если учесть, что западногерманские кинотеатры ежедневно посещают 2 миллиона человек, из которых примерно половина молодежь, то можно представить себе, какие опасные размеры приняла в ФРГ милитаристская пропаганда.

Аналогичная пропаганда ведется и в учебных заведениях. Вот, например, какие учебные фильмы показываются в младших классах западногерманских школ: «Бундесвер в 1958 году», «Манящее море» (восхваление военно-морского флота ФРГ), «Мы защищаем свободу» (из жизни офицеров), «Человек и техника в бундесвере», «Осенние маневры» и многие другие. Эти фильмы входят в ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ программу.

Немногие прогрессивные кинорежиссеры, как, например, Вольфганг Штаудте, осмелившийся дать правдивую картину настоящего и прошлого Германии, подвергаются в ФРГ яростным нападкам реакционной прессы. Их картины бойкотируют. Известно, каких трудностей стоило Штаудте показать свой последний фильм «Мужской пикник».

«Нам необходимо вооружаться! На службу этой единственно великой цели должно быть поставлено все: от детской книжки до последней газеты, искусство театра и кино» — так написано в библии фашизма «Майн кампф». Эта гитлеровская заповедь отнюдь не предана забвению в ФРГ.

Ф. РУМЯНЦЕВ

И. МЕСХИ

Встречи в Голландии

Можно говорить, что Голландия — это Рембрандт или Франс Гальс, что Голландия — радиотехническая аппаратура Филиппса или что Голландия — делфтский фаянс и лучшие в мире тюльпаны.

Но Голландия — это и Роттердам, где еще можно увидеть следы фашистских бомб и где на площади стоит памятник «Опустошенный город», или «Ужасы войны». И мы помним: в то время мы были вместе.

Русское кладбище

Амерсфорт — ничем не примечательный город провинции Утрехт. Старинный, как и многие в Голландии. Маленький, как и многие в Голландии. Поэтому туристские маршруты его обходят. Но я еду туда с букетами цветов, потому что там, в Амерсфорте, на кладбище лежат наши люди.

Было это в начале 1942 года, зимой. В Амерсфорте стояли немцы. Они хозяйничали здесь уже больше года. Дела их на Восточном фронте шли в эту пору успешно. Им хотелось показать голландцам, кому собираются они принести свет своей цивилизации. Они взяли группу русских пленных и медленно, так, чтоб можно было все хорошо рассмотреть, прогнали их по улицам города.

Люди были действительно уже не похожи на людей: одеты в страшные лохмотья, сквозь дыры торчали кости, обтянутые кожей. Заросшие, давно не мытые, голодные, еле передвигающие ноги, они прошли по Амерсфорту, как призраки, и исчезли за колючей проволокой концлагеря.

Через несколько дней нелегальная газета «Орание курант» писала:

«Из ста русских в концлагере Амерсфорт только пятеро еще работают. 27 мертвы. Охранники при транспортировке хватают их, как мешки, и выбрасывают в снег. Еды в лагере достаточно. Однако для охранников. Праздничным обедом для других обитателей служат картофельные очистки или протухшие утиные головы...»

Газета рассказывала о бесчеловечном отношении к русским, об издевательствах и пытках, чинимых в лагере оккупантами. Амерсфорт был большим пересыльным пунктом, стоянкой перед смертным часом. Для некоторых он, этот час, наступал уже здесь. Других перегоняли в Германию и Польшу, в хорошо организованные фабрики умерщвления людей. Через Амерсфортский лагерь прошли 35 тысяч человек.

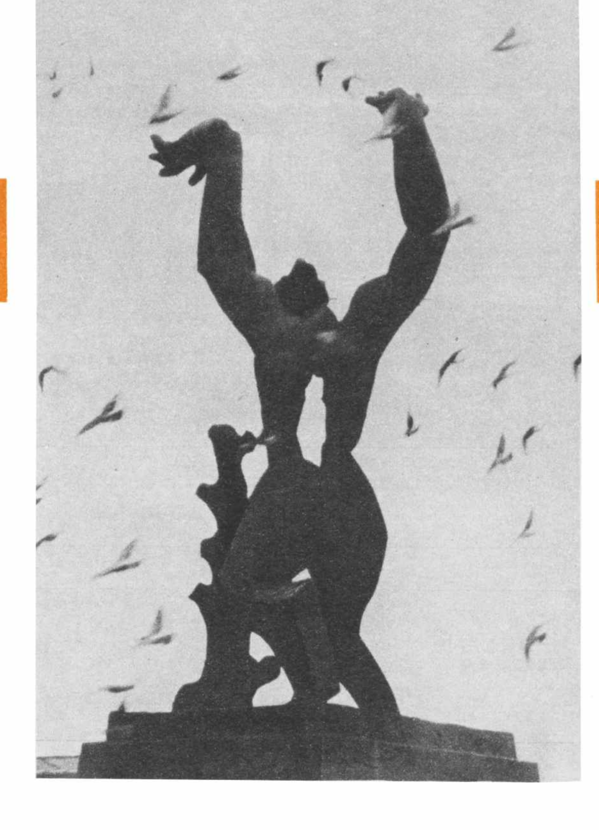

Памятник «Опустошенный город», или «Ужасы войны» в центре Роттердама.

Фото Мих. Курилко.

Я еду в Амерсфорт на кладбище Рюстхоф, где два гектара голландской земли стали последним прибежищем для наших товарищей.

Смотритель кладбища Эйверт Янсен рассказал, что его друг, лесник Херикхойзен, скончавшийся несколько лет назад, подсмотрел, как однажды немецкие солдаты вывели русских в лес. Они были босые. Их заставили копать яму. А потом у ямы расстреляли всех. Он, Херикхойзен, и помог после войны найти место, где это произошло.

Янсен рассказывает: этих людей и похоронили на Рюстхофе. И с ними еще пятнадцать советских граждан, убитых немцами в Бевервейке. Во время похорон пришло очень много горожан и жителей близлежащих ферм. Гробы, покрытые советскими флагами, установили в часовне. Солдаты голландской армии несли почетный караул. Спустя три года после окончания войны здесь было открыто Русское кладбище.

Еще прошли годы. Советское правительство установило на Русском кладбище надгробия, а на месте расстрела в лесу — обелиск.

И вот оно, кладбище, огороженное низкой стеной из голландского темно-сиреневого кирпича. Плиты, плиты и плиты... 863 плиты... На одних — фамилии: Романов Сергей, Сиволодский Михаил, Петросян Койрут, Нестеренко Трофим, Чинарашвили Алихан, Громов Иван, Хасанов Хусейн, Подопригора Федор, Кулик Андрей, Мумладзе Ираклий, Насирджанов Байдулла...

На очень многих плитах надпись: «Неизвестный советский воин». В списках, хранящихся в советском посольстве, о некоторых сказано чуть подробнее. Например: «Неизвестный солдат из Махачкалы» или: «Неизвестная советская девушка. Подорвалась на мине во время рытья противотанковых рвов»...

Смотритель Янсен спрашивает, интересует ли нас место расстрела голландских патриотов. Вот оно, неподалеку, за фермой. Едем туда.

Густой лес, и в нем глубокий ров, почти с километр длиной. Этот ров выкопали заключенные в лагере голландцы. Когда «работа» была закончена, их всех вывели сюда — больше тысячи человек! — и уничтожили.

Теперь и они лежат на кладбище Рюстхоф. А здесь в конце рва на постаменте стоит большая скульптура, исполненная Фридом Сигером. Она изображает узника. Человек в кломпах (голландских деревянных башмаках) и рыбацкой куртке, распахнутой на груди, сжал в порыве гнева кулаки. Лицо у него изможденное, глаза ввалились. Кажется, что он говорит, нет, не говорит — кричит:

«Не забудьте!»

Оудлейзденский лес. И в нем — два памятных места, дорогих для народов Голландии и Советской страны.

Не будем об этом забывать.

Есть в Голландии остров...

Есть в Голландии остров — красивейший из Западно-Фризских островов. Века и века дышало здесь все миром и покоем, века и века толкались волны Северного моря в бока серых песчаных дюн. И жить бы ему, этому острову, в безмятежности...

Впрочем, расскажу все по порядку.

Однажды вечером в вестибюле Амстердамского отеля меня ждала записка: «Гражданка Месхи! Я голландец и пришел сюда встретить Вас...» Дождь лил как из ведра. Портье сказал, что человек этот еще не ушел, вот он стоит у выхода и решает проблему: мокнуть ему или нет? И мы познакомились.

Кристиан, высокий, худощавый, с живыми, добрыми глазами, узнал, что я разыскиваю тех, кто во время войны работал с военнопленными грузинами. Сам он, Кристиан, не знал их, потому что всю войну провел в немецких концентрационных лагерях. Но у него есть друг, который может мне быть полезен. Он живет в другом городе, недалеко от Амстердама, и, если мне очень нужно, Кристиан готов меня прово-

32-километровая барьерная дамба, отгородившая залив Зейдер-Зе от Северного моря

дить к нему. Завтра, после работы.

На следующий вечер мы ехали в междугородном автобусе в Гарлем. Гарлем — большой промышленный центр с пригородами Арденхаут, Хемстеде и курортным местечком Зандворт. Здесь, на самом берегу моря, в Зандворте, в сырых и темных бункерах стоял так называемый «грузинский батальон».

Как это случилось?

Силой, угрозами, обманом, а главным образом пользуясь состоянием людей, доведенных в лагерях до полного истощения, Гитлер загнал их в различные национальные формирования. Какое-то количество грузин было собрано в маленьком польском местечке под видом части, выполняющей рабочие функции. Сначала людей привели в человеческий вид, подкормили, одели. Потом один батальон вооружили и бросили на Восточный фронт. В первую же ночь он перешел линию фронта и соединился с частями Советской Армии. Больше попыток привлечь грузин к военным операциям не повторялось. Их отправили поглубже в тыл, во Францию, часть оставили (позже все разбежались в леса, в маки), а часть погнали в оккупированную Голландию. Здесь, в районе Гарлема, они стали строить военные укрепления и нести службу береговой охраны.

Длинноногий Кристиан быстро шагает по улице, дома которой похожи на вылепленные пчелами соты. Каждый маленький дом плотно лепится к другому в одну сплошную цепь — ячейка к ячейке. В каждой ячейке внизу длинное, как витрина, окно и два маленьких под двускатной крышей вверху.

— Здравствуйте! Проходите!..

Нас ждали. Взволнованные лица. С трудом выговариваемая русская речь...

Голландский рабочий Пит Форин в тридцатых годах был в качестве специалиста приглашен в Советский Союз на один из харьковских заводов. Он жил там несколько лет вместе со своей женой Анни. В Харькове у них родилась дочь. Сейчас Пит работает токарем на заводе, который строит самые большие краны для морских портов. Он коммунист.

Итак, что здесь было во время войны? С первых же дней войны (немцы вошли в Голландию в мае 1940 года) на заседании ЦК Компартии Нидерландов было сформировано нелегальное руководство ЦК, и Пита Форина назначили инструктором Центрального Комитета. Разумеется, ему пришлось немедленно исчезнуть с завода, где его хорошо знали. Он жил по фальшивым документам, изменил свою внешность (вот фотографии тех лет, в очках), переходил из одного города в другой. У него была большая зона инструкторской деятельности, но чаще, чем где-либо, он бывал в своем Гарлеме. Здесь ему помогала жена.

Анни тоже пряталась, жила на разных квартирах. Она и наладила первая связь с грузинами.

Они появились в окрестностях Гарлема осенью 1943 года. «Люди советские, а служат оккупантам?.. Не может быть!» — решила Анни. И как-то в воскресный вечер, когда грузин выпускали из запретной зоны, она подошла к двум и сказала им по-русски:

— Здрав-ствуй-те...

Как они удивились! Анни еще сказала что-то, медленно подбирая слова. Они ответили. Теперь уже нужен был Пит. Он ждал в другом пригороде, на конспиративной квартире. Анни повела их туда.

Не сразу, не вдруг, долго прощупывая друг друга, Пит и эти двое нашли общий язык. А уже найдя его, дружно стали работать. В Арденхауте нашли место, густо поросшее кустарником, и устроили там тайник. Люди Пита закладывали туда листовки голландских коммунистов, написанные на немецком языке. В батальоне их читали и сдавали немецкому командованию. Мол, подобрали на дюнах, наверно, кто-то с самолета разбросал.

Грузин звали Валя и Кирилл. Валя до войны был ветеринарным врачом, на фронте — политработником. А Кирилл — парнишка из села около Кутаиси. Больше Пит и Анни не знали о них ничего и не узнали. Вскоре после Нового года Валя и Кирилл исчезли.

С 1943 года секретарем Гарлемского подпольного райкома партии стала молодая коммунистка из Амстердама Анни с партийным псевдонимом Клейн. Через некоторое время она сообщила Питу, что связь с грузинами снова налаживается.

На этот раз встреча состоялась в ресторане. Внизу кутили немецкие офицеры, а на верхнем этаже Пит и две Анни ждали слесаря ван Лемерена, члена организации «Патриот», который должен был привести новых товарищей.

Лемерен привел Николая Микиашвили. И вновь наладилась активная передача листовок, оружия, денег, офицерских форм, похищаемых со складов. Лемерен работал на водонапорной станции в районе дюн, имел пропуск в запретную зону и вывозил оттуда мины. Анни Форин, нагружая свой велосипед тяжестями из тайника, перетаскивала все это в надежные места.

Теперь уже в батальоне была организована нелегальная партийная группа. Командиром партизанского отряда стал бывший лейтенант авиации Шалва Лоладзе, комиссаром — Серго Гуджабидзе, работавший до войны в Батумском райкоме партии. Анни Клейн помогла товарищам наладить выпуск нелегальной газеты «Элва» («Молния») на грузинском языке. Газету писали на восковке и печатали в Гарлеме — там же, где печаталась нелегальная коммунистическая «Де Ваархейд». Осенью 1944 года грузины начали активно ставить перед Гарлемской партийной организацией вопрос о вооруженном восстании...

Мне удалось повидаться с Анни Клейн, настоящая фамилия которой Аверинк. Я так и представляла ее себе: высокая, широкоплечая, большеглазая женщина, очень просто одетая, не любящая попусту тратить слов. Всю юность (с двенадцати лет!) работала на фабриках. Партия поручала ей организовывать побеги из концлагерей. Уже будучи секретарем подпольного райкома, специально брала уроки языка у русского священника в Гарлеме, чтоб говорить с друзьями на понятном им языке. Сейчас она депутат верхней палаты Генеральных Штатов Нидерландов, член ЦК Компартии, секретарь женского движения. Мать троих детей.

— Да, они настаивали на вооруженной акции еще в сентябре 1944 года,— рассказывает Аверинк,— я хорошо помню, мы встретились в Арденхауте в присутствии руководителя Северных групп Сопротивления. Совет Сопротивления не поддержал эту просьбу, считая, что в то время и в тех условиях это выглядело бы авантюрой и заведомо кончилось бы плохо. Мы попросили товарищей разминировать на морском берегу территорию для беспрепятственной высадки союзных войск и добыть военные карты. Они все это сделали. Но... союзники не торопились.

Последняя встреча произошла перед отправкой батальона на остров Тексел.

Остров Тексел, остров Тексел... Вообще-то это была мышеловка. Немцы чуяли: в батальоне неладно. Десятки грузин были уже отправлены из батальона в концлагеря. Симпатии населения к этим людям были очевидны. Надо было изолировать батальон, но так, чтоб он был под контролем. До Тексела доставал огонь дальнобойных орудий военно-морской базы Ден Хелдер.

Об отправке на остров руководителям подполья сообщила Анни Клейн. И тогда Шалва Лоладзе сказал, что на Текселе они возьмутся за оружие, даже если не удастся установить контакт с материком.

Батальон покинул Зандворт. Что же там происходит? Анни беспокоило, что прекратился выпуск «Элвы». Узнав, что на одной старой мельнице скрывается бежавший из плена русский, она бросилась туда, за семьдесят километров, на велосипеде, привезла, спрятала у надежных людей. Это был Герман Бауман, который сейчас живет на Украине и работает учителем истории в школе. Он был редактором маленькой нелегальной «Правды» на русском языке. Сам писал, печатал, а Анни переправляла газету на остров.

Восстание началось в ночь на 6 апреля.

Как только в Гарлем донеслась весть о восстании, коммунисты потребовали от Совета Сопротивления послать телеграммы союзному командованию с просьбой помочь Текселу. Ответов не было.

Анни написала обращение к солдатам, матросам и офицерам немецкого гарнизона Ден Хелдера, обстреливающего остров. Одна из боевых групп Сопротивления пустила под откос поезд, который вез подкрепление в Ден Хелдер...

Война кончилась. Германия подписала капитуляцию, а на маленьком острове еще одиннадцать дней лилась кровь восставших. Только 16 мая на Текселе высадились канадцы.

Житель Тексела, очевидец событий, писатель Ван дер Флис написал книгу «Трагедия Тексела». В ней с документальной точностью показано восстание с первого до последнего дня. Книга переиздавалась в Голландии пять раз.

На кладбище острова Тексел 470 советских граждан — участников грузинского восстания. Здесь покоится прах командира Шалвы Лоладзе, комиссара Серго Гуджабидзе и многих других героев. Кладбище и гранитный монумент сооружены за счет местных властей и жителей острова.

Ежегодно в мае, в день памяти жертв второй мировой войны, участники церемониального шествия (жители острова и приезжие) собираются на Хрунеплац. В 19.30 начинают звонить колокола, и все отправляются к монументу. После обхода колокола смолкают, и проходит две минуты тишины. Раздаются звуки фанфар. Следует возложение цветов и венков.

...Идут годы. Уже можно сказать — десятилетия. Над островом кружатся птицы. Плещут волны. Воздух напоен благоуханием цветов. Но как-то тревожно, как-то смутно на душе. Жжет сердце маленькая газетная вырезка, сообщение из Гааги.

«На голландском острове Тексел в Северном море будут испытываться западногерманские ракеты,— сообщает газета «Де Ваархейд».— Редакция газеты задала вопрос директору лаборатории, которая будет проводить запуск ракет: имеют ли эти эксперименты военный характер? На этот вопрос директор лаборатории ответил, что «эксперименты в области воздухоплавания всегда имеют значение как для гражданской, так и для военной авиации»...

Воскресенье. Крестьянки селения Стапхорс возвращаются из церкви.

ТАЙНА УКРАДЕННОГО ЧЕМОДАНА

Юрий Колесников, слесарь автомобильного завода, в вагон электрички вошел первый.

Потом начали появляться пассажиры. Входили молодые рабочие — ехали из общежития к утренней смене. Торопливо вбежал мужчина с чемоданом, грузно рухнул на диван, сбросил с головы цигейковую шапку-кубанку. Видно, спешил. Затем достал портсигар, вынул папиросу и вышел в тамбур.

Недалеко от Юрия поднялся какой-то парень в черной телогрейке. Пробрался к двери, выглянул в тамбур. Потом вернулся, взял чемодан, оставленный мужчиной в кубанке, и направился к противоположному выходу. Юрий заметил кражу. А парень уже бежит по платформе в сторону вагонного парка.

Что делать? Колесников кинулся в тамбур, чтобы сказать о краже хозяину чемодана. Но там его не было. Не было его и на платформе. Юрий соскочил с поезда, влетел в милицию.

— Бегом за мной, украли! — закричал Колесников и выскочил на улицу. Следом за ним выбежал старшина Баландин.

В вагонном парке они зашли в блокпост. Там человека в телогрейке с чемоданом не видели.

Баландин и Колесников пошли по пустому пассажирскому пригородному поезду. В вагонах было темно и пусто, только в пятом вагоне сидел один человек. Старшина подошел к нему поближе, оглядел незнакомца. Да, это был парень в черной телогрейке, у ног его стоял чемодан.

— Что вы тут делаете? — спросил Баландин.

— В вокзал не пускают. Говорят, у тебя билета нет. Вот и решил подремать малость. Если нельзя, гражданин начальник, я уйду отсюда.

Слова «гражданин начальник» выдали парня. Старшина понял, что этот человек побывал в заключении, и решил произвести поверхностный обыск.

— Ключи от чемодана есть? — спросил старшина.

— Нет. Он без замка,— ответил парень.

Чемодан был самодельный, из фанеры, выкрашенный в темный цвет и перевязанный бечевкой.

— Вы откуда приехали?

— Из Моршанска!

— А где документы?

— На прописке!

— Придется пройти с нами в отделение милиции,— предложил старшина.

— Долго держать будете?

— Нет. Проверим.

В отделении капитан милиции Манзоров спросил задержанного:

— Чемодан ваш?

— А чей же!

— Что в нем находится?

— Да разное барахло.

— А точнее?

Парень начал перечислять: брюки, рубашки, белье... мелочь всякая. Капитан дал парню лист бумаги.

— Опишите вещи.

— Не буду. Я не помню, что там мне сестра положила...

— Пишите, что помните,— сказал капитан.

Назвавший себя Мурыкиным нехотя взялся за авторучку. Писал много.

— Теперь откройте чемодан,— приказал Манзоров.

Парень нерешительно взялся за бечевку. Его лицо то бледнело, то заливалось кумачом. Руки его заметно дрожали. Потом чертыхнулся и отказался развязывать бечевку. Не вытерпев, Юрий Колесников схватил его за рукав.

— Воровать умеешь, а отвечать боишься? Я еще в вагоне заметил, как ты этот чемодан схватил.

Парень сразу сник.

— Ваша взяла. Попутали, в общем.

И теперь сам, лишь из любопытства, начал развязывать чемодан.

Сверху лежала скомканная окровавленная мужская рубашка, под ней — пиджак, брюки в крови. Мурыкин опрокинул чемодан, вывалил из него все содержимое на пол, и все увидели охотничий нож.

На какой-то момент в комнате воцарилась тишина. Содержимое чемодана явно говорило о тяжком преступлении. Мурыкин завопил:

— Я не убийца, гражданин начальник, я вор, пощадите меня!

Капитан немедленно доложил о свершившемся в Управление милиции железной дороги. А через полчаса в отделении зазвонил телефон — ревизоры поезда сообщили, что в одном из вагонов обнаружен мешок с изуродованным расчлененным трупом.

Картина стала немного проясняться. Убийца, чтобы замести следы, увез труп с места преступ-

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

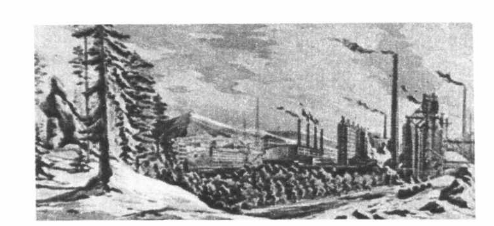
СЛЕТ БЛИЗНЕЦОВ

На одном торжестве в Лондоне присутствовало шесть групп близнецов-четверок, рожденных в Англии.

НОВЫЙ ВИД СПОРТА

В США придуман новый вид спорта — состязания на автомобилях в трясине. Подобные соревнования нередко кончаются тем, что машины тонут.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИНКРУСТАЦИЯ

Анатолий Артемьевич Лобзов, свердловский художник-любитель, занимающийся инкрустацией по дереву, недавно закончил новую работу. Картина называется «Урал социалистический». Глядишь на величественный пейзаж с заводами и новостройками близ могучего уральского леса и не веришь, что все это выложено из кусочков дерева. Их много — больше двух тысяч; каждый имеет свой цвет, тон и рисунок. Художник остроумно использовал красное и лимонное дерево, яблоню, грушу, орех, клен, березу, ясень, бук.

Н. РОМАНОВ
Фото автора.

Свердловск.

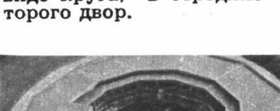

ДОБРОДУШНЫЕ КРОКОДИЛЫ

В северной части Австралии, в бассейне реки Робинсон, живут крокодилы, отличающиеся очень кротким нравом. Местные жители спокойно купаются вместе с ними, а ребята даже взбираются на их спины. Старожилы объясняют это тем, что на крокодилов никто не охотится. Ребята даже подкармливают животных.

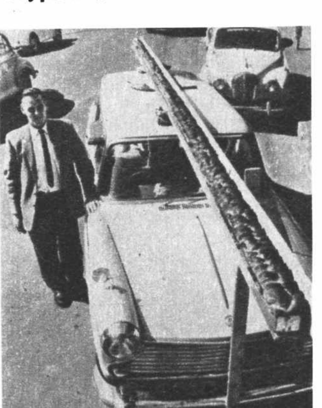
ШКОЛА-КРУГ

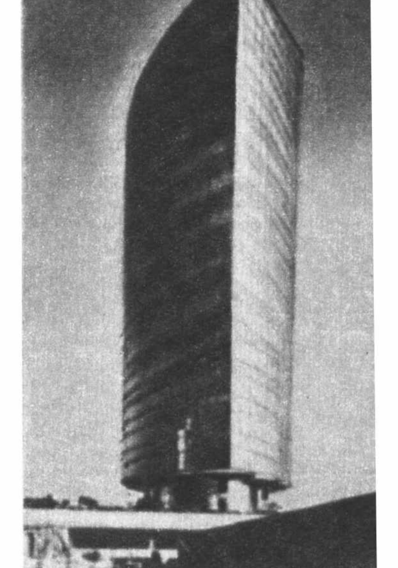
Во Франции, в общине Зарсель, построена школа в виде круга, в середине которого двор.

ИСКУССТВО ПЕКАРЯ

Булочник Р. Джильберт, проживающий в Новой Зеландии, оказался победителем необычного конкурса по выпечке самого длинного хлеба. Хлеб получился длиной более четырех метров. Произведение пекарского искусства было выставлено в витрине магазина в городе Тауранга.

КОРАБЛЬ НА СУШЕ

Перед вами на снимке проект необычного дома. По форме он похож на корпус корабля. Такой дом-корабль высотою в 27 этажей будет построен в американском городе Хартфорде.

ления и оставил его в электричке. Одежду он, видимо, на себе сменил, а ту, по которой могли уличить его, вместе с оружием также оставил в другом поезде.

В линейное отделение милиции прибыли работники Управления милиции дороги и следователь прокуратуры. Приступили к разработке плана розыска: опросить железнодорожников, объехать соседние населенные пункты, лесничества, в отделения милиции разослать словесный портрет разыскиваемого преступника.

Оперуполномоченный Колосков встретился с проводниками электропоезда, в котором украли чемодан.

Никто из них мужчину в кубанке, о котором говорил Юрий, не видел. Но проводники рассказали, что в тот день в камеру хранения забытых вещей отнесли металлический портсигар с папиросами. Оперуполномоченный немедленно направился на вокзал. Портсигар был обыкновенный — из дюралюминия. На крышке выгравирован олень. В портсигаре 18 папирос ленинградской табачной фабрики. С портсигара сняли отпечатки пальцев: хотя он уже побывал в нескольких руках, но могло пригодиться для изобличения преступника.

— Значит, надо искать человека, который недавно побывал в Ленинграде,— решил руководитель опергруппы. Примета незначительная. Но поиски продолжались...

Вечером пришла телеграмма из соседнего райотдела милиции, в которой сообщили, что в деревне Ракитовке исчез старик Илья Миронович Панюшкин. В деревню выехали начальник линейного отделения Махотнин и следователь Корж.

Выяснилось, что старик жил с племянницей, которая работала на аэродроме. Придя с работы, она обнаружила дверь квартиры незапертой, но вначале как-то не придала этому значения. Может быть, дядя ушел ненадолго по делам или к знакомым? А к вечеру встревожилась, прибежала в милицию.

Там женщине показали одежду в чемодане, и она с ужасом узнала костюм своего мужа, который уже полтора года служил в армии, где-то на юге. Чемодан и нож были собственностью старика. Портсигар и мешок она не опознала.

Да, преступник оказался много хитрее, чем предполагали вначале работники милиции. Теперь единственной уликой оставался портсигар. Махотнин и Корж пошли к Панюшкину на квартиру. Здесь было три комнаты. В одной жил старик с племянницей, в другой— молодой человек, который еще в октябре уехал с геологической экспедицией. Третью комнату занимала семья каменщика Пучкова, он вместе с женой и сыном четыре дня назад поехал в Ленинград.

Участковый, лейтенант Верхохватов, знал Панюшкина как человека тихого, скромного. Старик любил поговорить на охотничьи темы.

Более Верхохватов о старике ничего добавить не мог.

— Я ведь с ним встречался всего два раза,— сказал он.

— А по какому поводу вы встречались? — поинтересовался Корж.

Лейтенант, что-то вспомнив, вдруг переменился в лице. Немного погодя он раскрыл планшет, достал оттуда вчетверо сложенный лист из ученической тетради и протянул его Махотнину.

Это было заявление Панюшкина. Он жаловался, что сосед Пучков часто бывает пьяным, скандалит с женой, бьет ребенка. А когда Панюшкин пытается усмирить хулигана, тот набрасывается на него, грозится убить. Жалоба была двухмесячной давности, а участковый вспомнил про нее только сейчас...

Вечером в тот же день Пучкова взяли на одном из московских вокзалов и под конвоем привезли в милицию. Следователь приступил к допросу. Допрашиваемый, к удивлению следователя, держался хладнокровно и, кажется, не пытался изворачиваться.

Да, это был владелец чемодана. Приметы, подсказанные очевидцами, совпадали: полупальто, цигейковая кубанка. Осталось только выяснить, ему ли принадлежал портсигар. Следователь вынул его из портфеля и положил на стол.

— Ваш?

— Да,— ответил Пучков.

— Почему вы подняли руку на старика?

Пучков вынул из портсигара папиросу, прикурил и начал рассказывать.

На днях он отвез жену с сыном в Ленинград, чтобы она встретила Новый год среди родных,— она ведь родом из Ленинграда,— а сам вернулся домой, в Подмосковье. Деньги были. Начал пить. И вот вечером, вернувшись пьяным домой, встретился со стариком. Тот стал укорять его: мол, без жены все пропьешь, на что жить будешь?

Он прикрикнул на старика:

— Какое твое дело, старый хрыч?!

— И не стыдно? — говорил ему Панюшкин.— Ты мне по годам во внуки годишься.

Тут Пучков развернулся и ударил старика. Тот застонал и прилег на кухне на сундук. Пучков пошел спать. А ночью вышел из комнаты — старик на полу лежит как пласт.

— Я начал тормошить его,— продолжал рассказывать Пучков.— Вижу, не живой. Перепугался. Под суд хоть так, хоть эдак. Ну, и придумал все подстроить, чтобы запутать дело. Нож и одежонку его зятя нашел в сундуке. Испачкал все в кровь, мол, зарезали старика. Чемодан также в коридоре стоял, из-под картошки. А мешок мой. Дверь в комнату специально не закрыл — пусть думают, что хотят. Кроме старика, меня после Ленинграда никто не видел. Хотел в тот же день обратно в Ленинград уехать. А потом решил страх в водке утопить. Вот и гулял по Москве по ресторанам.

Пучкова увезли...

Ф. БАРИЛОВ,
А. ЗАПЫЛАЕВ,
сотрудники Управления милиции Московской железной дороги.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Суеверные американские женщины никогда не позволят, чтобы за столом сидело 13 гостей. А что делать, если нет четырнадцатого? В Нью-Йорке найден выход из такого положения: набирают определенный номер и вызывают в качестве гостя некоего Фреда Хорса, элегантного сорокалетнего мужчину, который за вознаграждение от 5 до 20 долларов помогает изменить роковое число. Цена зависит от того, как Фред должен одеться и как вести себя. Если необходимо явиться с орденами, цена увеличивается на десять процентов.

ВОЗДУШНОЕ КРЕЩЕНИЕ

Этого кита-детеныша зовут Тич. Недавно его перевезли в самолете в специальной ванне из Канады в город Манчестер. Здесь его поместили в зоопарк. Тич — первый из китов, совершивший воздушное путешествие.

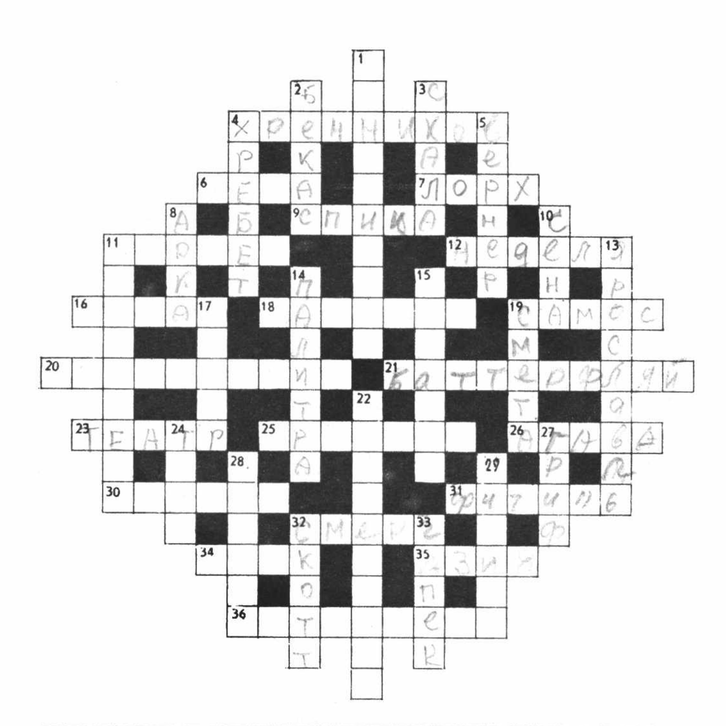

ПРОКАТИМСЯ?..

Любимое развлечение Джонни и Рози — обезьян из английского зоопарка — прогулки на мотоцикле. На снимках, которые мы воспроизводим, запечатлены эпизоды одной такой прогулки.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский композитор. 6. Приток Ориноко. 7. Сорт картофеля. 9. Деталь колеса. 11. Город в Норвегии. 12. Период времени. 16. Старейший советский ледокол. 18. Крупное травоядное животное. 19. Остров в Эгейском море. 20. Машина для разработки грунта. 21. Способ плавания. 23. Помещение для представлений. 25. Государство в Африке. 26. Тропическое растение. 30. Третейский судья. 31. Сатирический киножурнал. 32. Ураганный вихрь. 34. Сушеные плоды абрикоса. 35. Часть света. 36. Тригонометрическая функция.

По вертикали:

1. Русский живописец. 2. Болотная птица. 3. Утес. 4. Цепь гор. 5. Опера Ж. Массне. 8. Дугообразная строительная конструкция. 10. Река во Франции. 11. Ядро земного шара. 13. Порт на Волге. 14. Сочетание цветов на картине. 15. Римский поэт. 17. Художественное текстильное изделие. 19. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 22. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 24. Духовой музыкальный инструмент. 27. Штемпель с изображением подписи. 28. Пьеса М. Горького. 29. Звезда в созвездии Большого Пса. 32. Английский полярный исследователь. 33. Чешский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

5. Сарысу. 6. Брикет. 9. «Наливайко». 10. Палуба. 12. Рублев. 14. Арика. 16. Камерун. 18. Сентаво. 19. Регистр. 22. Слобода. 23. Вензель. 24. Глава. 26. Карбас. 28. Метель. 29. Партитура. 30. Макака. 31. Эдисон.

По вертикали:

1. Марина. 2. Посылка. 3. Курейка. 4. Вектор. 7. Солома. 8. Вулкан. 11. Баркарола. 13. Умножение. 15. Индиана. 17. Нерка. 18. Серов. 20. Сократ. 21. Шедевр. 24. Горький. 25. Ахундов. 27. Спектр. 28. Максим.

На первой странице обложки: Крутой спуск.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Художник-палешанин Николай Иванович Голиков любит в свободные часы бродить по лесу со своей собакой Кустаркой.
Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления— Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.
А 01924. Подписано к печати 3/II 1965 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 965 000. Изд. № 214. Заказ № 150.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

М. ШТРАУХ,
лауреат Ленинской премии

Здесь, на этих фотографиях, пойманы весьма выразительные моменты в работе кинорежиссеров. Это часть их творческой кухни, то, что бывает скрыто от глаз зрителя. Все это интересно и для человека, имеющего довольно смутное представление о том, что такое режиссер и как снимается кинофильм, и для знатока тоже...

Посмотрите на эти редкие фотографии режиссеров: какая же это сложная и вместе с тем азартная профессия! Сколько надо иметь умения и многотерпения, какой запас невероятной энергии, чтобы увлечь людей и создать кинокартину!

Мы обратились к М. М. Штрауху и попросили его рассказать о том, что изображено на этих кадрах.

1. Не будем вспоминать изречение об Александре Македонском... Сергей Эйзенштейн занимается со студентами режиссерского факультета института кинематографии. Учебный год 1935/36. Сочиняется и «разбирается по косточкам» эпизод из неосуществленного фильма «Черное величество» — об истории освобождения Гаити.

Эйзенштейн очень увлекался и дорожил своим преподаванием во ВГИКе. Эти занятия были нужны и ценны не только студентам, но и ему самому: они помогали режиссеру в его бесчисленных исследованиях и экспериментах. Эйзенштейн любил проверять каждую мизансцену на самом себе, вот и здесь он ищет наиболее выразительный ракурс.

2. А вот неистовый Всеволод Пудовкин! Какой же это был неуемный, темпераментный в своем творчестве человек! Посмотрите на фотографию, она сделана во время съемок «Минина и Пожарского». Пудовкин умудряется держать зеркальный отражатель — его применяют на съемках, чтобы усилить освещение,— давать команду оператору, принимать участие в массовке, да еще и курит... Он надел на себя костюм, чтобы вдохновить участников массовых сцен, он сам снимается с ними!!

Всеволод Илларионович был замечательным актером, участником многих фильмов, а как режиссер творил чудеса.

3. Это Александр Довженко, совсем еще молодой. Мы все его очень любили и называли просто Сашко... По-видимому, здесь он на съемках своей «Земли»... На фоне русской печки снят артист Шкурат, участвовавший почти во всех довженковских фильмах. Это пауза на съемке... В такой характерной позе можно было часто видеть Довженко. Бывало, он что-то горячо говорит, доказывает, разъясняет, убеждает... и вдруг замолкнет. И вот так, скрестив руки, долго сидит и молчит. Думает. Волевое, чудесное лицо поэта и мыслителя... Можно было заглядеться на него. Не отрывая глаз, ждать полета вдохновенных мыслей. И слушать Довженко без конца!..

4. Как вы думаете, что делает здесь Григорий Александров во время съемок картины «Цирк»? Он сам балансирует на проволоке, показывая акробатический трюк!.. Когда-то мы все вместе — Г. Александров, И. Пырьев, Ю. Глизер и я — начинали свою артистическую юность с Эйзенштейном в Первом рабочем театре Пролеткульта, в спектакле «Мудрец». Это была осовремененная переделка пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Г. Александрову досталась роль Голутвина: украв дневник, он проносил его по проволоке, наклонно натянутой над зрительным залом, а потом уже появлялся перед изумленным зрителем. А в кинофильме он вылезал на крышу, где начиналась погоня... О, мы все прошли великолепную школу эксцентрико-циркового мастерства. Такое уж было веяние в некоторых театрах тех лет. И мы не жалеем об этом!

5. Мне кажется, фотограф удачно подкараулил и схватил момент, когда Сергей Юткевич подсел во время съемки ко мне, актеру, играющему самую главную свою роль, и тихо советуется, дает указания. Как дороги бывают всегда такие советы и как они помогают в работе!.. Фильм «Рассказы о Ленине», особенно вторая новелла — «Последняя осень», поставлен в очень тонкой, элегичной манере раздумий о Ленине. Вот и этот рабочий момент хорошо передает задушевную атмосферу, которой Сергей Осипович Юткевич насытил всю картину. Сейчас режиссер заканчивает съемку фильма «Ленин в Польше», тем самым завершая большой труд — кинотрилогию о Ленине.

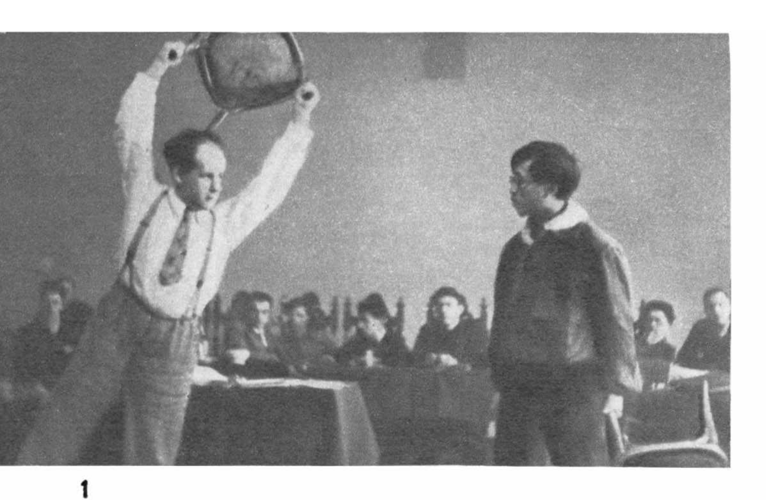
6. Видите ли, режиссеру на репетициях порою кажется, что даже держать на руках грудного младенца он умеет лучше, чем любая женщина. Григорий Чухрай на съемках «Чистого неба» как раз и обучает этому киноактрису... Ну что ж, режиссеру, как говорится, всегда виднее!

7. Вот съемки картины «Хождение по мукам». В центре режиссер Григорий Рошаль. Не правда ли, он напоминает полководца, ведущего свои войска в решающую атаку?!

Эйзенштейн, который так же, как и Маяковский, любил покаламбурить, увидев однажды на съемках темпераментного Рошаля, воскликнул, перефразируя строчки известного стихотворения Фета: «Рошаль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали!»

Во всяком случае, и сейчас еще можно только позавидовать эмоциональности и молодости, которой обладает режиссер Рошаль.

8. Пример настоящего героизма во имя любви к кинематографу!.. Глядите, как на съемках «Неотправленного письма» пеленают оператора Урусевского в ткани, пропитанные асбестом, чтобы он до конца картины не сгорел. Шутка сказать: ведь съемки шли в горящей тайге!..

1

иссер

5

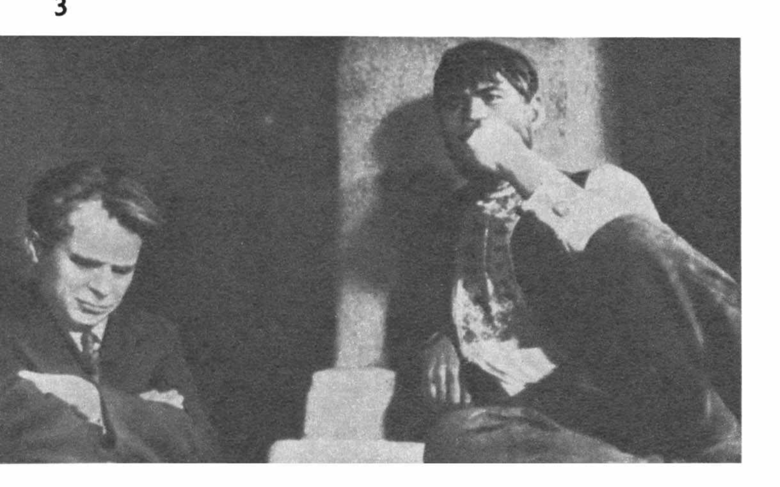
6

2

все умеет!

3

4

7

8

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663